

№ 5(29). 2018

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.
Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Октябрь 2018 № 5 (29)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко, секретарь Союза писателей России
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Николай Иванов — Председатель Правления Союза писателей России
Григорий Блехман — секретарь Союза писателей России
Елена Груцкая — поэт
Игорь Ерофеев — член Союза писателей России
Евгений Журавли — поэт, прозаик, публицист
Александр Казинцев — член Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»
Сергей Кириллов — писатель, поэт, публицист
Валентин Курбатов — член Союза писателей России, член Совета
по культуре при Президенте РФ
Александр Новосельцев — член Союза писателей России
Сергей Пылёв — член Союза писателей России
Андрей Растворцев — член Союза писателей России
Геннадий Сазонов — член Союза писателей России
Валерий Старжинский — доктор философских наук, профессор кафедры
философских учений БНТУ

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014
Дата выхода номера в свет: 15 октября 2018 года
Тираж: 1000 экз.
Адрес редакции, издателя: 236010, Калининград, ул. Белинского, 44-58
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна, адрес:
236010, Калининград, ул. Белинского, д. 44, кв. 58
Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки — Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка — Елена Балантаева
Отпечатано в типографии «График Артс»
г. Калининград, проспект Мира, 5, тел. 92-14-90, e-mail: 921490@mail.ru
При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.
Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.
Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи должны быть сохранены документом Word (шрифт — Roman, кегль 14, межстрочный интервал — 1). Текст не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста — краткие сведения об авторе — *курсивом*. Рукописи без буквы Ё не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Публицистика	
Вячеслав Игрунов. Русское и советское	4
Александр Казинцев. Вдохновенная ошибка. «Пушкинская речь» Ф. М. Достоевского	8
Юрий Серб. За веру, язык и Отечество	14
Проза	
Вячеслав Куприянов. Остерегайтесь гончих псов. <i>Виртуальная повесть. Часть I</i>	17
Елена Тулушева. Домой. <i>Рассказы</i>	38
Поэзия	
Валентина Ерофеева-Тверская. «Господом мне даровано...» <i>Стихи</i>	49
Светлана Савицкая. Солнечный ветер. <i>Стихи</i>	55
Николай Переяслов. <i>Стихи XXI века</i>	61
Анна Токарева. <i>Стихи</i>	63
Берега культуры и искусства	
Лидия Довыденко. Дары сентябрьских встреч. <i>Нина Лобанова-Ростовская.</i> <i>Светлана Савицкая. Липецкие встречи</i>	66
Берега наследия	
Юрий Кузнецов. Лекция «Слава». <i>Вступительное слово Марины Гах</i>	80
Берега истории	
Княгиня Вера Дмитриевна Лобанова-Ростовская. О российской трагедии XX века. До и после 1917 года. (1903. Санкт-Петербург – 1921. София)	83
Екатерина Фёдорова. Образ «Матá» в романе В. Д. Лобановой-Ростовской «Матá». <i>Отрывок из романа</i>	85
Георгий Бирюков. Из истории деяний русского флота в прусских водах	121
Берега Новороссии	
Александр Морозов. <i>Стихи</i>	126
Ната Игнатова. А ночь закончится рассветом непременно! <i>Поэма</i>	130
Мир без границ	
Берега Республики Сербской.	
Юлия Воинова-Жунич. О фильме «Я тоже русский. Две мечты сербского поэта»	135
Неонилла Пасичник. Любомир из Рязанского края... ..	142
Берега Литвы	
Владимир Вахрамеев. 10 лет РО МАПП в Литве	145
Эляна Суодене. В поисках точки опоры. <i>Эссе</i>	149
Берега Польши	
Болеслав Тейковский. В Конгресс США	151
Берега Республики Беларусь	
Светлана Быкова. Предназначение. <i>Стихи</i>	153
Мария Розумко. Бег времени. <i>Стихи</i>	155
Критика	
Григорий Блехман. «У нас у каждого свой крест». <i>О поэзии Валентины Ерофеевой-Тверской</i> .	157
Людмила Яцкевич. Образы и символы соборности в творчестве вологодских писателей. <i>Часть 2. (Начало в предыдущем номере)</i>	160
Светлана Демченко. Ностальгия по прошлому или поэма о будущем? Читая «Плач о потерянной Родине. Жестокий час» <i>Сэды Вермишевой</i>	166
Наталья Советная. Тайны дома на набережной (Ю. Серб. <i>Площадь безумия.</i>)	173
Бережок	
Галина Чепикова. Стихи из цикла «Про девчонок и мальчишек»	177
Иван Привалов. Шарик	179
О нас думают, нас читают.	
Отзывы об авторах и их произведениях в журнале «Берега», № 4 (28)-2018	180
Наши друзья	
Советуем почитать. Подписка и приобретение журнала	185

Публицистика

Вячеслав Игрунов

Вячеслав Владимирович Игрунов родился 28 октября 1948 года в Житомирской области. С 1965 года занимается политической деятельностью. В 1965 году организовал нелегальный марксистский кружок в Одессе. Учился в Одесском институте народного хозяйства (1969–1973), был отчислен за политическую деятельность за год до окончания. Создал первую – и единственную – в СССР библиотеку неподцензурной литературы.

Работал почтальоном, сторожем. В 1983–1987 годах – техник, инженер, мастер, старший мастер Одесского производственного объединения «Точмаш».

С 1987 года живет в Москве, занимается политической деятельностью. Депутат Государственной думы РФ (1994–2003), стоял у истоков партии «Яблоко», директор Института гуманитарно-политических исследований (ИГПИ)

Русское и советское

Вводное слово к круглому столу «Кто мы: русские, советские?» в рамках фестиваля «Преображенские встречи» 19 августа 2018 года

Начиная разговор о русском и советском, я хотел бы выразить уверенность в том, что никто из присутствующих не возразит мне, если я скажу, что Екатерина Вторая – великая русская императрица. И добавлю: Карл Васильевич Нессельроде – выдающийся русский дипломат. Барклай де Толли – русский полководец, а мне, одесситу, на ум приходит Дерibas. Беринг – русский путешественник. А удивительный доктор Гааз – не русский ли общественный деятель? Не в нём ли так ярко проявились черты, часто приписываемые русскому народу? Ни один из этих людей не был русским по происхождению, ни один из них не родился в России, но все они остались русскими в истории и знамениты именно тем, что они совершили как русские.

Мы можем назвать множество имён, которых иной ревнитель русскости русским не захочет признать: Безбородко и братья Разумовские; Багратион и Лорис-Меликов; Владимир Даль, Гоголь и Короленко; Пастернак и Мандельштам; Брюллов, Левитан, Малевич и многие-многие другие.

Но образованный, интеллигентный человек безусловно признает в них русских политиков, полководцев, общественных деятелей, писателей, поэтов, художников. Многие из них составляют гордость нашей истории и культуры. Так русские ли они? Безусловно!

Обыватель мало задумывается о смысле слова «русский». Либо ему нет дела до этого, либо он принимает расхожие трактовки, рождаемые зачастую малограмотными ограниченными людьми с расистскими обертонами во взглядах. Для большинства людей «русский» сегодня – этноним, и какой же русский тогда Ходасевич, Айвазовский или Куинджи?

Но всё же, большинство из нас, получивших советское образование, не интересуют антропологические корни Лермонтова и Герцена, Блока или Карамзина, и у нас не вызывает сомнения ни русскость Пушкина, ни русскость Фонвизина. И дело здесь не только и даже не столько в идентичности, в культурной ассимиляции, сколько в том простом факте, что русским в Российской империи считался любой подданный русского императора.

«Русский» до 1917 года – это вовсе не этноним, а свидетельство отношений с государством российским. Многие из выдающихся русских сохраняли католическую, протестантскую, иудейскую или иную веру своих родителей, своего детства. Некоторые из них до конца жизни владели русским языком далеко не в совершенстве.

Но ни вера, ни родословная не имеют решающего значения. Чтобы признать русскими Бальмонта, Гиппиус, Беллинсгаузена, Бенкендорфа, Шехтеля, не надо рыться в родословных, несмотря на подозрительно звучащие фамилии. Достаточно знать, что они имели российское подданство и служили России.

Однако оговорюсь: хотя этническое прочтение слова «русский» не являлось основным, всё же между понятиями «русский» и «великоросс» существовала, пусть не формулируемая, но достаточно тесная связь, что облегчило последующую замену второго термина первым.

Всё меняется после революции. Государство перестаёт именоваться Российской империей, и вскоре его граждане становятся советскими людьми. Понятие «советский» замещает понятие «русский», а «русский» превращается в этноним, вытесняя прежнее понятие «великоросс». И начинается смешение двух представлений.

Понятие «советский» поначалу просто – это лишь обозначение гражданства, иногда довольно условного. Настолько просто, что за пределами государства всех советских, как правило, продолжаем именовать русскими. И даже сегодня мы сталкиваемся с тем, что грузинская преступная организация в Испании или чеченская в Чехии именуются русскими, и в этом имени нет ни грана этничности. Зато переустройство государства актуализирует этничность, а сложные отношения граждан с коммунистическим государством зачастую превращают этничность в доминирующую идентичность, что в Российской империи имело существенно меньшее значение.

Но со временем и понятие «советский» приобрело свою сложность. Марксистская идеология усваивается молодыми людьми и возникает новая общность «советский народ». Над этим новообразованием много потешались в брежневские времена, особенно люди с этнической озабоченностью. Однако насмешки не отменили факта формирования советской идентичности. Во время обсуждений подобных предметов редко можно предъявить демонстрационные образцы. Но в данном случае мы имеем тот счастливый случай, когда я могу предложить наглядное пособие в виде собственной персоны.

Для таких людей, как я, этничность не играет существенной роли. Да, у каждого из нас в паспорте было записано: «еврей», «русский», «армянин». Но для нас это был такой же факт, как цвет глаз или волос, как рост или размер ступни. Они известны, их изменить нельзя, они учитываются в определённых случаях, но почти не накладывают отпечатка на нашу повседневную жизнь. Не случайно в эпоху перестройки столь многие образованные люди ополчились против записи в паспорте о национальности, то есть об этничности, и она была отменена. Этничность становится предметом самоопределения, выбора идентичности, утрачивая антропологические, то есть незыблемые, основания.

Можно много спорить о том, какова была советская идентичность. Такие споры естественны и уместны, поскольку проблемы идентичности вообще – материя тонкая, а мы имели дело с представлениями в стадии становления. Но я позволю себе очертить некий круг представлений, характерный для советских людей, которые я – отнюдь не исследователь, но обыватель – отмечаю для себя.

Первое, что можно отметить, это взгляды социалистического круга. Все люди равны. Человек человеку – друг, товарищ и брат. Всё во имя человека, всё для блага человека.

Второе, дух интернационализма и космополитизма. Советскому человеку до всего есть дело: от бедственного положения колоний и линчевания негров, до революции в Испании и эмансипации женщин в Афганистане. Он готов защитить любого от унижения и дискриминации. «Мистер Твистер» – эту поэму Маршака помнят все, кто рос в Советском Союзе.

Третье. Главное для человека – общее благо. Он готов пожертвовать своим материальным благополучием и даже своей жизнью во имя светлого будущего всего человечества: «Я хату покинул, пошёл воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать». В итоге: материальное для советского человека отодвигается на второй план перед духовным, идеальным. Частное отодвигается общечеловеческим.

Четвертое – это высокие нравственные стандарты личности. Прежде всего, приходит в голову «Честное слово» Пантелеева, но можно вспомнить и «Рассказ о неизвестном герое» Маршака, и «Голубую чашку» Гайдара, да почти всю литературу, посвященную Великой Отечественной войне. Советский человек должен быть честен и верен слову, отзывчив и внимателен к ближним, образован и трудолюбив, бескорыстен и предан родине, семье, друзьям.

Таковы черты нормативного портрета советского человека. И это не миф. Таких людей и в самом деле продуцировала советская система воспитания. Но беда заключалась в том, что большинство этих людей втягивались в конфликт с советской системой. Слишком высокие стандарты оказывались не по плечу обыкновенному человеку, да ещё и утвердившемся в мире, где «морально всё то, что служит делу революции», где уничтожают людей чести, поскольку они не приемлют господства черни, да и просто потому, что достойный человек есть постоянный укор и раздражающий вызов дорвавшемуся до власти отморозку. Отсюда и возникает советское двоемыслие.

Утверждаются две советские культуры: нормативная, которая ориентирована на воспитание новых поколений и которой следуют немногие, и бытовая, которая господствует в реальной жизни едва ли не на каждом шагу, а после XX съезда партии, когда борьба с культом личности навсегда подорвала веру в коммунизм, приобретает абсолютно доминирующее значение. Нормативные представления живут в официальной пропаганде, их ещё разделяет значительная часть людей, но они всё больше подвергаются открытому издевательскому осмеянию, вплоть до того, что внук одного из создателей советской нормативной этики утверждает: «Там, где говорят о нравственности в политике, пахнет ГУЛагом».

Реальная бытовая культура советского человека пронизана мелочными заботами, погоней за вещами, эгоизмом, трусостью – «моя хата с краю», – она цинична, терпима к воровству или даже поощряет его – ведь государство, у которого крадём, плохо распоряжается нашим общим достоянием. Для неё предательство – небольшой грех, подлость – условие успеха.

Самые благородные устремления приобретают карикатурный характер. Модно быть образованным и интеллигентным? Пожалуйста, мой книжный шкаф свидетельствует о моих возможностях – любой раритет в вашем распоряжении. Но при этом книги зачастую покупаются под цвет обоев. Сегодня уже не модно читать Горького? В макулатуру! Достаём Бунина. А может быть Лопе де Вега. Зависит от цвета переплёта. Потому как серый двенадцатитомник Чехова может не вписаться, а зелёный – вполне. Главная черта позднего советского общества – потребительский материализм и нарастающая бездуховность.

Увы, именно этот позднесоветский человек, отказавшийся от коммунистической идеологии, боготворящий успех и престижное потребление, и стал основой современного российского общества. Оно выросло из советского, как бабочка из куколки. Ограниченный, алчный, бесчестный человек более всего отрешивается от своего советского прошлого – ведь он видит советское в нормативной культуре, тесно связанной с коммунистической идеологией, в той самой культуре, которая отвергала его обывательские ценности и установки.

Сейчас, когда очень разные люди отказываются от советского, надо спросить: от какого советского? И прежде чем осуждать людей, печалющихся о разрушении СССР, надо спросить о каком советском прошлом они тоскуют? В позднесоветском государстве люди устали от бедности и дефицита. Но мы уверены, что культ потребления – достойная замена голодной идейности? Ведь и в Новом завете говорится: «трудно богатому войти в Царство Небесное; и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие». Именно из Евангелия выростал современный европейский социализм.

Отшатываясь от ужасов прошлого, отвергая советское, достойные люди ищут свою идентичность, давая ей новые имена – русское, российское. Но давайте посмотрим, просто ли стать русским после советского. В чем противостоят эти представления?

Если русское понимается как этническое, то интернационализму противостоит национализм, всемирности – провинциальность. Мы больше не готовы твердить: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» Мы видим в этом лозунге человеконенавистническую идеологию классовой борьбы. Мы не готовы больше смотреть через забор. Нет нам дела ни до Сербии, ни до Сирии – у нас самих ни дорог, ни медицины. Своя рубашка ближе к телу.

Вполне достойные люди замечают: России пора заняться собой. И разве с этим можно не согласиться? Но отказ от Гренады вовсе не обязательно означает переход к мирному служению близким. Он может означать переход от духовности к мелочности бытия, от щедрости – к стяжательству, от сострадания – к черствому эгоизму.

Границы противостояния русского и советского неопределённые, никогда не обязательны, они интуитивно нащупываются и легко смешиваются. Блоковское «нам внятно всё – и острый галль-

ский смысл, и сумрачный германский гений» рифмуется с Земшарной Советской республикой. Но блоковская русскость не этнического происхождения, имперского, где нет ни немца, ни грузина в Российском государстве.

Русское имперское сознание помогло укрепиться пролетарскому интернационализму – уродливой форме всемирной отзывчивости. Но беда в том, что уродство теперь присуще нашему обществу снизу доверху, и, убирая интернационализм, мы в старые мехи уродства заливаем молодое вино этнического национализма – и мехи будут порваны, и вино пролито. Если нет человеческой глубины, она не появится в результате смены имён. А если она есть, едва ли не любое имя не мешает ей проявиться.

Как мне кажется, перед нами не стоит задача отвержения прошлого целиком. Осуждая кровь и грязь прошлой эпохи, отказываясь от бесчеловечной практики государства, мы не должны торопиться с отказом от всего советского наследства. Новое мы можем вырастить только из прошлого – больше не из чего ему расти. И нам предстоит вернуть память – полную и неискаженную и о советской эпохе, и о Российской империи.

И нам предстоит выбрать, какое русское мы выбираем: открытое миру и любому человеку на Земле или то, в котором свет только в своём окошке. Мы избираем вовлечённость в главные мировые проблемы, требующие от нас служения и самоограничения, или мещанскую ограниченность и провинциальный утилитаризм?

Для меня лично нет проблемы в выборе. Во мне мирно уживаются и гордость за великую русскую культуру, и благодарность за духовное советское детство. И память о зверствах большевистской революции и годах террора не открывают мне дороги в сусальный рай имперского прошлого. Я знаю, что одно выросло из другого. Я хотел бы осудить всё зло русской истории от убийства Бориса и Глеба до лагерных смертей Галанскова и Марченко. Но я хотел бы покаяния и примирения прошедших через голгофу истории российских граждан, какую бы идентичность они для себя ни избрали. Я хотел бы видеть русских людей – татар и калмыков, грузин и армян, украинцев и евреев – строящими новый мир, принимающими испытания, идущими на жертвенные подвиги ради сохранения мира и любви на своей земле и во всем мире, ибо больше не может быть отдельного счастья для русских и китайцев, индийцев и англичан. Я верю в возможность русского человека – вырастать из глубоких культурных корней своего прошлого и уходить к небу общечеловеческой цивилизации, не теряя своего удивительного своеобразия, своей универсальности и своей духовности.

Публицистика

Александр Казинцев

Уважаемый Александр Иванович! Примите от всей души наши поздравления с 65-летием от имени авторов, читателей и редакционного совета журнала «Берега»! Мы очень высоко ценим Ваше участие в журнале «Берега» и нашу дружбу. Ваши статьи и книги всегда привлекают внимание читателей острым и умным словом, ярко и полно отражают часть русской жизни, какую бы тему Вы ни взяли! Примите сердечную благодарность за Ваш талант, служение духовно-нравственной жизни! Новых творческих проектов и их воплощения, гармонии, равновесия, счастья, радости и добра!

Казинцев Александр Иванович родился в 1953 году в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова и аспирантуру при МГУ. С 1981 года работает в журнале «Наши современники», с 1988-го – заместитель главного редактора. Ведущий авторской рубрики «Дневник современника». Автор более 200 статей, часть которых переведена на английский, испанский, французский, китайский, арабский и другие языки, а также 6 книг, в том числе «На что мы променяли СССР?» и «Возвращение масс». Лауреат многих литературных премий, секретарь Правления Союза писателей России. Живёт в Москве

Вдохновенная ошибка

«Пушкинская речь» Ф. М. Достоевского

«Пушкинская речь» – одно из самых известных произведений писателя. Но прочитана ли она с должной глубиной и ответственностью?

Ни одно из творений Достоевского не вызывало таких восторгов. Современники рисуют картину всеобщей экзальтации. Мемуарист Д.Н.Любимов вспоминал: «Зала точно замерла... Вдруг из задних рядов раздался истерический крик: «Вы разгадали!» (значение Пушкина. – А.К.). Вся зала встрепенулась. Послышались крики «Разгадали! Разгадали!», гром рукоплесканий, какой-то гул, топот, какие-то женские визги».

Не менее красочно описывает событие сам Фёдор Михайлович: «...Зала была как в истерике, когда я закончил, я не скажу тебе про рёв, про вопль восторга. Люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга: «Вы наш святой, вы наш пророк!» «Пророк, пророк!» – кричали в толпе... Я бросился спастись (так! – А.К.) за кулисы, но туда вломились из залы все, а главное – женщины. Целовали мне руки... Прибежали студенты. Один из них, в слезах, упал передо мной в истерике на пол и лишился чувств».

Реакция необычная, согласитесь. Тот же Д.Н.Любимов пишет: «Думаю, никогда стены московского Дворянского собрания ни до, ни после не оглашались такой бурей восторга».

В чём причина неслыханного успеха? Из множества факторов (мастерское чтение Достоевского – его отмечали многие, патетический стиль самого текста и т.д.) я бы выделил два: объективный и субъективный.

Сначала об объективном. Обращу внимание на время произнесения речи – 1880 год. Период для истории русской литературы рубежный. Тремя годами ранее умер Н.Некрасов. Спустя год после пушкинских торжеств не станет самого Достоевского. В 1883 году умрёт И.Тургенев. В 1879-м Л.Толстой вчерне заканчивает «Исповедь», где по существу отказывается от своих художественных произведений.

Завершался Золотой век русской литературы. Эпоха, в начале своём давшая А.Пушкина, Н.Гоголя, М.Лермонтова, Ф.Тютчева, а в полноте сил – Л.Толстого, И.Тургенева, Ф.Достоевского. То было вершинное проявление национального духа, выше которого Россия ничего не дала.

Публика инстинктивно чувствовала значимость заканчивавшегося периода. Вопрос заключался в том, кто подведёт итог. Кто включит этот период в историю самых славных эпох всемирной литературы.

Это сделал Ф.М.Достоевский в «Пушкинской речи»: «...Мы уже можем указать на Пушкина, на всемирность и всечеловечность его гения. Ведь мог же он вместить чужие гении в душе своей, как родные. В искусстве, по крайней мере, в художественном творчестве, он проявил эту всемирность стремления русского духа неоспоримо, а в этом уже великое указание».

Обращаясь к творчеству Пушкина, Фёдор Михайлович не только уравнивал отечественную словесность с ведущими мировыми литературами, но и поставил, пусть в одном пункте, выше них: «В самом деле, в европейских литературах были громадной величины художественные гении – Шекспир, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такую способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин».

Вроде бы преимущество не всеобъемлющее, но и самому Достоевскому, и его аудитории было ясно: оно ключевое. «Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное... Стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всеобъединяющей, вместить в неё с братскою любовью всех наших братьев, а, в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой общей гармонии».

«Изречь окончательное слово» европейской и мировой истории – было от чего восторженно взречь не избалованной похвалами отечественной публике!

Не забудем и о факторе субъективном.

Первоначально открытие памятника Пушкину было намечено на 26 мая по старому стилю – день рождения поэта. В двадцатых числах литераторы, представители различных обществ и учреждений начали съезжаться в Москву. Но 22 мая умерла жена Александра II императрица Мария Александровна. На следующий день газеты опубликовали извещение: открытие памятника в связи с трауром откладывается. Называют новую дату – 4 июня, затем 6 июня.

А публика съехалась! Более двух недель десятки знаменитостей и сотни восторженных ротозеев колобродят по Москве. Устраивают торжественные обеды (25 мая в ресторане гостиницы «Эрмитаж» чествовали Достоевского). Участвуют в литературно-музыкальных вечерах (6 июня на одном из таких вечеров Достоевский прочёл монолог Пимена из «Бориса Годунова»). Общественная жизнь кипит, и с каждым днём вынужденного ожидания градус повышается!

Чтобы понять причины такой взвинченности, надо учесть, что общественной жизни в общероссийском масштабе тогда не существовало. Власть строго следила за тем, чтобы начавшееся после реформ Александра II оживление в обществе замыкалось на местном уровне. Пушкинские торжества давали легальный повод придать этой активности всероссийский масштаб. «Прогрессивная» Россия ждала судьбоносного, пророческого слова. И с каждым днём промедления всё истовее, всё исступлённей.

Вот в какой атмосфере прозвучала «Пушкинская речь». Вот почему дамы в зале Дворянского собрания кричали: «Вы наш святой, вы наш пророк!» – а впечатлительные юноши падали в обморок. Не удивительно и то, что именно речь Достоевского дала выход эмоциям. То была его сцена, его роль.

Корреспондент «Вестника Европы» заметил: «...Сказанная в известном стиле талантливого писателя, она (речь. – А.К.) подействовала – без сомнения, в значительной степени потому, что сказана была перед аудиторией, уже приготовленной к крайнему увлечению: несколько дней, проведённых в непрекращающемся ряду сильных впечатлений, сообщили этой аудитории почти нервическое возбуждение, – по степени этого возбуждения ей требовалось всё больше увлекающих и обольстительных слов. Их предложил г-н Достоевский».

Показательно, что уже на следующий день восторги поутихли, а спустя ещё несколько дней начали появляться критические отзывы, причём не только в либеральной, но и почвеннической печати.

Попробуем и мы взглянуть на «Пушкинскую речь» без эмоций.

Огромное значение речи, подводившей итог Золотого века русской литературы, несомненно. Однако столь же несомненны, на мой взгляд, просчёты и натяжки в тексте. Думаю, излишне объяснять, что это не «ученические промахи», а результат страстной увлечённости великого писателя, искажавшего историю русской литературы и национальную историю ради своих излюбленных идей.

Произвольным был изначальный посыл – сведение всей духовной сферы к литературе. Понятно, что литература выражает культурную жизнь народа наиболее отчётливо. Но разве менее значимы в духовном плане музыка, живопись, архитектура, громадный пласт народного творчества? Фёдор Михайлович не подкрепил свои рассуждения обращением к народным песням, былинам, что придало бы его тезису о «всечеловечности» русских большую убедительность. Или же опровергло бы его...

Неверно сводить литературу к творчеству одного, пусть и великого писателя. Критики упрекали Достоевского в том, что он обошёл вниманием такого пушкинского современника, как Гоголь. По их словам, Гоголь – «великая оборотная сторона Пушкина» (А.Градовский). Действительно, друг и единомышленник поэта резко договаривает многое из того, о чём в силу особенностей своего солнечного дарования не говорил Пушкин.

«Гоголь, – утверждает А. Градовский, – вывел череду устрашающих персонажей: Собакевичей, Ноздрёвых, Коробочек. От них-то и бежали «скитальцы», подобные Онегину». (Кстати, описание гостей на именинах Татьяны во многом подтверждает догадку А.Градовского.)

Но вот герои без страха и упрёка. «Тарас Бульба» – вдохновенная попытка создать подлинный эпос, где народ высказывается о себе и своём видении мира. Тем характернее его мнение об ино-родцах: «чёртов лях», «поганый татарин», «турецкие собаки», «проклятые жида». Не очень-то это согласуется с ролью «брата всех людей», которую приписывает русскому человеку Достоевский.

Да и в реальной жизни в суждениях о соседях – ближних и дальних – русские не стеснялись политкорректностью. Достаточно вспомнить народные поговорки (цитирую работу: Шевченко И.Ю., Зубков М.Н. «Этностереотипные образы иностранцев в русских поговорках». www.rae.ru/fogum 2012/274/ 1619): «злее злого татарина», «хохол глупее вороны, а хитрее чёрта», «у француза ножки тоненьки, душа коротенька», «грек скажет правду однажды в год».

Конечно, можно указать на историческую обусловленность тех или иных характеристик, вспомнить об ужасах войн и взаимного насилия. Русские не более пристрастны к иноземцам, чем те к нам. Однако идеализировать нас, представляя образцом «всемирной отзывчивости», нет оснований.

Между прочим, у самого Достоевского в «Дневнике писателя» немало нелестных слов о «полячишках» и других европейцах. Но он как бы забывает об этом, глядя на «всечеловечность» русских через призму пушкинского творчества.

Неправомерно сводить произведения писателя к образам отдельных героев. Всё-таки три персонажа, пускай выразительных, ярких – Алеко, Онегин, Татьяна, – далеко не исчерпывают ошеломляющего богатства пушкинских характеров. И уж если говорить о народности, уместнее было бы обратиться к героям «Капитанской дочки»: Петру Гринёву, Савельичу, семейству капитана Миронова, Пугачёву и его сподвижникам – вплоть до казака, посланного самозванцем «пожаловать» Гринёва полтиной, да «растерявшего» деньги по дороге.

Не стоило пренебрегать и сравнительно-историческим анализом. «Скитальцы» (Алеко, Онегин), которых Достоевский рассматривает, с одной стороны, как порождение петровских реформ, разделивших народ и элиту, а с другой – как воплощение стремления русских к «всечеловечности» (критики, в частности, Г.Успенский, указывали на противоположность этих двух тезисов) – типичные романтические герои. Романтизм, как известно, возник на германской почве: братья Шлегели, Ф.Шиллер, А.Шамиссо, Ф.Гёльдерлин, Г.Клейст, чрезвычайно популярный в России Э.Т.А.Гофман. Позднее романтизм стал знаменем английской литературы. Она-то и дала классический тип скитальца – байроновского Чайльд-Гарольда.

Отечественные авторы, в том числе Пушкин, шли вслед за европейцами. Последней, Восьмой, главе «Евгения Онегина» предпослан эпиграф из Байрона. Лермонтов вынужден был специально подчёркивать своё отличие от мятежного британца: «Нет, я не Байрон, я другой...»

Русские романтики не были создателями образа скитальца. Рассматривать его как исключительно отечественный и строить на этом основании теорию о «всемирных» устремлениях русского народа ошибочно.

Всё это просчёты существенные, но до известной степени простительные. Куда более значим отказ автора «Пушкинской речи» от социальной конкретики, придающий его рассуждениям абстрактный характер. Достоевский сводит понятие народа к крестьянству, что само по себе спорно. Но даже приняв концепцию писателя, нельзя не пожалеть об отсутствии ссылок на работы, посвящённые жизни и нуждам пореформенного крестьянства.

Такие работы во второй половине XIX века появились: «Голос из земства» (М., 1869) славянофила Александра Кошелева, знаменитые «Письма из деревни» Александра Энгельгардта, публиковавшиеся в 1872–1887 годах, циклы Глеба Успенского «Из деревенского дневника» (1877–1880) и «Власть земли» (1882). Примечательно, что Глеб Успенский оказался в числе наиболее резких критиков «Пушкинской речи». В статье, опубликованной в «Отечественных записках», он провозглашал: «...Не следует ли... заняться с возможно внимательностью изучением самой нивы (в данном случае – синоним деревни. – А.К.) и положением, в котором она находится, так как, очевидно, только это изучение определит и «дело», в котором она нуждается, и способы, которые могут помочь это сделать».

Противопоставляя народ и космополитических «скитальцев», Достоевский рассматривает крестьянство как единый монолит. Но во второй половине XIX века шло активное социальное расслоение деревни. Ни о каком монолите, от лица которого писатель изобличал элиту и провозглашал «всемирность» русского народного характера, не могло быть и речи!

Крестьянин отчаянно нуждался в земле. Во второй половине столетия величина среднего надела из-за роста населения сократилась в два раза, тогда как урожайность выросла в 1,3 раза (infopedia.si. Пореформенная Российская империя (1861–1917). Крестьянам элементарно не хватало хлеба. Осенью 1879 года начался голод, вскоре принявший характер национального бедствия. Сельчане питались «наполовину лебедой, мякиной, отрубями» (newtefs.ru. Пореформенное помещичье хозяйство). А Достоевский манил их «единением всечеловеческим»!

Конечно, в восьмидесятые годы XIX века такие науки, как социология, социальная психология, этнология, чьи данные могут учитывать современные авторы, находились в зачаточном состоянии, хотя статистика уже тогда давала точные сведения о реальном положении в стране и на местах.

Но сердце... Разве сердце не заменяет художнику мудрость трактатов? Не обладая полнотой сведений, Достоевский должен был больше внимания уделить конкретике, а не возноситься в область абстракций. Однако на этот раз писатель предпочёл роль пророка. А пророк, понятное дело, в цифрах и прочих «приземлённых» данных науки не нуждается.

Первой и главной жертвой этой позиции стала логика. Из скитальчества героев Пушкина никак не вывести их тягу к «всемирности». Уход Алеко к цыганам – бегство от цивилизации, а не порыв в цивилизованную Европу. В «Онегине» по «европейским землям» путешествует не главный герой, а Ленский, которого Онегин убивает. «Почём знать, может быть, из хандры по мировому идеалу!» – восклицает Фёдор Михайлович. Воля ваша, но в этом залихватском «почём знать» слышится интонация Хлестакова, не достойная великого писателя.

Но и поверив Достоевскому на слово, приняв его толкование образов Алеко и Онегина, невозможно отождествить их духовный настрой с народным. Тем более, что сам Достоевский упрекает их в отрыве от народа.

Между тем, автор «Пушкинской речи» постулирует: «...Что такое сила духа русской народности (разрядка моя. – А.К.), как не стремление её в конечных целях своих к всемирности и всечеловечности!» Показательно, что это утверждение вызвало возражение Александра Кошелева, который, в отличие от Фёдора Михайловича, полжизни прожил бок о бок с простонародьем. Принимая основной посыл речи: Пушкин – народный поэт, – Кошелев оговаривает: «Не могу... согласиться со следующим мнением г-на Достоевского: «Что такое сила духа русской народности, как не стремление её в конечных целях своих к всемирности и к всечеловечности». Думаем, что это стремление... вовсе не составляет отличительной черты характера русского народа».

Действительно, с чего бы? Русский крестьянин в массе своей видывал иностранцев разве что в Петербурге и о пресловутой «всемирности» слыхом не слыхивал.

К слову, история крестьянских бунтов, когда народный характер проявлялся без всяких ограничений, не подтверждает тезиса «Пушкинской речи» о стремлении русского человека «стать братом всех людей». Погромы Немецкой слободы в XVII веке, расправы с немцами-лекарями во время холерных бунтов в XVIII-м и в первой половине XIX века показывают, что простонародье видело в

чужестранцах угрозу своим традициям, вере и даже жизни (считалось, что чужеземцы отравляют колодцы, распространяя заразу). И хотя в отношении медиков такое мнение было ошибочным, столетия натиска Европы на Восток давали достаточно оснований для народной подозрительности.

Наконец, предельно алогичный тезис речи о «служении» Европе: «...Что делала Россия во все два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо больше, чем себе самой?»

Сомневаюсь, что это соответствовало интересам русского крестьянства. Не народный дух, а скудоумие петербургской элиты, направляемой такими ненавистниками России, как Карл Нессельроде, стало причиной позорного «служения»! За которое Европа «отблагодарила» войной 1812 года, Крымской и Первой мировой.

Не достаточно ли, чтобы разочароваться во «всемирности»?

Меж тем, тезис о всемирном служении России чрезвычайно соблазнителен. Недаром В.Соловьёв положил его в основу знаменитой «Русской идеи».

Ошибочные тезисы порождали и ложные цели. Достоевский видел назначение русского народа в том, чтобы «внести примирение в европейские противоречия». Но, во-первых, европейцы нас об этом не просили. Жизненный опыт показывает, как опасно навязываться с непрошеными благодеяниями. Во-вторых, в XIX веке, когда европейские страны десятилетиями враждовали из-за клочка земли (Эльзас в борьбе Франции и Германии – иллюстрация классическая), такое «примирение» было невозможным. Оно состоялось в XX столетии после двух мировых войн. Европу объединила не нравственная проповедь, а материальная выгода общего рынка.

А если уж говорить о мировоззрении, то «единение» Европы во многом основано на антироссийской платформе.

Параллельно с укреплением Евросоюза происходило крушение Союза Советского – второе в XX веке раздробление России. Оба раза – по линии внутренних национальных границ, что силой реального примера опровергает тезис о «всечеловеческом воссоединении» и роли русского народа в этом процессе.

Возможно, не стоило бы напоминать об ошибке Достоевского, если бы не великий соблазн, который для русского сердца кроется в словах о нашем всемирном предназначении.

Тридцать шесть лет спустя после «Пушкинской речи» архиепископ Антоний Храповицкий – другой выдающийся представитель отечественной мысли, член Государственного совета, один из основателей Союза русского народа – писал о Первой мировой: «...На настоящую войну наш народ взирает, как на освобождение христианства от ига еретиков и магометан, а настоящую цель её видит в освобождении священного Царьграда с церковью Св. Софии» (Архиепископ Антоний (Храповицкий). Чей должен быть Константинополь? Таганрог, 1916).

Чудовищное заблуждение – империалистическую войну за передел мира представлять в образе крестовых походов Средневековья! И это писал владыка, окормлявший западноукраинские приходы, где магометан не видели со времён Румянцева и Екатерины. На его земле разворачивалась кровавая битва, стоившая России миллионов жизней, не с мифическими «агарянами», а с прусской военной машиной, ни в какого бога, кроме крупновской стали и крупновских пушек, не верящей.

Каким же «всесокрушающим» был разрыв с реальностью в сознании этого выдающегося пастыря и политика! После революции владыка Антоний сетовал на недостаточную стойкость русских солдат, так и не освободивших Царьград, а ведь «уже был заготовлен крест на купол Святой Софии»! Роковая русская «всемирность»: потеряли страну, а он – о кресте над Босфором!

К слову, Антоний ссылался в числе прочих и на Фёдора Михайловича – на статью в «Дневнике писателя» о Восточном вопросе. «...Этот страшный Восточный вопрос, – читаем у Достоевского, – это чуть ли не вся судьба наша в будущем. В нём заключаются как бы все наши задачи и, главное, единственный выход наш в полноту истории. В нём и окончательное столкновение наше с Европой, и окончательное единение с нею».

Отчего, по мнению Достоевского, все национальные задачи России заключаются в движении на черноморский Восток? В XIX веке, как и в следующем столетии, основные угрозы приходили к нам с Запада. А укреплялась страна силой Сибири, движением к Тихому океану. Как же можно столь упоённо игнорировать историческую конкретику?

Каким образом «окончательное столкновение» с Европой из-за Константинополя должно было обернуться «окончательным единением» с нею? Возможно ли оно? Да и нужно ли?

Столкновение с Европой действительно произошло. Причём в те годы, когда Россия и ведущие европейские державы Англия и Франция были союзниками. Как выяснилось теперь, Лондон и Париж втайне способствовали русской революции, чтобы не выполнять свои обещания отдать проливы под контроль России. Говоря о столкновении, Достоевский оказался прав, но где же обещанное «окончательное единение» с Европой?

Нет, я не собираюсь упрекать Фёдора Михайловича в чрезмерном обольщении Европой. Мне отвратительно распространившееся нынче кликушество, когда неофиты патриотизма и Православия дерзают бесчестить выдающихся писателей и мыслителей. Достоевский – один из глубочайших критиков и даже обличителей современной ему Европы.

В том же августовском выпуске «Дневника писателя», где помещена «Пушкинская речь», отвечая на критику А. Градовского, Достоевский пишет: «Да она накануне падения, ваша Европа, повсеместного, общего и ужасного. Муравейник, давно уже создававшийся в ней без Церкви и без Христа... с расшатанным до основания нравственным началом, утратившим всё, всё общее и всё абсолютное, – этот создававшийся муравейник, говорю я, весь подкопан».

Я веду речь об увлечении фразой, о том нервическом напряжении мысли, свойственном русским вообще и Достоевскому в особенности. Приведённая инвектива в адрес Европы столь же опрометчива, как и мечта о «конечном единении» с нею. Прошло без малого полтора века, а «подкопанный муравейник» стоит.

Не разумнее ли нам заниматься своими проблемами, своими нуждами, самими собой, не воспаляясь по поводу Европы (в нынешнем варианте – Запада; или Востока, в котором многие пытаются разглядеть нашего спасителя). Прислушаемся, наконец, к замечательному высказыванию Николая Данилевского («Россия и Европа»): «...Невозможно и вредно устранить себя из европейских дел, но весьма возможно, полезно и даже необходимо смотреть на эти дела всегда и постоянно с нашей особой, русской точки зрения, применяя к ним как единственный критерий оценки: какое отношение может иметь то или другое событие к нашим особенным русско-славянским целям, какое могут они оказать препятствие или содействие им. К безразличным в этом отношении... событиям должны мы оставаться совершенно равнодушными, как будто бы они... происходили на Луне; тем, которые могут приблизить нас к нашей цели, должно всемерно содействовать – и всемерно противиться тем, которые могут служить ей препятствием, не обращая при этом ни малейшего внимания на их безотносительное значение; на то, каковы будут их последствия для самой Европы, для человечества...»

К сожалению, призыв великого мыслителя до сих пор не услышан. Русское сердце и русская мысль всё так же пленяются красотой фразы, масштабом рассуждений и обещаний. Зная за нами такой грех (а это грех, прежде всего, перед своим народом, который элиты сплошь и рядом заставляют служить утопиям), нужно с особой тщательностью следить за «полётом мысли» – собственной и чужой. Сдерживать фантазию. Обуздывать красноречие. И, разумеется, опираться на факты. Ибо только опора на факты, любовь к конкретике – исторической, социальной, политической – позволяет выстроить концепцию, способную выдержать проверку жизнью.

Публицистика

Юрий Серб

Георгий Александрович Лебедев (Юрий Серб) – член СП России с 1996 г., автор семи книг прозы и поэтического сборника. Член Высшего творческого совета СП России. Первый лауреат премии имени А.К.Толстого (2012). Отстаивает точку зрения, что произведения русских классиков должны издаваться, как и написаны, – в исконном русском правописании. В последние годы и сам филолог Юрий Серб пишет с уважением к ятю (ть) и другим пренебрегаемым ныне тонкостям русской азбуки. Живет в С.-Петербурге/ Петрограде

За веру, язык и Отечество

Заметки о Греции и России

Когда турки захватили Балканы и Грецию, то поставили греков перед выбором: отказаться от родного языка либо от христианской веры. Греки понимали: отказавшись от Христа, они перестанут быть греками. Но и без языка им греками не быть. Они ответили захватчикам-оккупантам: мы выучим ваш язык, но веру сохраним, ибо другой помощи не имеем. И вся Эллада стала обучать своих детей родному языку и письменной грамоте в подпольных вечерних (ночных) классах. Турецкий язык стал средством общения только с оккупационной властью. Родную историю и культуру греки впитывали через родное слово и Святое Предание. Те же народы, которые изменили Православию, утратили свою идентичность: окатоличенные славяне стали хорватами и стали резать православных сербов, принявшие ислам стали бошняками и тоже резали сербов, даже говоря на одном с ними языке.

И те, и другие отступники стали коллаборационистами для захватчиков: хорваты – для орденов папского престола, бошняки – для Османской империи. Вполне закономерно, и те и другие потом стали карателями у Гитлера, нещадно истребляли своих православных соплеменников.

С распадом Югославии стало усугубляться языковое обособление хорватов от сербов; уже в титовской Югославии хорваты перестали пользоваться кириллицей и перешли на латиницу, всемерно поощрялись и лексические различия в пределах того языка, который по инерции ещё именовался сербохорватским. Сам Тито был хорватом и врагом Православия.

К чему мы говорим об этом? – чтобы подчеркнуть первейшее, важнейшее значение стояния народа в истинной вере. Без чего целый народ легко может стать добычей сил мирового Зла.

К концу XX века, в эпоху ужесточения информационных войн, мы уже видим, как мутация национальной идентичности может осуществляться через манипулирование языком народа – путём нейролингвистического программирования сознания.

Итак, Эллада сохранилась в лоне Православия и сберегла язык Евангелия, не потому ли в первоначальный период своей независимости де-факто была даже союзницей России?

С тех пор много воды утекло – и у русских, и у греков. Формально Греция остается православной страной, где Церковь не отделена от государства, но само государство – теперь союзник Содомских Штатов Америки, да и православие сегодняшней Греции несколько странно: Рождество они отмечают одновременно с римокатоликами, а Пасху – со всем православным миром. Теперь даже греческий язык становится жертвой нашествия англицизмов – и в быту, и в СМИ. Правда, там это не столь заметно, как у нас в Российской Федерации.

Грецию, как страну православную, Европа и Запад в целом целенаправленно опускали в долговую яму и навязывали им ориентацию на однополые браки и безграничную толерантность – то затягивая финансовую удавку, то соблазняя финансовой помощью.

Сегодня Греция – типичная западная страна – член НАТО, недавно выславшая российских дипломатов, премьер Ципрас не скрывает своего безбожия, правительство послушно выполняет директивы МВФ и Еврокомиссии, и каждое лето Греция горит, а осенью страдает от наводнений...

Кто я такой, чтобы судить греков? – Судья всем нам Бог, я только делюсь своими наблюдениями, ибо большое видится на расстоянии (*орфография автора*). В 2018 году Грецию постигли самые страшные с 1990 года лесные пожары – число погибших на момент, когда пишутся эти строки, составило 88 человек, а пропавших без вести – 25. Причём на этот раз пожары в одних местах сопровождались наводнениями в других. Скорость распространения огня была такова, что люди выскакивали из домов, теряя всё: жильё, документы, имущество... Телевидение изобиловало репортажами о спасавшихся в море людях с детьми на плечах и как эти люди, чтобы дышать в задымленном воздухе, закрывали себе лица влажными повязками. Заголовки новостей пестрели вопросами к власти: о выплате пособий, о выдаче новых документов, а также обвинениями в адрес премьера Ципраса – от безответственности его до полной неспособности управлять страной. Крайне неприятное впечатление на греков произвело то, что Ципрас только неделю спустя удосужился посетить самый пострадавший городок – буквально обугленный Мати.

Элладская церковь, я думаю, станет говорить народу, и наверняка уже говорит, что необходимо задавать вопросы в первую очередь самим себе, потому что ничего случайного в жизни народа не бывает, жизнь каждого из нас, как говорится, «в руце Божией». Но прислушаются ли граждане «эллинской демократии» – то бишь, по-гречески, эллинской республики?

* * *

Один мой знакомый, будучи в питерском пивном зале, похитил со стола любопытное *вещественное доказательство* – табличку с надписями: с одной стороны – Sorry, Пиплы – бронь! / а с другой – Места для компании от 4-х человек (и перече́ркнута фигура, которая улеглась во всю длину скамьи). Это как напоминание о неразрывной связи между пивом и недавним футбольным сумасшествием; о том, как страна стала огромной «фан-зоной» (к чему приложили языки и старательную руку равно бесноватые тележурналисты и телерекламщики).

Но эта табличка – ещё и свидетельство деградации нашей речи – деградации, имеющей место как в пивнушке, так и в Госдуме, и на совещаниях у президента, только на разных, соответственно, уровнях: тут – «Пиплы, на скамейку не ложиться!», там – «Пипл схавает!» + имплементировать (осуществлять), драйв (движущая сила), бренд /брэнд (марка, фирменное имя), контент (содержание), трэнд (тенденция) и т.д.

Соотечественники, мы с вами разлюбили родной русский язык? Или, может, некстати обронённое английское словцо прибавит вам самоуважения? Конечно, не вы одни в этом виноваты – виновны телереклама, журналисты, премьер и его министр культуры с куцым кругозором и куцыми полномочиями. А разве от президента конституция требует грамотности и прям-таки любви к русскому языку?

При всём при этом русский наш язык отличается особыми характеристиками, из коих первейшая – его богоизбранность. В пользу этого говорят те огромные пространства, которые дарованы русскому языку.

Подобно тому как древнегреческий был избран Свыше для Евангелия, так был русский избран для утверждения Православия на крупнейшем материке планеты – как самый богатый оттенками смысловых различия и точности. Поэтому засорять его неоправданными заимствованиями, по моему убеждению и чувству, это – грех! Такой же, как искажение человеческого образа богоподобия оккультными татуировками.

Богоданность языка не является его исключительной характеристикой: всякий язык даётся народу Свыше, и каждый народ должен беречь этот Божий дар. Тем более мы, русские, обязаны им дорожить. Это хорошо понимает и противная сторона, поэтому так много в последнее время желающих «развивать» (коверкать) и засорять наш язык: хотя бы неграмотную вывеску повесить, зато латинскими буквами, хотя бы одну букву в русском слове перевернуть – им уже хорошо.

А ведь это – чужая работа с нашим подсознанием, и называется это нейролингвистическим программированием. «Товарищ Ленин, работа адова будет сделана, и делается уже!» (Маяковский).

Когда-то был популярный фильм «Вратарь» – теперь назвали бы «Голкипер», когда-то всех удовлетворяло слово председатель – теперь президент или спикер. Вот они и спикают! Если бы по хорошему, то и сериал «Реальные пацаны» назывался бы «Настоящие ребята» (но с оговоркой, что переход от блатного названия к нормальному означал бы и перемену сюжета).

Англосаксы первенствуют в расширении своей лексики и в сливании своих изобретений в другие языки. Недаром каждые три-четыре года они издают словари своих новых слов – это какой-то особый зуд сочинительства новых слов, от хиппи до кроссовера... И это не что иное, как вторжение в иную культуру, желание всех перекодировать и подчинить себе. Тот же кроссовер означает «гибрид», слово это существует в английском языке, но для впечатления слабомыслящих понадобился кроссовер.

До крушения российской государственности наши ратники сражались за Вѣру, Царя и Отечество. В период междуцарствия эта формула обретает значение «за Вѣру, язык и Отечество».

Если бы услышал наших спикеров великий Гоголь, он бы воскликнул: «Да они без Царя въ головѣ!»

А может – он и слышит... И эти слова его звучат гулким эхом в невидимом для нас неизбежном грядущем... И слышит их Господь.

Проза

Вячеслав Куприянов

Вячеслав Глебович Куприянов (род. 23 декабря 1939) – поэт, переводчик, прозаик. Окончил Московский институт иностранных языков в 1967. Публикует стихи с 1961 года. Его сборник «Жизнь идёт» (1982) – среди первых книг верлибров в русской поэзии второй половины XX века. Участник многих всемирных форумов поэзии. Переводил стихи европейских, прежде всего, немецких поэтов (Гёльдерлин, Новалис, Рильке, Трахль, Целан, Фрид, Бобровский, Энценбергер, Яндль). Лауреат Европейской литературной премии (1987), обладатель Литературного жезла Македонии, 1999; премии им. Бранко Радичевича (Сербия, 2006); премии Министерства культуры Австрии (2007); премии «Моравская грамота» (Сербия, 2008); Бунинской (2010), премии «Европейский атлас поэзии» (Сербская Республика), 2017; премии Felix Rotulana (Сербия, 2017), премии «Сердце связующая нить», 2018; премии «Югра» (Ханты-Мансийск 2018).

Книги: «На языке всех», (русско-англ.), Лондон, Forest books, 1992; «Телескоп времени» (русско-нем.), «Alkuon-Verlag», 2003; «Лучшие времена», МГ, 2003; «Зарубежная поэзия в переводах Вячеслава Куприянова», «Радуга», 2009; «Ода времени», Новый ключ, 2010; «Бумажная ложь», POINT-Edition, (русско-фламандск.), 2012; «Нельзя/Verboten», (русско-нем), 2012; «УРОКИ – LEÇONS», REVO-Verlag, Бельгия, (русско-франц.), 2012; «Дикий Запад», Pop-Verlag, 2013; «Башимак Эмпедокла», БСГ-Пресс, 2013; «Ничто человеческое», Авторская книга, (Лауреаты национальной литературной премии «Поэт года», Москва, 2013; «Озарение», Сан Пауло, Бразилия, на русском и португальском, 2016, «Волчий зов», Сербская Республика, 2017; «Duett of Iron», Киото, Япония, 2018; «Hastakshar sharad ritu ke» («Урок географии»), стихи на хинди, Нью Дели, 2018.

Остерегайтесь гончих псов

«Виртуальная» повесть

Начало. Продолжение в следующем номере

1.

– Как ты попал в ближайшее окружение президента? Как это тебя так вознесло? Ты же, кажется, всю жизнь дурака валял. Не мог же ты выдвинуться благодаря своему чувству юмора, весьма сомнительного, между прочим, свойства. Уж не за счёт ли военно-морского прошлого? – начал допрос мой товарищ.

И зачем я согласился на эту встречу? Выпало вдруг чудом свободное время! Я чувствовал себя, как на иголках; в любую минуту в мире могло произойти важное событие, и я мог срочно понадобиться. Редко выпадают даже минуты покоя. А тут, в Дубовом зале Дома литераторов, где когда-то кипела московская творческая жизнь, где пропивали свои гонорары злодеи и гении, диссиденты и официальные лица, мечтательные графоманы и привлечённые их величием зарубежные знатоки, тут горел камин, плескалась музыка, и царил почти вечный покой. Мы сидели одиноко под взглядами внимательно скучавших официантов, я и мой давнишний приятель Заумов – бывший советский детский писатель-сказочник, а ныне генеральный директор Бюро путешествий «Русский Колумб», либерал и демократ. Прежде он не без успеха сочинял сказки про дикую Африку, которая мечтала войти в социализм со всеми своими слонами и крокодилами, а теперь он процветал, продавая новым вечным детям путёвки на экзотические острова.

– Военно-морское прошлое ни при чём. Меня то и дело грозились из училища на Северный флот списать, куда обычно отправляли неугодных курсантов.

– За что же на флот? Учился плохо боевым искусствам?

– Учился даже неплохо, увлекательно всё же – запуск ракет с подводных лодок! Но потом вдруг потянуло на лирику и сатиру, а это куда более опасное дело! А выгнать хотели... Ну, к примеру, я приятеля в мешке пронёс...

– Какого приятеля и зачем в мешке?

– Училище наше было на Малой Охте, рядом с кладбищем. Ты в Ленинграде бывал?

– Бывал, но не на кладбище. В Петербург только никак не соберусь, всё необитаемые острова отвлекают.

– Так вот; училище у нас было на одной стороне Новочеркасского проспекта, а казарма на другой. Приказывает мне старшина в банный день отнести мешок с бельём в казарму. Я взвалил на спину мешок, вышел за ворота, пересёк проспект, доставил мешок по назначению и пошёл назад. А тут на выходе меня дежурный капитан Каштанка останавливает, – не по форме, мол, одет, нет на мне бескозырки. Я, было, рассуждать начал, – как мешок нести, так можно и с пустой головой, а как без мешка... Но на Каштанку это не действовало. Вернулся я в кубрик, а там дневальный – мой приятель. Одет по форме. Я ему суть дела объяснил, он был тоже рад обмануть злобного капитана. Отдал он мне свою бескозырку, хоть и велика она мне оказалась, бельё из мешка мы вытряхнули, а в мешок влез хозяин бескозырки. Влез, хотя и был под «метр девяносто». Вот с этим-то мешком я и проскочил мимо Каштанки, и уже на другой стороне проспекта мешок сбросил и курсанта из него высвободил. Тут, как на зло, комендант училища; увидел всё это, ринулся к нам, в чём дело, не шпион ли в мешке? А вечером пошли курсанты строем мимо Каштанки, и все тихо верещат: в мешке пронесли, в мешке пронесли...

– Что за фамилия такая – Каштанка?

– Ты что, детский писатель, Чехова забыл? Собачья кличка: Каштанка – насекомое существо, которое супротив человека, что плотник супротив столяра... А фамилии капитана не помню, только кличку. Злобный он был необыкновенно.

– Да, Чехов плохих фамилий не давал. А собак я супротив нынешнего человека так очень даже уважаю. Ну, а тебя наказали?

– Отправили к начальнику факультета. – Что это такое! – возмущается полковник. – Ваше стихоплетство не даёт Вам право нарушать воинскую дисциплину! – Осмелюсь доложить, это военная хитрость, – я ему отвечаю. – Военная глупость! – проревел полковник, надел галоши и ушёл – спешил на автобус. Он, когда галоши надевал, был уже как бы за пределами военной службы. Никаких указаний как меня наказывать, не оставил.

– Странно. Всё как-то тебе сходит с рук, – расстроился Заумов. – Это и по твоему писательству видно было. Насмешки всякие над львами, над орлами!

Заумов любил крылатые выражения. Только что он знал о моем писательстве? Его пока еще никому не видно.

– Не всё сходило, – возразил я, в надежде, что Заумов уточнять не станет. Он в детские писатели в своё время ушёл, чтобы не связываться со взрослыми, которые при делах и без юмора.

– Не всё, но многое! Но это дело прошлое, писательством нынче никого не проймешь. Ты вот от ответа увильливаешь, как ты проник к самому президенту? Уж не благодаря ли водолазному делу? Вынырнул! Тут ведь надо быть уверенным, что выйдешь сухим из воды, – в воде Заумов как раз хорошо разобрался.

– Водолазное дело у нас в училище было на высоте, – продолжал я уклоняться от ответа. – Пока нас Хрущёв с Московского проспекта не выселил, у нас был такой подземный бассейн, что хоть подводную лодку помещай. Но мне с тех пор водолазное дело как-то не понадобилось.

– Ещё, пожалуй, понадобится, – с достоинством пророка произнёс бывший сказочник.

– Что ты имеешь в виду? Хочешь пригласить меня понырять у берегов Африки, где крокодилы заплывают в океан, а акулы так и рвутся в устья рек?

– Возможно. Но обо всём в своё время. Ты не уплывай от ответа! Наш брат – писатель, как только сбылись мечты нашего передового отряда о свободе, теперь кто как перебивается. Один разводит кур на даче, которую получил благодаря своему высокому посту, руководил, так сказать полётом фантазии своих собратьев по перу, а теперь яйцами торгует. Другой, некогда известный любовный лирик, предлагает свои посильные любовные услуги одряхлевшим поклонницам своего бывшего таланта. А кто умел весьма плоско шутить, тот ухитрился застрять на голубом экране, только сменил

рубашу-косоворотку на смокинг и галстук-бабочку. Немногие выживают, да и не лучшие! Ну, ты вот как вывернулся? Быть может, за счёт твоего краткого опыта, обретённого в сумасшедшем доме?

– Ну и память у тебя! Я в психиатрической больнице имени Ганнушкина санитаром служил, когда меня в институте за проваленную математику стипендии лишили. Занятный там народ был в восьмом отделении! Художники, музыковеды, акробаты, учёные. Одного из пациентов потом я часто встречал в Исторической библиотеке, он там продолжал опровергать Маркса, сейчас он крупнейший специалист по истории Израиля. А тогда был простой художник-абстракционист. Огнедышащие краски! Ещё был советский поэт, достаточно известный. Он там отдыхал, когда изнемогал от поэзии. Помню его четверостишие:

Двадцатый век, проклятый век.
ты – время анекдотов,
живёт в Москве какой-то грек,
в Афинах – Петька Ротов!

– Кто такой Петька Ротов? Я в Афинах не встречал.

– Да никто. Так, для рифмы. Мы потом с этим поэтом встречались возле общежития института иностранных языков в Петроверигском переулке. Похож он был на ворона из поэмы Эдгара По, а как на улице подходящую девицу завидит, руки назад заламывал, как крылья, и вопил во все горло: я – Евтушенко! – и за девицей.

– Кто такой Евтушенко?

– Ну, не прикидывайся. Это был во времена нашей молодости уже взрослый поэт, это теперь он впал в детство и созрел для преподавания русской литературы в американских колледжах. Это он в свое время объявил: «Моя фамилия – Россия!» Оттого, наверное, Россия существенно сократилась. Теперь этой фамилии обо всей России в Америке судят, – сострил я и подумал, что не особенно хорошо сострил.

– То-то Америка как-то легкомысленно на нас смотрит! То-то всё пытается нам что-то продиктовать, как дефективным детям! И в то же время на Аляске ракеты понатыкать хочет. Но ты мне всё время зубы заговариваешь. Всё к литературе сводишь, хотя сам-то не от литературы живёшь – факт! Кому в окружении президента нужна твоя словесность? Там же все жестами объясняются! Так как ты туда затесался?

– Слушай, ты мне напоминаешь следователя военной прокуратуры: как попал в окружение? Почему не оказал сопротивления?

– Ну вот, мне ты как раз сопротивляешься, а зря. У меня интерес не праздный, а вполне государственный. Я бы даже подчеркнул – мировой! – Заумов уже начал кипятиваться. – Мне выход на самые высокие ведомства необходим! Не корысти ради, а ради мирового порядка и благоденствия отчизны. Ломоносов говорил: «Могущество России будет прирастать Сибирью». Так, кажется. А в скором времени будет Атлантикой прирастать! Атлантидой! С моей лёгкой руки. Я вот опять в Испанию лечу...

– Я бы тоже не прочь махнуть в Испанию, даже ради собственного благоденствия, там воздух, море! А тут ни моря, ни воздуха. Так ты, значит, опять летишь?

– Опять. Там у моих новых знакомых виллы. Бурмистр Моржков. Железный ваятель Цинандали. Танцоры, сходящие со сцены. Боксёры, покинувшие ринг на своих ногах. Брокеры. Букеры. Но мне нужны водолазы! Мы там уже церковь православную воздвигаем, а при ней казино...

– Уж лучше бы синагогу воздвигли. Казино подводное?

– И синагогу воздвигнем. А казино сухопутное. Не для того мне нужны водолазы, чтобы рулетку под водой вертеть, материками вертеть будем! Континентами! Я из Мадрида – прямо на Канары. Там, в Атлантике, надежные люди кое-что обнаружили. На дне, ближе к Африке.

– Золото пиратов? – я вспомнил, что Заумов ещё в своих детских сказках всё время что-то у пиратов отбирал и возвращал добрым рассеянными людям.

– Бери выше! Мы подошли вплотную к разгадке Атлантиды! Хотя она и не больше Евразии и даже Африки, но это же Атлантида! Уже её границы нашупали. Есть там и свои пирамиды, и свои бункеры. Теперь без российских водолазов не обойтись. У них уникальный опыт и без президентского благословения! Как только осуществим подъём Атлантиды со дна океана, сразу объявим её российской территорией и будем защищать её жизненные интересы...

– От кого защищать, и зачем? – удивился я не самой Атлантиде, а необходимости срочной её защиты, но ждать ответа я уже не мог: зазвонил мобильный телефон.

Заумов схватился за свой мобильник, но это звонил мой; меня срочно затребовали к президенту. Я хотел, было, заплатить чудовищную сумму за недоеденный обед, но будущий губернатор Атлантиды обиженно замахал руками. Он ещё на прощанье успел спросить:

Как там в ваших верхах считают, Россия выживет?

Не знаю. Мне не докладывают. Но между собой говорят, что выживут, на их век России хватит.

2.

Я вспомнил об этом разговоре, слушая и просматривая очередные последние известия. Не выдавать же государственную тайну бывшему коллеге, всё-таки он не вылезает из-за границы, мало ли что. Пойдут слухи, якобы, от моего лица, а это уже явное нарушение служебной этики, ибо мое дело не распускать, а улавливать чужие слухи. И ещё не хотелось мне вызывать в приятеле моём профессиональную ревность, ведь именно мои, с его точки зрения незаметные заслуги в словесности привели меня на эту странную должность. Я умел кратко изложить пространные новости и более того: подробно и *пространно* поведать о самом незначительном событии.

Мне пришлось бы открыть и главное, как и зачем я это делаю, а именно: я пересказываю вслух всё происходящее в мире у постели спящего президента, он и во сне всё слышит, и если этого требуют события, он тут же примет даже во сне непредсказуемое, но адекватное решение.

Настоящее своими чудесами затмевает любые фантастические легенды прошлого и не торопит в сомнительное будущее. Но человек тем и сохраняется в причудливом мире, что приноравливается не замечать навязчивые чудеса! А они все ближе и ближе...

Я монотонно бубнил над президентом о том, что вот, наконец, нашу планету осчастливили своим посещением разумные существа. Конечно, тот факт, что их занесло именно к нам, не очень-то говорит в пользу их разумности, с другой стороны – они до нас долетели, а не мы до них, следовательно, они не глупее нас с вами.

С утра весь мир в трансе. Потому меня и вызвали. Летательный аппарат появился над Землей сразу в нескольких точках, мирные обсерватории и военные радары одинаково были застигнуты врасплох, объект как бы материализовался вдруг и из ничего. Учёные и военные не могли определить ни величину аппарата, ни расстояние до него. Какая-то квантовая механика! Но видимость была несомненна. Репортеры соревновались в знании разных цифр, как римских, так и арабских.

В Австралии некий абориген в сердцах запустил в объект бумерангом, который вернулся в жесткую ладонь аборигена, якобы, задев гладкое днище, похожее на живот крокодила. Не каждый же день абориген видит летящего в небе крокодила. В Антарктике наблюдалось таяние ледяной корки, что прекратилось с удалением блестящей посуды в сторону экватора. Полярники успели на талой воде заварить чай. В южных странах местные жители стали предлагать туристам за умеренную цену камни, которыми, якобы, удалось прогнать космическое чудовище.

Не все и не сразу поверили в пришельцев. Заговорили о наступлении новой эпохи – эпохи перевода компьютерной графики непосредственно на экран стратосферы, что должно означать завершение строительства ноосферы – сферы влияния человеческого разума. Ведь каков разум, такова и сфера. Многие ужаснулись, обратив свои взоры на следы разума, которые не выветрились ещё буквально за каждым углом. Тут же стали искать в этой сфере дыры, подобные озонным, куда человеческий разум может утекать, обрекая всю землю на умственное голодание. Ведь не только из России может утекать разум.

А в небе возникло видение гигантского аквариума, где медузу сменяла бесформенная амёба, сквозь амёбу всплывала человекообразная фигура спрута, спрута с его глазастой головой поедало радужное беззубое облако, в прозрачном брюхе которого вызревал какой-то улыбочивый эмбрион. Всё это смущало измученные умы и тревожило ненасытные чувства.

Далее события нагнетались так интенсивно, что президент не выдержал и проснулся. Он сразу узнал меня.

– Ну-ка давай точнее, не спеши! Как всё это выглядит, это я и во сне могу себе представить. А вот что говорят? Что задумали? Слова у них есть? Речи то есть. И каковы действия?

Я объяснил, что они там вверху не сразу заговорили, а поначалу то устраивали снежные заносы в тропических областях, никогда не видевших снега, то снова втягивали в своё необъятное нутро тот же снег, растекаясь по всему небу хрестоматийным полярным сиянием, то напускали снопы молний на выдавшие виды европейские города, словом, пугали и развлекали. Раскидывали в высотах невообразимые слепящие цветы, которые медленно превращались в стаи райских птиц, с верещанием улетающих за горизонт, где снова из них вырастали замысловатые пестики и тычинки.

И вдруг пришельцы заговорили, не дожидаясь праздника Пятидесятницы. Не только заговорили, но и определились телесно: во всех программах телевидения в один момент очутилась новая рубрика на месте постылой рекламы, требующей вместо воды пить пиво. Возник силуэт, похожий на человека, с лицом вроде маски из арбузной корки. Вначале подумали, что ещё один незнакомец начнёт делиться с массами причудами своей половой жизни, или что сейчас появится известный бесполой ведущий и начнет очередное ток-шоу. Но он не появился.

Речь, прошамканная арбузным ртом, была размножена всеми газетами. А говорилось о том, что большой неожиданностью, даже шоком для незваных пришельцев стало обнаружение признаков жизни на такой захолустной планете. Это в корне переворачивает мнение Вселенной о себе самой. Эта негаданная жизнь хотя и восхищает самим фактом своего существования, но весьма затрудняет проведение процедуры, которую немедленно призваны совершить уполномоченные Вселенной.

– Мы находимся при исполнении вселенских служебных обязанностей, возложенных на нас Млечным путем! – заявил арбуз.

Переходя к описанию самой процедуры, он вдруг обратился к наследию античного знания, согласно которому космос – это порядок и ещё раз порядок:

– Это не какой-то там хаос, из которого что-то должно произойти, а это то, что уже решительно произошло! Космос никак не может возникнуть из полного хаоса, и хаос, как бы вы ни портили космос, не является преобразованием космоса, а существует сам по себе внутри космоса, как и космос внутри неприкаянного хаоса. Космос это порядок, а порядок это учёт, учёт – это, если хотите, космос, но на порядок выше!

Вот так изъяснялся посланец небес, от существительных постепенно перешедший к глаголам – нумеровать и именовать. Говоря о том, что всё надо пронумеровать, он напомнил нам о Пифагоре и о древних индейцах майя, которые первые придумали число ноль. Ноль согревает своим присутствием самые незначительные единицы.

Затем пришелец как бы застеснялся и ещё больше позеленел, признавшись, что они не взяли с собой свои имена, так как не полагали, что они им понадобятся. А вот сейчас он вынужден назвать нам эти собственные имена, предварительно прикинув, как они должны звучать, чтобы нам понравиться.

Я тогда, как и многие, не улавливал, сколько их, этих безымянных пришельцев, пока виднелся только один единственный. Возможно, они будут извлекаться из этого одного, как матрёшки: вот вам, если хотите, советские вожди, если хотите – индейские вожди, хотите – прошлые американские президенты, а хотите – будущие русские. А могла это быть и некая единая соображающая масса, которая была бы способна делиться на особи, каждая из которых обладает претензией на мнение и имя собственное.

– Имена – это очень даже почётно! – быстро отреагировал мой президент. – Что у них в результате за имена? У нас должностное лицо куда важнее имени! Президент! Каждый хотел бы стать президентом, но президент-то один! Имя потом запомнят хотя бы потому, что этот кто-то пытался занять должность президента. Или вот – советник президента. Или кто-то член комиссии при президенте. Я имена на второстепенных должностях часто меняю, чтобы должность, значит, отпечаток на имени оставляла! А то, – что за звание – пришелец! Выкладывай, какие у них там должности!

Меня смущало множественное число, ведь говорил пока только один арбузный оратор, и всё вокруг да около. При этом он всё более разглаживался, арбузные полосы на его круглом лице теряли контрастность, можно было догадаться, что это были технические помехи при передаче изображения.

– Читайте меня Уполномоченным Вселенной, для краткости просто Уп! – заявил разглаженный и расплылся в розовой улыбке, как будто арбузная мякоть проступила сквозь кожуру.

– В настоящее время повсеместно проводится всеобщая инспекция, то есть тотальная опись Вселенной, – с пафосом продолжал он. – Я уже указал вам, что космос – это учёт. Подобные мероприятия уже проводились неоднократно, в вашей куцей истории это связано, как мы только что выясни-

ли, с такими явлениями как всемирный потоп, великое оледенение, реформирование образования и тому подобное. Вас тогда ещё не было, а мы, скорее всего уже были, но в другом месте, более важном. Тогда тоже на соответствующее небесное тело наносился приличествующий ему штамп, клеймо или, если хотите, знак качества. Сейчас уже трудно определить, на какую область вашей планеты, на какую страну, империю, цивилизацию и т. п. была уже некогда поставлена печать. Время, этот неутомимый враг порядка, очевидно, стёрло её с лица вашей Земли вместе с вымершими звероящерами, империями и цивилизациями...

Здесь я отметил определенную непоследовательность в болтовне Упа, что потом уже перестанет меня удивлять. Вначале он изумляется, открыв для себя жизнь на Земле (как будто он её уже однажды закрыл), а потом провозглашает, что штамп уже здесь наносили, хотя не он (не они?) и на уже позабытое место. Возможно, что пришелец навёрстывал знания нашей истории уже буквально на месте происшествия. Откуда эти сведения на его арбузную голову? Ловил из воздуха? Но уже нетрудно было догадаться, что нанесение штампа чревато гибелью народов и цивилизаций, мировыми катаклизмами, искажением истории.

– Это они что; опять на нас печать ставить хотят? Это у них, понимаешь, не пройдет! Во всяком случае, не у нас! Не на нас! То есть не при нас! Хотя у нас для такого случая болот хватает, – возмутился президент, – так что, грозятся штамп поставить?

– Не то, чтобы грозятся, но к тому подводят, что мы за благо и за честь должны считать, если и нас примут в действительные и полномочные члены расширяющейся Вселенной. Уп сослался при этом на красное смещение, на эффект Допплера–Белопольского, уточнив: Вселенная расширяется более последовательно и принципиально, нежели односторонний блок НАТО, а именно: и на Восток, и на Запад, и на Север, и на Юг! А также вверх, вниз и вовнутрь.

– Ага, так они и Россию принять хотят, – с удовлетворением отметил президент, поправляя подушку, – они, значит, понимают, что без России никак нельзя. Им теперь придётся считаться с тем фактом, что в России есть президент. Ну, пусть, приём приёмом, а штамп ставить на нас не положено! Не допустим! Где они собираются его, это, наносить?

– Пока только намекают и уговаривают. Обещают землянам свободный выбор места нанесения. Штамп – это и честь, и долг, и бремя и благородный риск. Уп обещал...

– Уп! Уп! Упорный какой! Свободный выбор – это хорошо! А кому он обещал? Кто с нашей стороны ведёт мирные переговоры? Адекватные меры уже приняты? Ограниченный контингент в касках куда-нибудь уже отправили? Разведывательный спутник хотя бы запустили? Я спрашиваю! Что, казахи не разрешают? Ты почему мне об этом раньше не доложил, а? Я тебя сниму с занимаемой должности!

Я молчал. Как я мог доложить раньше? Как что-то происходит, так я и докладываю. Раньше ничего подобного не происходило. Ну, а доложил бы раньше, он же всё равно спал. Вслух я ничего подобного произнести не смел, да что теперь не скажи, всё равно снимет...

К счастью, президент снова заснул.

3.

На всей земле царил необычайное воодушевление, сравнимое разве с предвыборной кампанией в стране, на которую обрушилась демократия. Толпы высыпали на улицы городов с цветами и воздушными шариками, они швыряли в воздух цветы или привязывали их к воздушным шарикам, отпуская их на волю ветра.

– Справедливости хотим! Справедливости! – кричали одни, надеясь, что их возгласы услышат в небесах. – Справедливого раздела имущества! Хотим, чтобы выдали средства на частную собственность!

– Порядка хотим! Чтобы никто не нарушал порядок! Всё всем по очереди! Всё по по-ряд-ку! – скандировали другие.

– Свободы хотим! Свободомыслия, свободы слова и свободы действий! Свободы выхода! Воли хотим! – раздавалось из окон тюрем, где по случаю чрезвычайного происшествия разрешено было кричать, благо этот крик слышен был не дальше тюремного двора.

– Ничего уже не хотим! Всё есть! Ничего! Ничего не отдадим! Никому! Оставьте нас в покое! Сыты по горло! – кричали самые восторженные за стеклами автомобилей, но их было скорее видно, чем слышно.

А на огромной высоте созревали и долго не лопались колоссальные мыльные пузыри, в которых, отражаясь, радужно колыхалась местность, переливались, как в зеркальной комнате смеха, толпы с цветами, отдельные физические лица, выхваченные вселенской оптикой из массы, расплывались небесными улыбками по выпуклости пузыря, сменяли друг друга, давая выход ликующим воплям: – Я! я! я-ааа!

И уже не без ревности к ближнему своему: – А вот теперь, как будто – ты!

Круглый стол по внеземным цивилизациям провели учёные совместно с телезвёздами. Учёные высказали предположение, что посланцы Вселенной, в отличие от нас, несовершенных, могут пребывать в любых агрегатных состояниях. Могут быть паром. Они предстают перед нами в твёрдом теле, но преодолели они разделяющее нас пространство в виде газа, более того, в виде вакуума, поэтому их приближение не было замечено земными приборами. Пребывание в вакууме и объясняет некоторую пустоту их высказываний. Как только они окончательно затвердеют, их слова обретут плотность и твёрдость, тогда и возникнет взаимопонимание. Телезвёзды возразили: нет, скорее пришельцы ещё несколько жидковаты, их образ пока ещё недостаточно крут, чтобы можно было в него войти и сыграть их роль в боевике о звёздных войнах. Были и возмущённые заявления: не только жидковаты, но и не сексуальны. Не место таким на телеэкране! Учёные заверили телезвёзд, что пришельцы ещё обретут надлежащий имидж, им только надо присмотреться к земным эталонам, к нашим знаковым фигурам и харизматическим лидерам. Телезвёзды согласно закивали немногочисленными головами. Кто-то из учёных поспешил поднять вопрос, нельзя ли пришельцев сохранить в газообразном состоянии, чтобы законопатить ими наши озонные дыры, но время эфира уже истекло.

Уп опять возник на всех экранах и объявил брифинг по вопросам, связанным с подготовкой к нанесению штампа. Он представил ещё одного своего сотрудника, тоже уполномоченного, но – оперативного и чрезвычайного, его можно было бы величать просто: Оп. Но чтобы не путать: Оп и Уп, он будет зваться более доступно – Джимми Повидлоу. Они будут вдвоём проводить брифинги и осуществлять наземные и прочие операции, связанные с печатью, то есть с самим нанесением штампа и с отражением этого процесса в печати.

Журналисты в своих студиях могут задавать свои вопросы, но ограниченное количество, так как на них будет дано только ограниченное количество ответов.

Джимми Повидлоу был ещё больше похож на человека, у него состоялось лицо младенца, который преждевременно поседел от недоумения перед чужой и неудобной жизнью. Если бы американцы не были столь разнообразны, можно было бы сказать, что он похож и на американца.

Брифинг открыл Уп. Джимми стоял за кафедрой с ним рядом и вопросительно ждал своей минуты. Оба они уже настолько затвердели, что из них как бы выделился жидкий наполнитель, они обретались в этаким аквариуме, где и дышали безо всяких приборов, видимо жабрами.

Они говорили медленно и по-английски, невидимые толмачи распределяли их речь по прочим языкам. Известно, что синхронный перевод это вполне новаторское искусство, и я не могу отвечать за возможные искажения оригинала, который звучал, как бульканье утопающего и только мешал правильно воспринимать заикание толмача.

Уп говорил не без эмоций, которые не всегда соответствовали нашим. На его арбузном лице блуждал румянец восторга, когда он всего-навсего называл числовые ряды. Когда он вещал о благе человечества, на лицо наплывало плаксивое выражение. Когда он взывал к пославшему его Вселенскому Разуму, глаза его съёживались и словно прилипали к затылку, а уши распластывались, как у африканского слона. Джимми при этом только менял частоту своего подмигивания и диапазон хитрого прищура.

Уп объяснил, что размеры штампа могут быть какими угодно и любой конфигурации. Таким образом, можно нанести штамп на любую страну, не нарушая при этом суверенитета сопредельных государств. Глубина нанесения зависит от площади страны; чем меньше страна, тем глубже нанесение. Это важно для резкости, иначе штамп может оказаться вне пределов различения вселенской оптики. Ландшафт при этом способствует нанесению, если его стереометрия стремится к планиметрии, то есть, возвышенности, как и провалы местности являются нежелательными.

Штамп будет впредь подтверждать справку, что наша планета Земля действительно существует и входит полноправным членом во Вселенское Непустое Сообщество. Штампы уже успешно нане-

сены на остальные планеты Солнечной системы, включая Луну, на которой опечатана невидимая с Земли сторона, ибо они не рассчитывали на то, что кто-то в подлунном мире захочет полюбоваться этим зрелищем. Штмп был нанесён в полнолуние, так как не хотелось связываться с проблемой лунных фаз, штмп урезался бы на ущербе, и Вселенский разум мог бы принять это за подделку документа.

– В связи с обнаружением жизни на вашей Земле, – гомонил Уп, – что для нас равносильно гуманитарной катастрофе, мы вынуждены считаться не только с соображениями хорошей видимости нашего штмпа, но и с его сохранностью, что зависит от культурного состояния *местного* нанесения. Мы готовы выслушать и ваши предложения, это поможет нам прийти к взаимовыгодному консенсусу. А теперь вы можете задать вопросы господину Джимми Повидлоу.

– Вы что, не знали, – огласил вопрос первый – что мы существуем? Нас же видно! Вам что, нас не видно? Как вы могли не обратить внимания на нашу жизнь? Мы же подавали сигналы! Правозащитник Кузнецов, управделами правых сил.

– Знали, но не верили. И сейчас ещё не совсем верим. По большому счёту вас и сейчас не видно. Есть что-то подленькое *в вашей* подаче сигналов. Вас не видно, а вы сигналы подаёте! Все сигналы врут. Вообще наш опыт говорит: где жизнь, там и враньё! Прошу вопросы по существу, никаких сигналов!

– Может ли штмп накрыть сразу несколько государств? Или если государство как раз находится в стадии деления на более справедливые независимые образования? Ведёт освободительную борьбу! Биг Бен, собкор газеты «Тайм Из Мани».

– С точки зрения физической географии накрыть может, но мы не будем к этому стремиться. У вас физика никак не совпадает с политикой, а мы считаемся с политической географией, – отчеканил Джимми. – И если кто-то как раз делится и множится, мы подождём. Делиться надо!

– Что значит этот штмп для вселенной, где, судя по всему, кто-то ещё обитает? Возможно, если судить по вашему появлению, это не только братья по разуму, но и весьма расчётливые живоподобные существа. Какие у них виды на Землю? Егоров, кандидат наук, журнал «Чудеса в решетё».

– Это значит, вашу Землю можно будет приватизировать, сдать в аренду надёжным хозяевам, купить-продать, – Повидлоу ловко изобразил щепоть и потёр большим пальцем указательный и средний – когда только научился-то, где подглядел? – Назначить цену, провести торги. Всё по закону, я бы сказал, всемирного тяготения. Но вы не беспокойтесь, продавать Землю будет можно только тем, кто её будет обрабатывать. Как снизу, так и сверху!

– Владимир Большаков, газета «Вся Правда». А что это значит – «обрабатывать Землю»? Что это значит – «сверху» и «снизу»? Какую опасность представляет нанесение штмпа для местного населения? Я имею в виду физическую, а не политическую опасность.

– Спасибо за вопрос. Что значит «обрабатывать», то есть «культивировать», вы узнаете сами, когда мы будем обрабатывать локальное пространство для нанесения штмпа. Что такое – снизу, то вы, как находящиеся внизу, сами должны догадаться. Мы сверху продаём, а вы снизу покупаете, если столкнемся. Ну, а обработчики могут иметь каждый свой прагматический интерес. Это могут быть ювелиры, ваша Земля хорошо смотрится, но ей не хватает оправы. Ей может понадобиться огранка и шлифовка. Она не обязательно может быть использована как украшение для прочих небесных тел, обладающих соответственной покупательной способностью, но из неё можно сделать режущий инструмент для обработки других небесных тел, не обладающих покупательной способностью, но имеющих свою продажную цену. В конце концов, ею можно играть в мяч, если потенциальный собственник окажется хорошим специалистом в области обработки мяча, – здесь Повидлоу сделал вид, будто он умело обрабатывает футбольный мяч, у него вдруг на тощих ногах оказались бутсы и гетры. – Болельщиков на наш век хватит. Масса вариантов! А что до опасности нанесения штмпа, то она, так сказать, эфемерна. Нет никакой необходимости изгонять население с места возможного нанесения, нет особой нужды и самому населению разбежаться. Своеобразный рисунок штмпа делает маловероятным его соприкосновение с живым и даже уже неживым человекообразным телом. К тому же штмп будет наноситься с хирургической точностью, достаточно плавно, хотя и с большой высоты. Его наплыв можно будет различить невооруженным глазом, и, согласно нашим сведениям о проворности жителей вашей планеты, любой поселянин успеет увернуться от извилистой линии нанесения.

– А если не успеет? – женский тонкий голос из среды журналистов.
 – Успеет, успеет! – прозвучал уверенный голос оперативного и чрезвычайного уполномоченного из виртуальной жидкой среды, которая, как ни странно, уже не разбавляла, а только усиливала его голос.

– А вдруг не успеет?

– Тогда и будем разбираться. В каждом конкретном случае. Ещё вопрос?

– Будьте любезны, просветите нас, как вы преодолеваете скорость света? Ведь вы двигались по вселенной именно с превышением этой скорости, – проявил себя скромной внешности журналист, видимо, из научно-популярного издания.

– А мы никак не соотносимся со скоростью света. Иначе мы бы до сих пор болтались где-нибудь в созвездии Рака. Мы движемся, как правило, со скоростью тьмы! Это и быстрее, и надёжней. Где тьма, там и мы. Поэтому, даже когда нас мало, нас много! Но эти вопросы мы не собираемся с вами обсуждать. Это к делу не относится. Ещё что-нибудь конкретное?

– А почему вы как бы в воде?

– Как в воде?

– Ну да, вы как бы под водой...

– А, вот вы о чём! Но мы же с вами говорим по-английски, возможно с американским акцентом. Вода – water! Речь – течёт! Мы у себя-то в принципе не говорим, ибо не о чём. Мы сейчас выбрали именно этот язык из уважения к обнаруженной у вас массовой поп-культуре. Чтобы массам было понятно. А также в память о великих географических открытиях, о былом мореплавании, когда моряки с успехом говорили с аборигенами на пиджин-инглиш. И аборигены им тут же отвечали на этом великом языке. Вот мы и произносим соответствующие слова для удобства в жидкой среде. В воздушной среде нас могут неправильно понять, для этого языка важно, чтобы среда ему как-то сопротивлялась. Но штамп мы будем наносить уже в воздушной среде. А закончим наземной операцией, то есть уже в твёрдой среде. На этом пока и закончим наше собеседование!

Уп и Повидлоу удивительно резво прошли сквозь жидкость за пределы экрана, их место заняла огромная карта Земли с океанами, на волнах которых ещё колыхались испуганные лица журналистов.

4.

Президент не просыпался, но меня внезапно удалили от его постели. Я, было, подумал, что это опять мастер стула, молчаливый хмурый верзила, который всегда повторял одно и то же: стул нашего президента должен быть в кратчайший срок доставлен на стол их президента.

Но это был не он. В палату вкатили ещё одну койку. Так я случайно узнал, что это был министр обороны, который спал в соседней палате. Кто-то из персонала шутил: каждый должен спать в своей палате, мы не в Англии, у нас тут не палата общин! Началось секретное совещание по обороне и нападению, тогда, наверное, и было принято решение срочно нацелить в небо ракеты, до этого уткнутые боеголовками вниз.

Тем временем в высших сферах уже шло обсуждение места нанесения загадочного штампа.

Сразу же была отвергнута Антарктида как ледниковый материк, на котором штамп непременно занесёт снегом, а если снег растает, это вызовет новый потоп, после чего потребуются повторное нанесение штампа, так как прежний смоеется. Не хотелось ещё тревожить пингвинов, которые не доросли до возможности провести референдум по данному вопросу.

По той же причине забраковали Гренландию.

– Ну, Ав-стралия, – заикался незримый переводчик, – конечно, мы рассмотрим и Австралию. Не надо думать, будто кто-то обиделся на аборигенов с их бумерангами, ведь они ещё не знали о нашей цивилизаторской миссии. Аборигены как местный жанр нам даже очень подходят. Они не искажают топологию пространства и не насилюют ход времён. Возможно, что от них и пошло заселение всей вашей планеты через материк Гондвана. Было бы лучше, если бы на них всё это и остановилось. Хорошо, что у них нет глобального оружия. А чутьё аборигенов нас даже поразило, ведь они нас не приняли за богов, которые по их верованиям находятся так далеко в небе, что люди не могут их достать. Нас они достать попытались, честь им и хвала! Но вот что смущает нас в Австралии, так это сумчатые существа, сумчатые волки, хотя они, кажется, вымерли под натиском культуры бело-

го человека. Но ещё держатся другие сумчатые: двуногие кенгуру, четвероногие, а может быть и четверорукие коалы. Их сумчатость смущает нас – это такое зоологическое скопидомство. Это нас наводит на мысль, что и весь материк сумчат, мы опасаемся: если здесь нанесём штамп, то как бы он со временем не оказался в такой материковой сумке, где он либо затеряется, задохнётся, либо начнёт расти, как некий сумчатый недоносок, тогда он перерастёт саму Австралию, а это не входит в наши планы. Карманный вариант штампа нас не устраивает. Нет, Австралия не подходит, пусть не обижаются аборигены и сумчатые.

Всё это происходило на фоне огромной карты мира. Уп тыкал в неё указкой, а Джимми, втянув небольшую голову в плечи, делал вид, будто читает по бумажке. Для этого на нём появились очки, а в конце речи он сунул и бумажку, и очки в сумку, висящую у него на брюхе.

– Да чем же он так хорош, этот штамп, как он должен выглядеть? – задан был вопрос извне.

– Штамп очень хорош. Как он будет выглядеть, это можно будет увидеть только тогда, когда мы его нанесём. Тогда и посмотрите, – Повидлоу при этом взмахнул ручкой. – А мы его обязательно нанесём!

На карте мира стало расплываться черепообразное пятно Африки. Уже стали видны слоны, крокодилы, жирафы и гиппопотамы, началось обсуждение пригодности Африки.

– Африка – очень многообещающее скопление людей и животных. Хотя там нет сумчатых животных, но есть оригинальные носители рогов и бивней, не хотели бы мы, чтобы наш изящный штамп напоролся на эти рога! В Африке бывают перепады водного режима, то много воды, то совсем нет. От этого штамп может размокнуть, а потом также внезапно высохнуть, а так как в космическом пространстве он ещё должен играть роль маяка, то это может вводить в заблуждение корабли, плывущие Млечным путем. Есть в Африке и пустыни – ничем не оправданные скопления песка. Там ставить штамп просто глупо, даже у вас есть поговорка – построено на песке. Конечно, Африка очень удачно распределена относительно экватора, у неё довольно острый юг и протяжённый север, что необходимо для поддержания линии Средиземного моря и сохранения хрупкой средиземноморской культуры. Не будь Африки, вся эта культура ушла бы туда же, куда исчезла Атлантида! Избыток открытого моря – страшная вещь! Кстати, и это принципиально, нам кажется, что лучшая часть этого материка уже была отмечена знаком избранничества. Мы имеем в виду здешние египетские пирамиды, до сих пор привлекающие к себе зевак из стран с более обтекаемой геометрией. Не исключено, что пирамиды – это лишь руины бывшего штампа. Процветающий здесь туризм лишь наглядно подтверждает наше заверение, что штамп принесёт новую волну благосостояния стране, на которую он будет поставлен. Если даже развалины так привлекательны, то какой же приток любопытных вызовет новенький штамп? Но мы не можем, к сожалению, наносить штамп на предполагаемое прежнее место. Мы не имеем права портить прежний штамп, даже стёртый. Это будет опять-таки в космической перспективе выглядеть как подделка. Мы же не мошенники! В то же время вы сохраняете у себя памятники старины, вам занятно видеть, что кто-то жил прежде вас в более скверные времена, а созидал, строил, ваял, писал и т. п. – лучше вас? И если до нас был поставлен штамп, даже не столь долговечный, мы не смеем вмешиваться в дела предшествующих канцелярий. Хотя, повторяем, Африка нас очаровала. Одни жирафы чего стоят! Мы будем её иметь в виду на будущее. Пожалуйста, господа, ваши вопросы!

– Вот вы указали нам на пирамиды. А вам известно, что под этими надгробьями находятся или находились до разграбления потомками мумии предков, сохранившие свой внешний вид благодаря древнему искусству бальзамирования? Если пирамиды лишь руины от бывшей инвентаризации космоса, то какое отношение имеют мумии к предполагаемому штампу? Это они так спасались от вашего штампа? Лев Минц, журнал «Свет Вокруг».

– Спасибо, Лев! Нам приятно, что Вы не из Африки, но относитесь к ней с пониманием. Мумии действительно имеют самое прямое отношение к описи Вселенной. Мы полагаем, что это останки тогдашних президентов, а, значит, подлежат нашему учету. Они использовали пирамиды в качестве надежных бункеров, когда эта цветущая цивилизация обрабатывалась в интересах нанесения штампа. Не исключено, что они восстанут из мёртвых, когда мы нанесём штамп в другом месте.

– Вы утверждаете, что это президенты. Но мы достоверно знаем, что это фараоны. Нельзя же так переиначивать историю нашего древнего Египта! Вы бы ещё наших президентов объявили фараонами! Но даже не это главное: ведь вы таким образом признаёте, что нанесение вашего штампа имеет

разрушительные последствия для нашей земной жизни и истории! – не унимался Лев.

– Ваше мнение об истории не соответствует нашему мнению о вашей жизни. Вы говорите о фараонах, а мы называем их, исходя из нашей обратной перспективы, президентами. А суть одна – видимая вершина пирамиды, ради чего одно подножье громоздится на другое подножье! В удобных пирамидах президенты или, если хотите, диктаторы, сатрапы, деспоты, фараоны устроились, как в бункерах, но им, возможно, не хватило жидкости. То ли штамп её из них выжал, то ли после нанесения штампа все они просто усохли, так что ни при чём здесь искусство бальзамирования. Его придумал русский хирург Пирогов уже в другую эпоху.

– Я не буду с вами спорить, кто придумал бальзамирование, – стоял на своем Лев. – Но если диктаторы сами усохли и законсервировались, то, скажите, пожалуйста, что же стало с простым народом, который не мог спрятаться в бункер от этого, как вы лихо и безответственно утверждаете, безобидного штампа? Недаром мы теряем в пустыне следы великого древнего египетского народа.

– Не надо поднимать панику, Лев! Следы теряются, а народ остаётся. С простым народом, как всегда, всё просто. Народ, как всегда, остаётся в истории и в то же время находит из неё выход. Вы же читали об этом в Библии! Книга – Исход! Исход народа из египетского плена! Итак, народ ушёл! Скитался в пустыне, спасался от погони, шёл по дну моря, но ушёл-таки! Ушёл и остался. На сегодня всё, уважаемые планетяне!

5.

Началась какая-то скитальческая жизнь. По данным личной разведки президента бывшая Кремлёвская больница в Кунцево уже объявлена неведомыми неземными силами военным объектом. Окружённая высоким каменным забором, она хорошо просматривалась с воздуха, а воздух в этом элитном районе, как на зло, был особенно чист и прозрачен: роза ветров, и никаких дымящих фабрик.

Было принято решение, что президент тайно покинет Кунцево и отправится в очередной отпуск в Сочи. Я, естественно, вместе с ним. Я всегда радовался подобным перемещениям. В полёте мне давали поспать, чтобы я не видел, куда мы на самом деле летим.

Из Сочи нас тут же переправили на какую-то таинственную военно-морскую базу, где к нашему прибытию перекрасили боевые корабли из защитного цвета в беззащитный, зато парадный. Поначалу эти корабли намеревались незаметно перебросить в Средиземное море, чтобы охранять подступы к пирамидам, так как любая пирамида является сферой жизненных интересов любого главы государства. Но потом поставили перед флотом более серьёзную задачу: пусть остаётся в Чёрном море, но зато, благодаря яркой цветовой гамме, теперь его можно будет различить не только из Турции, но даже из глубин космоса! Это должно озадачивать пришельцев и охлаждать их канцелярский пыл.

С Чёрного моря нас качнуло к Белому и дальше на север, где мы взошли на борт крейсера «Немирович-Данченко». Там нас встречал хор североморцев громкой песней «Ты не вейся, чёрный ворон...» Наконец, нашёлся нужный президенту адмирал, который спал в торпедной трубе в ожидании полной боевой готовности. Президент, было, хотел дать искомому адмиралу звание контр-адмирала, но его вовремя остановил советник по званиям, подсказав, что адмирал старше контр-адмирала. Затем начальство было приглашено на совещание в трюм крейсера, после чего проверили все торпедные аппараты, спящие в них моряки были оттуда удалены, а на их место установлены торпеды.

Несмотря на протесты эстонцев, мы наведались на бывший наш военный аэродром недалеко от университетского города Тарту, где когда-то служил молодой генерал Джохар Дудаев. Краем уха я услышал, что мы ищем замену Байконуру. Потом отправились в Минск и в сопровождении обрадованного нашим визитом президента Белоруссии навестили аэродром средних бомбардировщиков в Мочулищах.

И затем мы вновь оказались под южным солнцем у тёплого моря. Какого точно – мне уже знать не полагалось, ибо место нашей дислокации сохраняли в тайне даже от президента.

Президент не просыпался. Морской воздух способствовал его здоровому сну, но я по-прежнему регулярно докладывал ему международную обстановку. Обстановка была накалена, но ещё не настолько, чтобы ему просыпаться и на неё влиять.

В столицах Европы прошли митинги протеста. Студенты возмущались, что власти до сих замалчивали факт жизни на других планетах, подсовывая им третий мир и хиреющую Россию, как предел разнообразия во вселенной. Выдвигались требования незамедлительной встречи с инопланетянами, чтобы открыть им глаза на нашу вымирающую цивилизацию. Мелькали сообщения, что некоторые тайные общества и закрытые клубы уже ведут с пришельцами переговоры о дальнейшем обольванивании непосвященных. Школьники перестали посещать школу, обнаружив, что какие-то проходимцы из далёких миров грамотно заговорили на иностранном языке безо всякой подготовки.

Футбольные болельщики и хулиганы закидывали яйцами, или, как они сами выкрикивали, «штамповали» Австралийские посольства в своих европейских столицах, обвиняя австралийцев в сговоре с пришельцами, они-де решили прикарманить всю остальную Землю! Пусть признаются, что они подкупили пришельцев, дабы избежать Штампа. Принесённые для бесчинства тухлые яйца были, якобы, снесены австралийскими утконосами.

Очередной брифинг был посвящён проблеме островов.

Международное сообщество обратилось к пришельцам с призывом: если уж неизбежен штамп, то не поставьте ли его на какой-нибудь остров, лучше всего на необитаемый.

– Дорогие планетяне! – обратился к нам неутомимый Уп. – Острова мы отвергаем в принципе. Необитаемые острова так малы, что о них не может быть и речи. К тому же – где гарантия, что их не заселят какие-нибудь беженцы с материков? Потом, если остров необитаем, то кто будет испытывать чувство гордости за нанесённый на него штамп, чувство, родственное здоровому патриотизму? Ещё нам стало известно, что острова то и дело переходят из рук в руки. Можно таким образом нанести штамп на часть одного государства, а после окажется, что это уже часть другого государства. А то и вообще новое государство, если там вдруг обнаружат газ или нефть, или туземцев, годных для эксплуатации! Вот мы возьмём, например, Фолклендские острова. Для ближайших аргентинцев это уже Мальвинские острова, а принадлежат они заброшенной в другое полушарие Великобритании, которая за них крепко держится, чтобы не потерять своё лицо. И мы не можем поставить штамп как бы в раскоряку: одной ногой в Южном полушарии, а другой в Северном! И наоборот тоже нельзя: сперва проштамповать королевство Великобританию – а это тоже остров – а потом на другие острова. У нашего штампа нет ног, это вам не циркуль! Он не рассчитан на мокрое место, то есть на морское пространство. Он может расплыться, сами понимаете.

Такая же незадача и с другими островами, как бы они не хотели пойти нам на встречу. Вот Испания – родина испанской оспы. У неё и Минорка и Мальорка, а там и Канарские острова – родина канареек. Это уже почти Африка – родина языка африкаанс, а мы же уже от Африки отказались.

Или Франция – родина французской революции. Нам больше по душе французские вина, хотя вино у нас в жидкой среде само по себе разбавляется, и вот у Франции пока ещё есть остров Корсика – родина корсиканцев и корсаров. Не ждать же нам отделения Корсики от Франции!

А возьмём Италию – родину итальянской оперы. С одной стороны Венеция потихоньку уходит под воду, с другой стороны – остров Сицилия, родина Архимеда. Кстати, придумавшего интересный закон, как вытеснять воду. И родина Эмпедокла, который своим телом пытался вытеснить огонь, бросившись в жерло вулкана Этна. Так вот; простому народу Сицилия более известна как родина сицилийской мафии. И кто кем ворочает: Италия Сицилией или Сицилия Италией? А если проследить тенденции американского кино, то можно убедиться, что Сицилия ещё и Америкой заправляет, свой порядок наводит, игорный бизнес, наркотики. Что такое наркотики мы пока не знаем, но мы ещё подойдем к Голландии – родине голландского полотна и Малых голландцев – там и разберёмся. Наркотики в Голландии разрешены, там мы и воспользуемся благом свободы. Вот видите, сколько проблем с одной только Сицилией.

Ещё нам стало известно, что в глубокой древности Европа была похищена быком. Что же вы нам предлагаете: мы ставим штамп на Европу, а тут опять какой-нибудь бык! Вообще, на Европу глядя, мы мыслим, что было бы проще поставить штамп на Римскую империю. Жаль, что её не сохранили от натиска свирепых германцев, всех этих готов, лангобардов, вандалов и так далее.

Я представил себе, что ещё будет нести Уп, как резво он расправится с Грецией – родиной грецких орехов, с Эгейским архипелагом. Укажет на факт разрушения Крито-микенской культуры волной,

вызванной извержением вулкана на Санторине. Затронет вопрос размещения на Кипре российских радиолокаторов, о перемещении их на Крит, что можно сравнить с извержением на Санторине, если смотреть на всё это со стороны Турции – родины турецкоподданных. Итак, на Турцию тоже штамп не поставишь. Проще было бы поставить на Византийскую империю, благо она не входит в НАТО. Жаль, что её не удалось спасти от набега свирепых тюркских орд...

Есть свои острова и у Германии. Тот же Рюген, а на Рюгене единственный ещё сохранившийся славянский идол – четвероликий Свентовит, говорящий о славянском прошлом Германии. Так что ставить штамп на Германию – бывшую страну писателей и мыслителей, то же, что и на Россию, некогда страну читателей. Как бы ни утверждал философ Иван Ильин, что Германия вечный враг России, но перед лицом нависающего штампа Германия ей союзник, пока в самой России ещё не перевелись русские немцы, а в Германию перебираются из России те, кого в Германии будут именовать русскими.

Стояла Россия в своё время и на шведском острове Готланд, но и шведы стояли под Полтавой. И если история что-то для пришельцев значит, не тронут они и Швецию, а поскольку Полтава это уже Украина, могут миновать и Украину. А если ещё выдать полуостров Крым за остров, то будет ясна прозорливость Никиты Сергеевича Хрущёва: он подарил Крым Украине, чтобы спасти её от надвигающегося Штампа!

И всё же странно, как настойчиво уклоняются пришельцы от вторжения в европейские просторы. Боятся объединённой Европы или их отрезвляет «Закат Европы»? Или подозревают, что украденная быком-Зевсом Европа может оказаться подверженной коровьему бешенству?

Что-то я увлёкся темой, заданной занудными пришельцами. Надо вернуться к текущим событиям. Рутинные известия сообщали попутно, что каждую пятую женщину в немецкой семье насилует собственный муж. Что в наказание насильников будут сажать отныне под домашний арест под приглядом электроники. Так, видимо, их преступные сексуальные притязания будут чётко ограничены домашним кругом.

Обычно я редко отвлекаюсь на рекламу, но по московской программе вдруг показали лакея Смердякова, будто из фильма «Братья Карамазовы», снятого по Достоевскому, кажется, ещё режиссёром Пырьевым. Смердяков гнусавил: «В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы; умная нация покорила бы весьма глупую-с...»

Тут же возник второй лакей, уже современный молодой собеседник с кружкой пива в руке и провозгласил: – А ещё лучше, кабы нас немцы покорили, так пили бы мы давно немецкое пиво! И бывалый Смердяков молодому возражает: – Ан немцы не токмо пиво, но и Моцарта бы у нас ввели, а Моцарт вздор! – Да плевать нам на Моцарта, даёшь пиво! – Это уже молодой провозглашает, и тут они чокаются со Смердяковым своими пивными кружками с нерусским пивом. И всё это на фоне ненавязчивой маленькой ночной музыки Моцарта. У музыкантов на заднем плане вместо смычков в руках тоже были полные пивные кружки. Я выключил телевизор и обратился к чтению газет все ещё непокоренной России.

В России противоборствующие олигархи обвинили друг друга во взаимной подготовке покушений на их драгоценные жизни, что раскрылось случайно, ибо заказали они задуманные убийства одному и тому же известному охранному ведомству. Так они и здравствуют и поныне, благодаря бедности собственного делового воображения.

В Соединённых Штатах трое школьников-сектантов расстреляли группу своих одноклассников из огнестрельного оружия и затем покончили с собой. Общественность требует запретить свободную продажу оружия несовершеннолетним. Комиссия выясняет, по каким предметам убийцы-самоубийцы хорошо успевали в школе. В российской думе обсуждают вопрос: перестреляет ли себя русский народ, если ввести свободную продажу оружия. Было высказано предложение от либеральных демократов: русский народ пока побережь, но думу вооружить.

Я решил не докучать президенту пересказом всех этих сведений, что же касается разборок между олигархами, здесь он должен иметь более полную информацию из уст самих олигархов. Но меня на эти беседы уже не допускала как охрана президента, так и прибывающая вместе с олигархами ещё более многочисленная охрана.

Утром я искупался в море. Была какая-то особая прелесть в неведении, что это за море. Песок приятно скрипел под босыми ногами, когда я с усилием переступал с пятки на носок, по этому скрипу какие-нибудь колдуны могли бы угадать, на какой берег их выбросило. Море было очень лёгкое, как будто я погрузился в едва сгустившийся воздух. Если видеть море без оглядки на берег, оно везде одинаково мощное и великолепное. Только увидев на берегу пальмы Цейлона или сосны Прибалтики, поймёшь, что за море перед тобой.

В море я вечно боялся акул, даже точно зная, что они там не водятся. На Цейлоне в Коломбо они были за полосой рифов, хорошо, что есть надежные рифы. На Адриатике, когда железные акулы ещё не летали в небе, черногорцы меня предупреждали, что не стоит плыть к островам, которые кажутся такими близкими с пляжа. Они на самом деле далеко, и там уже рыщут морские псы, то есть акулы. Однажды они съели двух немцев, которые хорошо плавали.

Акулы небезопасны у побережья Калифорнии, о чём предупреждал меня литературный критик Чалмаев, которому оказалось безразличным, съедят меня там американские акулы или нет. Поэтому я только с грустью смотрел в необъятные воды Великого океана, но не помышлял о купании, да и не принято было купаться в январе.

На Шведском острове Готланд соприкосновение голого тела с водорослями, которые вздымались внезапно с недалёкого дна, пугало, прогоняя мои медленные мысли, – а что бы стало с цветущим Готландом, если бы он и по сей день оставался собственностью государства Российского.

Особенно прозрачным было море на юге Сардинии под городом Гонеза, а самым смутным Индийский океан на северо-западе Цейлона, недалеко от Коломбо. А здесь оставалось непонятным, что это за берег, и что за море, но больше, чем гигантских рыб, я боялся подводных лодок. Не знаю, что страшнее: попасть в чрево акулы или в чрево подводной лодки.

Для храбрости я вообразил, будто это всего лишь Обское море под моим родным Новосибирском с видом на ушедший Академгородок. Тоже, ночные купания! Когда-то я бродил там по грядущему дну, когда там был пионерский лагерь.

*Здесь было море, но прошли века,
и я по дну иду неторопливо,
и слепок плеска на слоях песка
я прочитал в окрестностях прилива.*

Приятно помнить о том, чего уже почти что и не было! Сибирская школа поэзии, Женя Харитонов, Толя Маковский, или вот – певец и скиталец Ваня Овчинников:

*Море, Обское море,
вид из спортивного зала.
Пение школьного хора,
где половина сбежала.*

Прости, Ваня, если переврал! Что-то я расчувствовался в этой жидкости. А ведь уже страшно, вот уже как вопль подступает Хуан Рамон Хименес: *Кришишишк в моооооре! Тебя несёт, быть может, звёздный отзвук?* Перевод с испанского Платона Кореневского. И это тоже: *Земля ведёт нас по земле, тогда как ты, о море, ты нас ведёшь по небу!* Платон рассказывал, послужив там толмачом, каково море на Кубе, залив Свиней. *О, как похож путь в море на путь после смерти, на путь по вечной жизни!*

Я оглянулся, перевернувшись на спину, увидел смутные сосны, стоящие среди пальм, и надменные пальмы среди сосен. Надреальный пейзаж и безлюдный берег. Охрана, скорее всего, скрывается под водой. Уж не Куба ли это, остров Свободы? Попытались ведь замаскировать наши ракеты под тропические пальмы! Не лучше ли пальмы спрятать среди сосен? Не догадались тогда вместе с ракетами завезти сосны. Кубинский кризис, полная боевая готовность, Кеннеди, Хрущёв. Когда разрядилась обстановка, заголовок статьи в какой-то отважной провинциальной газетке: *Уберёт ли генеральный секретарь президента? Потом перестройка, президент убирает генерального секретаря. Потом уже президент убирает президента. Потом свободные выборы. Потом какие-то неизвестные убирают каких-то задолжавших им известных.*

На берегу завершал мой мобильный телефон. Хорошо, что я уже почти на берегу. Сейчас вызовут к самому Фиделю Кастро. Но это оказался всего лишь Заумов; звонил с острова Тенерифе, где

он сидит в позе Будды под старейшим железным деревом планеты. Я из этого заключил, что я не на Тенерифе.

– Люблю космическую технику: где человек, не ведаешь, но всё равно его хоть со дна моря достанешь! – вопил далекий Заумов. – Ты что пыхтишь? Только что вынырнул?

– Так точно!

– А я скоро опять под воду! Я там на дне такое узрел! Узрел и запечатлел. Входы и выходы нашёл и опять концы в воду спрятал! От берегов Африки начинается и до берегов Кубы доходит! Хотя концы ведут как раз из Атлантики в нашу милую Сибирь. Представляешь; под водой суша, а в ней следы подземного газа! Ещё там на кубинцев с канадцами натыкаемся, хорошо, что у меня с кубинцами общий испанский язык есть. Но моего общего языка здесь мало, нужны будут международные соглашения. Ну, молись за меня, чтобы я навеки в Бермудский треугольник не канул! Жди сенсации и доложи наверх, что я скоро всем ох как понадобится! Для спасения мира и его окрестностей. Отбой!

Стоило ради этого шума выходить из безмятежного моря! И что это за концы из Атлантики в Сибирь? Следы газа. Газ не оставляет следов. Очумел Заумов от демократии, солнца, синего моря и красного вина.

Я снова поспешил окунуться в отрезвляющий поток событий. Снова вспомнили о Германии: у неё не хуже, чем у Африки, виды на будущее, но всё-таки, если поставить на неё штамп с востока, он провиснет над западом, а если ставить с запада, он провиснет над востоком. Министр обороны Германии с фамилией, напоминающей японский электронный прибор, надменно заявил, что по данным его разведки у Германии хватает своих штампов. А нынешний запад и вчерашний восток Германии отнюдь не омрачены массовым вытеснением народов с насиженных мест, как это происходило в Америке, где индейцев с восточного побережья ссылали на запад от реки Миссисипи по указу президента Джексона. Министр с возмущением называл даже цифры, – в штате Массачусетс при власти англичан за скальп индейца выплачивали 60 долларов, а в Пенсильвании – 124 доллара за скальп индейского мужчины и 50 долларов за скальп женщины. Голландцы в Новой Голландии, предшественники англичан, платили меньше и не отличали скальп женщины от мужского скальпа.

Далее последовали призывы партии Зелёных поднять вопрос об экологической чистоте нависающего над нами штампа. В то же время общественность единодушно заклемила позором группу бритоголовых молодых людей, учинивших нечто вроде моления на одной из площадей города Ганновера. Те вопили, воздев руки к серому немецкому небу: – Боже, покарай Англию!

Тем временем русские с платформы на Тихом океане запустили спутник, он облетел обратную сторону Луну, сфотографировал её и не обнаружил там никакого штампа.

Уп и Повидлоу откликнулись на это сообщение: это понятно, ведь штамп в точности повторяет ландшафт лунной поверхности. И это естественно, ибо у Луны есть только физическая география, и нет пока политической. Не принимать же во внимание тлеющие флаги некоторых стран, кстати, ныне уже несуществующих, забытые на видимой стороне Луны.

– Значит, штамп может охватить два полушария сразу? – спросил кто-то догадливый.

– Конечно, может, но только на таком небесном теле, которое не имеет на себе водного пространства, – ответил Уп.

– Но как вы ухитряетесь, имея в своем распоряжении сравнительно небольшое средство полёта, наносить штамп планетарных размеров? – не унимался догадливый.

– У нас для этого неограниченные возможности. Иногда мы можем для нашего удобства уменьшать планету до нужных размеров, затем ставим штамп и возвращаем данной планете прежнюю величину. А можем и наоборот, увеличить! – Уп разводил руками, которые при этом то укорачивались, то удлинялись во весь экран.

– А как же вы намерены поступить с нашей Землей? Ведь изменение её размеров может вызвать не только землетрясения, но и межнациональные конфликты, если один народ вытряхнуть в среду обитания другого народа. А некоторые народы только того и ждут, чтобы их куда-нибудь вытряхнули, откуда их уже без человеческих жертв не вытряхнешь обратно...

– Землетрясение мы можем вам устроить и без нанесения штампа. Иногда требуется проверить общую прочность небесного тела. Вы говорите – человеческие жертвы. Как будто менее значимы бесчеловеческие жертвы. Мы как раз проверяем, прикидываем, что это за страсть такая – это ваше странное человечество. Как говорят, – человек человеку – цель. И мы хотим разобраться, имеет ли

оно, ваше человечество только узко общечеловеческие ценности, или обладает вселенской значимостью. Или на тернистом Млечном пути – вечном движении к звёздам – вы вообще случайные прохожие.

– Обижаешь, начальник! – выкрикнул кто-то из репортеров в ответ на весьма высокопарную речь Упа. Тут опять возник скромный журналист, видимо, из научной среды с очередным философским вопросом:

– А каково вообще отношение к жизни у вас на небе? Как вы там определяете смысл жизни?

– Смысл жизни на небе в том и состоит, чтобы не упасть с неба. Мы с неба присматриваем за всем космосом, чтобы в нём ничего не пропало. Вам тут хорошо на Земле, вам и падать некуда. Но если вы ещё будете задавать отвлечённые вопросы, я вас вообще лишу права слова!

– Право слова – это наше неотъемлемое право, – не унимался философ, на что Уп свирепо возразил:

– У кого Штамп, у того и право!

И в заключение кичливо добавил:

– Между прочим, качество нашего штампа улучшается с каждой эпохой, с каждым эоном! Вы ещё не понимаете, как вам повезло!

– Знаю, знаю, – проворчал президент, когда я ему выложил всё по порядку. – Значит, считают ниже своего достоинства ставить штамп, скажем, на эти... на Нидерланды? Действительно всех голландцев считают Малыми?

Я доложил, что именно в Нидерландах пришельцы попробовали наркотики, и они им не понравились. У господ пришельцев так закружились головы, что они, было, решили остановить вращение земли. Что их от этого удержало? Их удержала мысль, что если землю остановить, то это приведёт к усилению диктатур, а демократия ослабнет. Демократия требует смены дня и ночи, дабы создавалось впечатление равенства и справедливости времён. Должна быть свобода выбора – между днём и ночью, не говоря уже о том, что день, отделённый от другого дня ночью, считается новым днем. Иначе длился бы один бесконечный день, тирания монотонного света, а в другой части света – тирания тьмы, вечная ночь. В мире, где смена президентов есть гарантия прогресса Вселенной, планету останавливать вряд ли разумно.

Мотив смены президентов занимал моего высокого подопечного гораздо больше, чем возможная остановка земного шара.

– Мы ещё посмотрим, кто кого сменит! День ночь, или ночь день! А что ж Англию не проштемпе-левали? Удобное болотистое место. Или – невелика цель? Боятся попасть пальцем в Северное море? Астрологи утверждают, что она и так скоро потонет!

– Астрологи могут заблуждаться вместе со звёздами. Англию отстранили из-за наличия у неё других островов, имперские издержки. А ещё нашли на ней эти самые дольмены...

– Опять развалины? Опять от прежнего штампа?

– Не совсем так, скорее наоборот! Говорят, дольмены – это не остатки штампа, который нанесли, а обломки штампа, который обломал свои зубы, когда его наносили на другое место. То есть Англией могли наносить штамп на Америку ещё в доколумбову эпоху.

– И что, главный островитянин уже сделал соответствующее заявление? Я с ним, кажется, где-то встречался...

– Да нет, у вас встреча не состоялась. Вы не смогли к нему спуститься с самолёта.

– А он что, как это, не мог сам ко мне в самолёт подняться? Самолёт же был не в воздухе, а на земле, причём на их же собственной!

– Да, до этого он не смог подняться, – я говорил с большой осторожностью о первых лицах государства даже тогда, когда они меня не слышат, – а заявление всё-таки сделал. Он заявил, что Англия может гордиться тем, что дала язык многоязыкой Индии, почти безъязыкой Австралии и, конечно, крикливой Северной Америке, где английский язык выиграл у немецкого языка своё первенство вполне демократическим путём. С тех пор английский язык в его упрощённом варианте является надёжным инструментом наведения демократических порядков. Язык политической корректности. Если кому-то кажется, будто английский язык состоит из штампов, то это либо морские разбойники, либо космические пираты, которые с трудом овладевают английским языком, только находясь в воде. Голос Америки приветствовал эти грамотные английские предложения.

– То-то мне снился американский сон, – оживился президент, – плывёт в нейтральных средиземных водах американский авианосец «Теодор Рузвельт», а на его борту в качестве русского шпиона кинорежиссер Эйзенштейн. И вот на авианосце в холодильниках начинают таять «ножки Буша». Но это для нас это ножки Буша, а для них они – свои. И вот растаяли ножки Буша, надо думать в связи с потеплением международной обстановки. Обстановка, надо думать, от летних пожаров потеплела. Леса горят. Нефть горит. Лётчики отбомбились, всё горит. Сели они на свой авианосец «Теодор Рузвельт», а тут им на стол – протухшие куриные ножки. И, конечно, тут же бунт на корабле. Кто-то даже пустил слух, что Буш на корабле! Генералов, адмиралов, официантов, международных наблюдателей – всех за борт! Сперва ещё думали в Чёрное море, потом решили не затягивать и – в Средиземное! Особенно тех, кто в очках. Красный флаг на мачте авианосца. Которые за борт летят, кричат, – а как без очков у компьютера сидеть! А за бортом бомбы, которые из-за плохой погоды куда попало сбросили. Ужас! И вот по всему миру этот фильм идёт. Интеллигенция в восторге: искусство монтажа! Политологи говорят о возвращении Новой эры. Политики признают авианосец суверенным государством. И мне вдруг предлагают, – если я под красный флаг встану, меня в Америку президентом пригласят. К чему бы это?

– Как бы нам их президента не подсунули, – подлил я масла в дремлющий огонь, – да ещё с госсекретарем в придачу! Господин президент! Господин президент?

Сон президента продолжался.

7.

Вечером я ещё раз вышел к морю. На сей раз я увидел охрану, и охрана увидела меня. Подождав, пока я разденусь, меня поверхностно обыскали и позволили голым войти в одну и ту же воду. Море было необычно холодным, как будто сменилось время года, или это было уже другое море? Я плыл не долго, сгущающаяся темнота и прохлада быстро заставили меня повернуть к берегу. Как непривычно видеть берег, но без ночных огней, как бы подтверждающих, что жизнь ещё теплится. Или время у нас такое, что жизнь прячется всё глубже под землю? Я вышел из моря, меня торопливо обыскали и позволили одеться. Охранники чему-то глупо ухмылялись, качали головами, они никак не хотели поверить, что я действительно мокрый. Мне стало их жалко, им, по-видимому, не велено было купаться. Конечно, им же нельзя без оружия. Их жесты насторожили меня. Уже одевшись, я оглянулся туда, где должно было шуметь море. Моря уже не было. Или не было никогда.

Потом мы летели над облаками, никто не мог сказать, что там за планета под нами. Президент спал в президентской люльке, она покачивалась, если самолет попадал в зону повышенной турбулентности, люлька колебалась, но президент оставался непоколебим.

Когда вдруг распаивалась пелена облаков, можно было увидеть внизу на земле фигурку, бегущую за нами через леса, через моря, не снижая скорости, ибо и мы не снижали её. Я принял её за тень нашего самолета. Кто-то из охранников шепнул мне, что это наш будущий президент. Мы летим, а там внизу уже идёт полным ходом физическая подготовка нового президента. «Ничего себе, – подумал я, – как я ему буду докладывать на таком бегу о неспешном ходе мировых событий? Или и события изменятся?»

– А как он так быстро бежит? На лыжах? – обратился я к дальновидному охраннику.

– Где снег, там на лыжах. Отсюда-то не видно. А где нет снега, там снимает лыжи, – неохотно ответил дальновидный, видимо, пожалев, что поведал мне нечто запретное.

Мы приземлились в сплошной мгле, но команды на выход не последовало. За окнами можно было увидеть снег и ничего больше. Или это все те же облака?

Уж не покончено ли с Европой, которой так уклончиво пренебрегали Уп и Повидлоу? Уже было объявлено, что вся Европа – потревоженная земля. Лишь кое-где ещё остались священные камни. А количество лет, потраченное Европой на войны, превосходит время, потраченное ею же на историю. Парадоксы бытия!

Но пришельцы всё ещё топтались в небе над Европой, отдавая распоряжения, одно нелепее другого. Вдруг потребовали вывести войска с территории Германии, что внизу расценили как провокацию. Какие войска? Куда выводить? В нейтральные страны, но это же не нейтральные воды, а в Швейцарии ещё и своя гвардия. В Австрию? Вывод могут понять, как ввод! В Люксембург много войск при самом добром расположении не выведешь... Ну, Польша, Чехия – те как раз только и ждут

ввода, а там Прибалтика, а там... нет, там география обрывается. А тут против вывода высказалась партия Зелёных, защищая свой цвет: военная защитная форма – это уже и часть природы отечества, выводить природу за границу не позволим!

Министр заморских и ближайших дел Ложка Ящер дал категорических отпор пришельцам: больше никогда в истории Германии войска с её территории выводиться не будут!

Цивилизованный мир с замиранием ожидал реакции пришельцев. Германия и так только что пережила шок в связи с попыткой очередного вымогательства. Бывший работник сексуальной индустрии пытался шантажировать заправил порнобизнеса Они, якобы, в лице Беаты Узе укрывают от государства налоги с продажи надувных женщин и прочей сексуальной фикции. Государство вступилось за свободное предпринимательство, вымогателя схватили и взяли под стражу. Мир вздохнул с облегчением.

Повидлоу сослался на сбой бортового компьютера: космический прибор не рассчитан на работу в условиях помех, которые вызваны дурным излучением несовершенных земных компьютеров. Космический прибор предложил вывод российских вооруженных сил из Германии, но запутался в вопросе, в какую сторону света их выводить. Потому и была задана обобщающая команда, вывести войска, а куда и какие, потом разберёмся. Потом компьютер нашёл ошибку; оказывается, русские уже вывели свои войска, но, по мнению компьютера, слишком рано. Дело в том, уточнил Повидлоу, что мы живём в одном временном измерении, а вы живёте сразу в нескольких, и нам сложно сразу настроиться на ваш вектор. И как только наш компьютер натывается на события, которые и вам самим непонятны в пределах вашего времени, он тут же пытается давать неожиданные советы вашему пространству.

Повидлоу высказал парадоксальную мысль, что если они натываются на наши нелепости и ошибки в прошлом, то и мы не должны слишком пристрастно и поспешно истолковывать их ошибки в настоящем.

– Но эти ваши ошибки в настоящем весьма могут исказить и исковеркать наше будущее, нам и своих ошибок хватает, а тут ещё ваши, не много ли на одну жизнь? – возразил представитель земной печати.

– Видите ли, планетяне, мы ещё не вполне убеждены в том, что ваша жизнь вообще достойна так называемого будущего! Возьмём ваши тела, внутри которых мы сейчас формально вынуждены находиться. Мы не можем утверждать, что они уютны и удобны. Нам не хватает рук, две руки хороши, чтобы соблюдать равновесие при хождении на двух ногах, но работать только двумя руками малоэффективно. Не удивительно, что при таком раскладе рук вы отстаёте от мирового стандарта и в раскладе ног. Что же касается единственной головы, то для порождения такого количества ошибок, как в вашей мировой истории, так и в домашнем быту, для этого одной головы, быть может, достаточно. Но даже для простого обзора, для расширения горизонта голова непрактична. Она не поворачивается на 360 градусов!

При этом Повидлоу попытался вращать головой, ему удалось её повернуть почти на 180 градусов, что озадачило журналистов, тогда как некоторые журналистки не могли скрыть своего восхищения.

Затем изображение несколько вытянулось на экране, потом снова стянулось. Все увидели у Повидлоу четыре руки; две были в карманах брюк, две другие перебирали бумаги и поправляли очки. Вошёл на цыпочках Уп, но без головы; голову он бережно держал под мышкой. Кто-то из прессы рухнул на пол, кто-то просто выронил фотоаппарат. Голова Упа объявила о конце передачи.

Дальше длилась пёстрая смесь новизны, в которой было мало неожиданного. Бритоголовые европейцы опять нападают на волосатых выходцев с других материков. Из более бедных стран женщин лёгкого поведения поставляют в более благополучные страны как доступный товар. Зато русские девушки занимают оставшиеся пустоты в бедных странах, ведь их посещают жаждающие экзотики туристы из богатых стран. Вспышки насилия в среде хорошо обеспеченной молодежи захлестнули Великий восток Франции. Тут, кажется, я ослышался: Россия не свернёт с Млечного пути реформ! Но дальше действительно речь пошла о России. Посланцы Млечного пути – вовсе не посланцы, это русские космонавты, которые запугивают человечество, чтобы обратить внимание общественности на плачевное состояние античной космической станции «Мир». Они хотят выбить из денежных мешков планеты кредит на модернизацию этого памятника старины.

Голос Америки откликнулся на эту утку своеобразно: Мы за мир, но за мир на земле. А кредиты России – это же деньги на воздух!

Китайцы поняли всё это по-своему. Западные спецслужбы хотят настроить Европу против России, а затем вынудить русских снизить цены на газ, который как бы сам по себе течёт с востока на запад. А Уп и Повидлоу – это уж точно не русские космонавты, творящие салто в невесомости на потеху отяжелевшим землянам, это вредные гигантские компьютерные вирусы, выращенные в тайных лабораториях ЦРУ, якобы для выработки вакцины против ещё неопознанного бактериологического оружия Саддама Хусейна.

Тут же возник сам свирепый Уп и отчитал, как он выразился, средства массовой «заикации» и «завирации»:

– Мы не настолько старомодны, чтоб так долго торчать над вашей землёй, как эти ваши русские космонавты. И мы не намерены изображать из себя благодущных американских астронавтов, которые отправляются во тьму вселенной лишь для краткой передышки от полезного земного бизнеса. И мы не можем позволить всей вашей этой дезинформацией свести нас с пути истинного и отказаться от переговоров с Российской державой о возможности предоставления ей нашего долгосрочного штампа.

Ну вот, они уже подбираются к России, выбирая привычные, желанные для неё выражения. Если они скажут, что Штамп начнут ставить с Запада, наши демократы тут же пойдут им навстречу. Ведь это только приблизит нас к Европе, где до сих не все принимают нас за европейцев. А если с Востока, тут же найдётся такая партия, что-то вроде евразийских коммунистов, которая тоже пойдёт навстречу. Если с Юга, правозащитники скажут, что это закономерная расплата за имперские амбиции царской России, и надо смириться. Возможно, это только улучшит наши отношения со странами ислама. Если же с Севера, то надо надеяться, что таким образом будут, наконец, растоплены льды Ледовитого океана, и это приблизит нас к Северной Америке, как географически, так и политически. Надо ожидать от этого экономических выгод.

Я насторожился, поправил на себе наушники и, чтобы не пропустить чего-то важного, включил одновременно ещё несколько различных радиопрограмм и уставился на табло, где параллельно прокручивались тридцать две телепрограммы.

8.

Япония сызнова напомнила России, чтобы та обратила внимание на бедственное положение природы Курильских островов.

Япония – эта дальневосточная Брито-Голландия или Голо-Британия, будучи островным образованием, не опасалась внезапного нанесения чужеродного штампа. Россия – вся облеплена разнокалиберными островами, но вдруг именно Курилы оголят Россию, без них она окажется доступнее для вселенской описи.

Соединённые Штаты вдруг предложили вернуть России свою Аляску, безвозмездно и несмотря на протесты эскимосов и алеутов. Опытные политики не доверяли пришельцам и их взглядам на неоднородность территории. Пришельцам, скорее всего, нужна достаточно протяжённая область земли. В Европе такой не сыскать. А вот если ещё растянуть Россию, то там как раз могут разгуляться небезопасные для мировой цивилизации пришлые силы. Америка готова пожертвовать Аляской, лишь бы не позволить России возродить Советский Союз в прежних границах, якобы, ради взятия на себя обряд нанесения штампа.

Россия оказалась не готовой к приёму Аляски в свою семью, хотя губернатор Чукотки не возражал из Англии. Правые политики призывали проявить выдержку. Не исключено, что Америка замышляет присоединение к себе России посредством подсовывания ей Троянского коня в образе Аляски. Военные высказали опасение, что американцы могут вынудить нас установить на Аляске наши секретные ракеты с разделяемыми боеголовками, а потом потребуют Аляску назад.

В то же время атомщики чукотского города Билибино оценили положительно это предложение, поскольку денег на поездку в отпуск в Европу у них нет, они бы могли ездить отдыхать в недалекую Америку.

Из республики Коми донеслись ещё неокрепшие голоса: если могущество России начнёт прирастать Новым светом, то коми-пермяки должны стремиться к сближению со своими западными

братьями угро-финнами, прежде всего с эстонцами, чтобы через них, наконец, выйти к морю. Нефть и газ у них есть, есть пока и дрова, надо только направить это богатство в большой мир, а это через Балтийское море!

В Эстонии тем временем прошли дни культуры Древней Эллады под знаком восстановления пути из Варяг в Греки. Вспоминали об античной полисной демократии, о христианстве, для которого нет ни эллина, ни иудея. Эти праздничные разговоры были рассчитаны на ускоренный прием в НАТО, к чему с пониманием отнеслись дальновидные круги в республике Коми. Сначала Эстония, а потом и Коми.

Республика Саха, блистая своими якутскими алмазами, высказала пожелание присоединить к себе Южную Африку. Тогда они совместными усилиями прольют бриллиантовые дожди на самых состоятельных дам планеты. Тогда в результате выравнивания климата в Якутии потеплеет, и можно будет получить ещё одну статью дохода: торговать костью оттаявших мамонтов. Затем клонировать мамонтов и продавать их в качестве домашних животных остальному миру.

По России прокатились выставки картин Николая Константиновича Рериха. Синие азиатские горы с осмысленными чертами человеческих лиц. Морщины земли, сквозь которые проступает невыразимый свет восточной мудрости. Зачитывали исторический Пакт Рериха о неприкосновенности произведений искусства, культурных ценностей в условиях войны. Нельзя наносить штамп на неповторимое произведение искусства, каким является вся Россия, невидимая красота которой призвана спасти весь видимый мир!

Последователи Рериха и его супруги Елены на Алтае задумали провозгласить Всемирную буддийскую империю, куда бы вошёл мятежный Тибет с Далай-Ламой во главе, часть Китая, говорящая и пишущая на языке байхуа и все дальневосточные анклавы, где находятся японские дзенские каменные сады. Центром империи будет священная гора Белуха на Алтае. Алтайский поэт и политик Бронтой Бедюров одобрил этот проект.

Украина продолжала держаться за Крым, ведь он же не был островом! Черноморскому флоту России давали понять, что его место не в тихом курортном Крыму, а в самом Черном море, где за ним будут присматривать турецкие подводные лодки.

Бедные люди России, названные так в честь великого писателя Достоевского, были, безусловно, воодушевлены следующим долгожданным правительственным сообщением:

Против богатейших, так называемых олигархов, возбуждены уголовные дела в связи с заказными убийствами, неуплатой налогов и подслушиванием в противных коммерческих структурах, а заодно в коммунальных квартирах. Поскольку на момент возбуждения дела подозреваемые находятся как раз за границей, где хранятся в банках их несметные капиталы, то не исключается присоединение к России тех стран, где укрываются эти капиталы. В самих этих странах указанное сообщение назвали очередной исторической ошибкой России, которая никак не может забыть свой сон о великой державе.

Воинственный Кавказ, раздираемый религиозными и нефтяными распрями, объединяется в пушкинский юбилейный год с требованием изъятия из сочинений русского классика оскорбительных лирических строк: «Кавказ подо мною...» У поэта Пастернака, не дожидаясь юбилеев, сочли необходимым запретить неоднократно осуждаемое стихотворение, где с одной стороны Кавказ, «как на ладони», а с другой стороны «весь, как смятая постель».

Я вошел в палату и склонился над смятой постелью, всем своим величием напоминающую Кавказ, намереваясь донести до слуха спящего президента ситуацию, которую он держит под своим контролем. В это время вслед за мной в палату вошел президент. Я вздрогнул и онемел.

Президент спал в полосатой пижаме под байковым больничным одеялом. Президент, вошедший вслед за мной, был одет в камуфляжную форму, которая не позволяла отличить военного русского от военного американца, если не вглядываться пристально в лицо. Весьма неудобно с точки зрения рукопашного боя, если нам, конечно, драться с американцами. Если же нам объединиться с американцами против общего противника, то эта форма хороша, надо только выбрать общего противника, который бы не пользовался такой же формой. Тут течение моих смутных мыслей прервал голос из постели.

– Ну, что ты там шепчешь, что шепчешь? Электронные средства связи распухли от собственных слухов. Они предполагают, а мы располагаем! У меня только что закончилось секретное совещание моего узкого круга с ещё более узким кругом пришельцев.

– Я рад, господин президент, что вы, как всегда, не только успешно контролируете, но и подготавливаете ситуацию, – я никак не ожидал, что мне придётся слушать Самого, а не докладывать Самому.

– Именно. Так вот к чему мы пришли. Они там все намекали на распад России. Их этот распад, так или иначе, почему-то волнует. Мол, могут поспособствовать, а могут и воспрепятствовать нашему распаду. Мы сказали, это наше внутреннее дело, мы не хотим увеличивать наши внешние дела за счёт наших внутренних. И им в свою очередь задали каверзный вопрос, входят ли в состав нависшего над нами штампа цветные металлы и редкие элементы? Так что нам они ответили, мерзавцы?

– Не могу знать, но хотелось бы уповать на редкие элементы, – я стоял между двумя президентами, боясь пошевелиться и стараясь внимательно смотреть только на одного, на говорящего.

– То-то. И мы уповали. Есть и цветные, и редкие, и даже драгоценные. Да и какой штамп без свинца, а свинец – стратегический материал! Мы им тут же раскрыли все наши геополитические карты: как только вы нам штамп поставите, его тут же у нас наши люди приберут к рукам и растащат! Конечно, скажут, что не растащат, а приватизируют, но мы же не можем бороться с засорением русского языка иностранными, но справедливыми словами. Мы живём по своим законам, а язык по своим. Итак, приватизируют. Как легкий алюминий, так теперь и тяжелый свинец, – президент воздел кулак к больничному потолку. – И тяжело не покажется. А то и в утиль сдадут, ибо принимают! Ситуацию я контролирую, но я же не могу лишать наших людей с таким трудом обретенной свободы. Все мои люди приватизируют! И ценные части и бесценные. Приватизируют и продадут, частью в ту же Европу, в которую нас никак не принимают, частью в Китай, обменяют на жевательную резинку, которая у нас является главным приобретением и символом той же западной цивилизации. А если продавать не по частям, а целиком, то, скорее всего, в ту же Америку, покупательная способность которой наглядный пример для нас и для всего свободного мира. Так что в Америку – скатертью дорожка! Вот так. Спасли Россию!

– Слава Богу! – я ушам своим не верил, что найдено такое простое и гениальное решение такого глобального вопроса.

– Не Богу слава, а президенту России! – президент в военной форме указал на мирно спящего президента. – Против Бога, если он русский, ничего не имею, но слава – президенту! Президент президента не выдаст, всегда по-дружески поддержит, а Богу, как говорится, Богово, нашего, президентского, ему не нужно!

После этих высоких слов президент в защитной форме вышел из спальни, спящий президент не просыпался, а я, умиротворённый доверительной речью об очередном и чрезвычайном спасении России, задремал в своем дежурном кресле.

Продолжение в следующем номере

Проза

Елена Тулушева

Тулушева Елена Сергеевна родилась в 1986 году в Москве. Как прозаик дебютировала в 2014 году в журнале «Наши современник». В 2015 году окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте имени Горького. Автор книг рассказов «Чудес хочется!» (2016), «Виною выжившего» (2016) «Первенец» (2018) и около 100 публикаций в «Литературной газете», журналах «Наши современник», «Юность», «Роман-газета», «Москва» и др. ведущих российских изданиях, а также в русскоязычных журналах Германии, Канады, Беларуси, Казахстана, Украины и Эстонии. Рассказы Тулушевой переведены на арабский, венгерский, итальянский, китайский, болгарский, сербский. В 2018 году вышла книга рассказов Е. Тулушевой в переводе на белорусский. Лауреат V и VII Международных форумов славянских литератур «Золотой Витязь» (2014, 2016), премий «В поисках правды и справедливости» (2015, 2016), «Югра» (2017), «Прохоровское поле» (2017), российско-итальянской премии «Радуга» (2017) и др. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Домой

Рассказы

Баден. Городок, будто из сказки. Идеальнее не бывает. Разноцветные домики под черепичными крышами, вымощенные булыжником улочки, колокольчики на дверях. К обеду городок наполнится запахами жареных шницелей, официанты вынесут дымящиеся тарелки разомлевшим от весеннего солнца посетителям за уличными столиками, практиканты займут лавочки на бульваре, уплетая брецели. А на нижнем этаже кафе на центральной площади в полдень по понедельникам и средам компания ленивых старичков играет в преферанс – на деньги. Возле каждого выстраиваются аккуратные столбики монет по евроценту, азарт в таком деле важен! Их более активные сверстники малыми группами или поодиночке каждый день покоряют гористый парк: в полной экипировке, солнечных очках и со спортивными палочками. Воздух в парке волшебный, чистота природная, на каждом повороте развешены набитые цельными орехами сетки – кормушки для белок. Даже в парке этого малюсенького городка всюду указатели, инструкции, телефоны экстренных вызовов. Туда не ходи, сюда ходи... Всё должно быть по предписанию.

Всё здесь ровно, размеренно. На работу опоздать сложно. То есть можно исхитриться – но это, считай, провалил дело. Отговорка «задержался автобус» будет звучать крайне странно. Автобус придёт ровно в то время, которое указано на табло. Изюм в день, месяц за месяцем, год за годом...

Запись в префектуру. Очередь, как обычно. Талончики. Вокруг одни арабы. Новые жители Европы. Тоже люди, понятное дело. Только что же они не моются? Весна на улице, а они так и сидят в дублёнках. Окна закрыты наглухо, дышать нечем. Ничего, справимся. У нас уже иммунитет к вашей системе выработался за полтора года. Это ж подумать только: одиннадцать месяцев после свадьбы жили в разных странах! И какое вам было дело до дохода моего мужа и его жилплощади? Спасибо, что озаботились, чтобы муж-европеец привёз свою жену не в халупу, а в нормальное жильё, но мы могли бы уж как-нибудь сами разобраться! О, завелась опять. Спокойно, Даша. Дышим. Осталось всего два человека впереди.

Это уже третья попытка. Бог троицу любит. Только бы не развернули. Дедуля умирает, домой попасть надо. А чтобы назад пустили, этот штамп в паспорт получить необходимо. Новый паспорт «счастливой европейки» готовить ещё год могут, а домой надо съездить сейчас. С первых двух раз мы друг друга не поняли. Действительно, куда я собралась, дед же не умер ещё, значит, не на похороны, не его донор (я бы с удовольствием, только нельзя поделиться молодостью) – значит не экстренная ситуация. И связь только через поколение, тут три фамилии разных, извольте доказать

родство. Да и зачем мне туда, в Россию, когда я замужем здесь, в прекрасной стране, и мне должны выдать паспорт через месяц-другой! Неужели дед подождать не может? Не говорите, удивительно эгоистичны эти старики...

Ничего, справимся. Дедуля, ты продержись ещё, родной, я обязательно приеду. Не уходи без меня, миленький. Ты же... ты же мне ближе всех, подожди чуть-чуть. Деда, как в детстве. Уткнуться в тебя и плакать-плакать о несправедливостях мира. А ты гладишь по голове, обнимаешь, что-то бормочешь шёпотом. Ты как будто один по-настоящему понял про Йозефа. Хотя Наташка сказала, что ты, наверное, уже совсем не в себе был, раз одобрил мой брак с потомком фашистов. Дура она, даром что сестра родная. Ей хоть доказательства приведи, что он вообще из австрийских евреев, бабка в лагере едва выжила. Нет же, как заладит. Невыносима стала. А сколько раз в детстве ты нас разнимал, помнишь? Всё говорил, самые близкие мы с ней, держаться друг за друга надо. Куда там, и десятой части, чем с тобой делилась, не расскажу ей. Не поймет...

Зазвонил телефон. На экране высветилось: Хайбс. Хозяин квартиры. Ох, не к добру. Пунктуальные педантичные австрийцы, они не будут названивать своим арендаторам, приезжать в сдаваемое жильё с проверками или тем более, как у нас любят, оставлять там свои вещи! Даже если оплата не поступила в срок, они напишут письмо... Раз звонит – значит что-то не так. Очередь двигается медленно...

– Добрый день, херр Хайбс!

Как всегда, чрезмерно вежливый: как дела, как здоровье, как в квартире... Давай уже, рассказывай, с чем звонишь?

На том конце вежливая пауза:

– Фрау Шольманн, я несколько обеспокоен. Мне звонила фрау Рутберг...

О, можешь не продолжать! Началось. Старая дева, мерзотная баба! Значит, решила через тебя продавливать.

– Она всё ещё жалуется, что вы мешаєте ей спать, стуча дверями и принимая душ после полуночи. У неё появились проблемы со сном, из-за чего утром она совершенно не может подняться на работу.

У неё не со сном проблемы, а с личной жизнью! Неудивительно: с таким характером и вечно поджатými в злобной улыбке губами – кому нужна такая мегера.

– Я озвучил ей, что это, видимо, недоразумение, ведь мы с вами обсуждали эту ммм... проблему в прошлом и в позапрошлом месяце и, как мне казалось, смогли договориться о соблюдении тишины. Я абсолютно уверен, что вы не хотели причинять неудобство фрау Рутберг.

Неудобства? Да я б её прибила, была б моя воля, отравила бы поганую тётку, вечно лезущую со своими «правилами нашего дома»!

– Но я вынужден вас настоятельно просить о соблюдении тишины после девяти часов вечера.

Да, пусть ещё скажет, в какое время мне спать ложиться, и сколько раз за ночь можно сходить в туалет! Она, видите ли, слышит, как работает наш водопровод! Ей бы в разведчицы пойти! Небось, понимала б английский – и наши разговоры бы её возмущали!

– В противном случае, фрау Рутберг готова обращаться в совет дома...

О, ещё один волшебный бюрократический орган. И оттуда уже на мозг капали.

– Мне бы не хотелось, чтобы зашло так далеко, вы понимаете меня?

– Да, конечно, херр Хайбс, я Вас поняла. У мужа была рабочая командировка, и я поздно встречала его в аэропорту. Мы всегда стараемся входить тихо. К сожалению, слышимость в доме очень хорошая.

– Да-да, Вы говорили. Странно, раньше жильцы не жаловались... Понимаете ли, мы здесь привыкли очень рано ложиться и рано вставать.

Опять это намек – «мы здесь», а я, конечно, «не здесь»...

– Вы очень приятная пара... И мне бы не хотелось, чтобы совет дома вынудил меня расторгнуть с Вами контракт.

Что?! Из-за этой старой мегеры расторгнуть контракт?

– Ведь соблюдение правил тишины является обязательным пунктом договора...

– Конечно, херр Хайбс, я поняла Вас. Мне очень жаль, что мы доставили неудобства фрау Рутберг. Йозеф поговорит с ней, и мы обязательно придём к согласию.

– О да, это было бы замечательно. Хорошего дня, фрау Шольман!

Да, чувствую, просто шикарный у меня день будет...

– Спасибо, херр Хайбс! И Вам приятного дня!

Даша, хоть и по-русски, но все же шёпотом выругалась в экран телефона, представляя физиономии противной соседки. Даше, похоже, единственной, было понятно, что причина не в шуме: до её переезда соседка очень тепло, даже, пожалуй, слишком тепло, относилась к Йозефу, несмотря на его регулярные попойки с друзьями. Набилась ему в «мамочки», старая дева. А тут приехала даже не девушка – жена, да ещё и русская! Хоть и фонтанируют нынче европейцы толерантностью, но фрау Рутберг не успела замаскировать свое возмущение и даже, пожалуй, брезгливость за поджатой улыбкой. Правда иногда... иногда Даше начинало казаться, что она сама так и не смогла ощутить себя здесь своей. Как будто это ей не хватало пресловутой толерантности ко всему, что окружало...

Днём мысли о чужом и чуждом она разгоняла имитацией активной деятельности. Особенно в начале своей жизни в Бадене: то передвинет мебель, то купит новую скатерть, то развесит журавликов из бумаги. На Новый год нарисовала ёлку прямо на стене. (Йозеф улыбнулся, конечно, но всё же уточнил, смывается ли краска, а то ж контракт аренды...) Иногда ходила на целый день в термы, особенно первые недели – какое блаженство за такие копейки недельный абонемент, как один московский поход в кино! Каскады бассейнов с каналом на улицу. Вот она – Европа! Вечерние огни, сверху осенний туман, над водой стелется пар. А ты лежишь в теплом джакузи, медитируя под шуршание фонтанов.

Часто выбиралась в Вену, благо трамвай (так похожий на наш, московский, жаль только, совсем не гремющий) соединял их малюсенький городок со столицей всего за сорок минут. Шумная центральная улица, толпы туристов, сверкающие витрины сувенирных лавок, каток на главной площади... Постепенно и это начало приедаться. Тогда она стала ездить на окраину Вены в огромные торговые центры, пустовавшие днём. Ходила и представляла, какую бы музыку она запускала в каждом магазинчике, будь она директором. Вот домашний текстиль, вам подойдет Шостакович, надо поднимать эмоциональный настрой пенсионерок. А вот книжный, здесь что-то современное, но совсем приглушённое, почти невнятное, можно из её юности, Моби. Книголюбам нужно аудиопространство для своих мыслей, не давите на творческих людей...

Глупо, конечно, по московским меркам это попросту сливание времени, а что прикажете делать, пока паспорт не дали, официально работать она не может. А неофициально попробовала было, на объявление в интернете тут же откликнулись русские мамочки, желающие нанять выпускницу консерватории своим чадам в «училки». Она с такой радостью показала их письма Йозефу, но он очень твёрдо попросил не рисковать: «Что скажут люди, если узнают? Фрау Шольманн работает по-чёрному!» И всё равно ему, что вся русская диаспора только на том и держится здесь, что нанимает друг друга по-чёрному. Откуда ему знать про русскую диаспору! И вообще – она собиралась интегрироваться, а не держаться привычек низкоквалифицированных иммигрантов. Вот и пришлось затыкать растущую дыру хоть чем-то.

Ночью, когда Йозеф тихо спал рядом, а она всё ворочалась, особенно остро накатывало это детское ощущение потерянности, как будто тебя привели в новый класс, новую школу, и все такие злобные, или в лучшем случае тебя просто игнорируют... И придётся самой разбираться в их правилах и обычаях, в их дружеских коалициях, в учителях. И как же не хочется, как боязно это, а подержаться, спрятаться не за кого. Мама работает сутками, а дедуля привёл и ушёл домой, заберёт только после обеда... А теперь и после обеда никто не заберёт. Она здесь насовсем. Одна.

На табло регистратуры загорелся Дашин номер. Надо идти. Она рассеянно прижала к груди папку с документами и поплелась к своему окошку. Ничего приятного сегодня, похоже, не предвидится.

Даша не шла, а как будто летела из здания префектуры, боясь признаться себе в радости. Ей казалось, она ехала не прощаться, а просто увидеться с дедулей, домой ехала. Не была там уже полгода, а теперь вот повод... горький. Но домой!

Йозеф воспринял её радость сдержанно. Удивился, зачем лететь на неделю, если только попроситься: «Не будешь же ты там сидеть и ждать, когда он умрёт, это как-то нехорошо». И непонятно было это его «нехорошо» – про что именно оно. Эх, не важно. Она получила нужную печать. Уже стоя на ступенях, полчаса потратила, чтобы купить через сайт билеты, хотя удобнее было бы за компьютером, чем ковыряться с телефоном, тем более что домой идти пятнадцать минут, не больше.

Но всё хотелось сделать скорее, как будто кто-то мог ещё помешать. Она по инерции зашла в аптеку, шагнула к знакомой полке, потянулась было... Внутри гулко отозвалось: «Теперь уже не надо...»

Каждую свою поездку она привозила деду новейшие ноотропы, чтобы хоть как-то поддерживать кровоснабжение мозга. Каких трудов стоило выбить разрешение на покупку (здесь без рецепта сможешь добыть разве что леденцы от кашля да аспирин). Сначала рецепты из Москвы, потом нотариальные переводы, подтверждения в австрийской клинике, выписки, страховки, вся эта бесконечная бумажная волокита... Но оно того стоило! Дед после каждого курса преображался, молодел лет на десять, с удовольствием читал, делился своими наблюдениями, меньше повторял древние истории, снова подсмеивался над собой.

Знакомый фармацевт поприветствовал Дашу. Она машинально кивнула в ответ, зачем-то невнятно пробурчала, что забыла рецепт, и торопливо вышла.

* * *

Дед лежал на любимом своём давно продавленном диване. Не дал выбросить его ещё лет восемь назад: «Всё равно скоро помирать, уж не заставляйте старика привыкать заново». В комнате пахло ускользящей жизнью. Так пахнет утром в сентябре уходящим летом. Или ещё ярче в марте: до весны с её поющими птицами, капелями и гормонами ещё недели две, а зима печально уходит, и мир будто брошен, остаётся между двумя временами года. И люди потерянные, озадаченно высматривают в окна вестники нового сезона. И вроде надоел старый, но и подвисать вот так «где-то между» не хочется. И все какие-то недоспавшие, неуверенные, ждут сигнала свыше, когда природа снова о них вспомнит.

Дедуля... Кто же теперь придёт на смену. Кто будет... даже не то, что рядом, нет. Давно уже не плакала тебе в жилетку, давно не набирала твой номер дрожащими от обиды пальцами, не слышала с первых всхлипов: «Дудочка моя, кто обидел?». Давно уже веду с тобой диалог в душе, а не по телефону. Тот, мудрый, рассудительный, последние годы всё таял потихоньку, растворялся, но в душе у меня оставался дедулей, который и во дворе защитит, и про папу вздохнет вместе, и слова найдёт нужные. Достаточно было просто знать, что ты есть, существуешь, а общаться можно и в мыслях. Но при этом ты всё равно был, жил, пусть и всё меньше осознавая реальность. А теперь... теперь ты уходишь и физически. И уже себя не обманешь, тебя совсем не станет...

– Дедуль, привет! – Даша не знала, что говорить дальше. Просто присела рядом и погладила деда по холодной, сморщившейся руке. Что не скажешь – всё слишком глупо в такой момент.

– А... ну та..., – прошелестел дед и как будто улыбнулся, – ну та...

– Дедуля, узнаёшь?

Даше стало тепло; дед, давно уже впавший в забытьё, смотрел на неё и как будто вспоминал. Сейчас ей хотелось, чтобы он сказал как можно больше, чтобы слова эти унести, увезти с собой, уложить в душе, перебирать с трепетом, возвращаться к ним с нежностью, когда тяжело. Хотя бы от деда получить этот «клад», ведь с папой попрощаться не удалось.

Папа умер в доме чужой женщины, и другая маленькая девочка держала его за руку и слушала его последние слова. Даша всё это узнала лишь годы спустя. Так и не простила – сама не знала, кого больше: папу, который бросил дважды, сначала уйдя из семьи, а потом уйдя из жизни. Или маму, которая знала, где умирал отец, ездила к нему, а дочерей не взяла, не дала попрощаться, думала, скроет от них другую его жизнь.

Может, и права была мама. Ни Даша, ни Наташа не испытали бы в тот момент радости от того, что у отца была ещё одна дочь, о которой он молчал. Впрочем, после смерти отца об этом также не говорили. Правда выяснилась, но обсуждать её или делать с ней что-то не хотелось. Слишком тяжело было в тот момент само осознание папиной смерти, чтобы ещё переварить ревность и боль от предательства.

Даже родители отца тактично молчали, продолжая тепло общаться с внучками от законной жены, помогать и советом, и деньгами. Дед был готов выслушать, обнять, успокоить. Когда показывал свои ордена, всегда прибавлял: «Гордость, она ни к чему. Я их заслужил, я и распорядиться ими могу. Заберёте себе после моей смерти. Поровну разделите. Если так у вас в жизни сложится, что нужны будут деньги – вспомните о деде, продадите. Это и будет моя вам помощь оттуда. Это не стыдно, это моё вам завещание, чтобы знали, чувствовали защиту деда».

Даша никогда не задумывалась, бывала ли и третья внучка в их доме, показывал ли дед ей свои награды. Той как будто не существовало в мире Даши. Она жёстко пресекала попытки матери пожаловаться на несправедливость мира, на мужиков этих неверных. Особенно маму «накрывало» при обсуждении жилья. Нет-нет да и ввернёт, что, мол, как хорошо, что квартира была только на неё записана, а то пришлось бы не двум дочерям её делить, а «сама знаешь с кем судиться».

– А... ну та.

– Да, дедуль? Воды дать? – Даша погладила влажный лоб. Дед был такой маленький, едва ощутимый. Она поднесла стакан с трубочкой, аккуратно придерживая голову деда. Чтобы отогнать щемящее чувство потери, начала сбивчиво и быстро рассказывать какие-то эпизоды детства. Всё путалось, мешалось. Но ей хотелось говорить, говорить, не смолкая, только не было бы этой тишины и натянутых попыток деда что-то произнести.

– Анюта, – дед произнёс это настолько чётко, что Даша на мгновение растерялась, не поверив.

– Деда, это я – Даша! Даша, дедуль! Это я, твоя внучка, дудочка.

Дед чуть заметно улыбнулся.

– Дашенька хорошая, – едва слышно зашептал он. – Ты с ней подружилась? Анюта, папа хотел, чтобы ты с Дашенькой... подружилась.

Даша замерла, оглушенная. *Не узнал?! Не...*

Она улыбнулась дрожащими губами.

– Я люблю тебя, дедуля. Очень люблю.

Крепко сжала ледяную руку, поднялась и, отсчитывая глубокие вдохи, вышла из комнаты.

– Сейчас Наташа едет. Как он там? – бабушка, совсем измаявшаяся за последний год с лежачим дедом, суетливо бросалась от одного дела к другому. То посуду начнёт перетирать, то бельё стирать. Она говорила с Дашей, вглядываясь в щёлку прикрытой двери. – Врач с утра сказал, что до вечера вряд ли дотянет. Говорит ещё иль задремал? И сидеть-то тяжело рядом, да попрощаться боюсь не успеть.

– Да, бабуль. Пока говорит. Ты иди к нему.

Даша подошла к окну. Во дворе малыш бросал птицам кусочки хлеба, и как только они начинали есть, тут же с радостными криками пытался поймать единственного белого голубя. Голубь в страхе убегал, потом снова возвращался, пытаясь ухватить остатки крошек. А малыш всё гонял его по площадке. Наконец, встревоженная птица полетела вверх, чтобы усесться передохнуть на окне в доме напротив. Даша смотрела, как голубь, хлопая крыльями, быстро постукивал скользящими лапками, пробуя ухватиться за откос. Безуспешно. Коготкам не удавалось удержаться на металлической плоскости. Он порхнул вниз, но, едва заметив бегущего ребёнка, снова замахал крыльями, и улетел уже совсем, так и не приткнувшись нигде...

Даша достала телефон. Нашла на сайте номер.

– Алло? Здравствуйте, подскажите, пожалуйста, можно поменять билет с четверга на сегодня, рейс Москва–Вена? Сколько доплатить?

Папа

– Так, смотри, доча. Это называется противопехотная мина! Щас мы её будем о-без-вре-живать, – отец кричит и что-то отворачивает. Ей не видно. – Главное, тут быть предельно аккуратным, а то все нахрен поляжем! – он пьяно смеётся.

Ксюша смотрит в экран. Она не помнит, когда видела его трезвым. Когда она его вообще последний раз видела... Варя всегда зовёт её, когда он звонит. Варя хочет быть хорошей дочерью. Может, ждёт, что папа вернётся. Ксюша уже не ждёт.

Отец поворачивает камеру, у него в руках какая-то коробочка, как из-под печенья, только грязно-зелёного цвета. Ксюша не знает, как выглядит мина. Она не верит отцу. Он хочет покрасоваться, произвести впечатление на дочь. Когда-то такие попытки вызывали у неё раздражение и жалость. Теперь – только раздражение.

* * *

Дома невыносимо. Бабушкина «однушка». Диван один на троих. Спят двойным валетом: в середине мама, по бокам Ксюша с Варькой. На отдельные кровати места нет. Мама говорит, почитай Солженицына, поймёшь, что люди в бараках и не так спали. Ксюша не знает, кто это. Она не хочет знать про бараки.

Бабка постоянно шмонает её полку, ничего не спрячешь, не укроешь. Мама говорит, почитай Ремарка, поймёшь, что беженцы и не так жили... Ксюша не знает, кто такой Ремарк. Она не хочет знать про беженцев. У неё есть дом. Он целый, он стоит там, где даже не стреляют. Она не просила забирать её сюда.

Мама говорит, почитай Шаламова... почитай Газданова... почитай-почитай-почитай, поймешь-поймешь-поймешь.

Мама, ты слишком много читаешь, ты не живешь как будто. Почитай меня, мама. Поймешь, как тошно.

Мама с переездом стала разговаривать тихо и ходит она, будто пригибаясь всё время. Вместо школьных сочинений у неё школьные туалеты, коридоры, швабры, тряпки. Учителем никто не взял. Похоже, это её сломило, Ксюша не знает. Ей не хочется видеть такую маму. Маме и самой себя, наверное, видеть не хочется.

Папины родители тоже переехали сюда. Ютятся на окраине у родственников. Папа перевёз их после того, как ночью к ним приходили... Дед иногда звонит маме или Ксюше: «Смотрели новости? Вон как мы их покрошили, скоро совсем разбегутся! Твари, в школу попали, там дети невинные, а этим плевать». Ксюша сочувственно мычит. Если бы она была там, ей бы тоже, наверное, сочувствовали. А она здесь. В «лучшей жизни». Здесьним не сочувствуют. У них же всё должно быть хорошо.

– Страшно было? – спрашивали её одноклассники

Страшно? Если они про войну, то Ксюша не помнит: они уехали загодя, с первыми выстрелами. Страшно было ещё за пару лет до того, как весь мир обернулся на их уголок земли. Это она помнит.

Крик. Топот в коридоре, звякнула щеколда. Ксюша высовывается из комнаты. Отец дубасит в дверь ванной, орёт. Мама там, внутри. Варька выбегает заспанная, она всегда спит крепче Ксюши, бежит к отцу, плачет, тянет его. Он продолжает дёргать дверь, та будто вот-вот оторвется, как в мультиках, и отпружинит вместе с отцом аж до самой комнаты. Варя обвивает отца руками, рыдает. Уходят на кухню. Он дёргает ящики, звенят столовые приборы, что-то ищет. Потом снова кричит в сторону ванной. Уходит, хлопая дверью.

Ксюша с Варькой прилепились носами к окну. Темно, высматривают отчаянно. От дыхания окна запотевают, приходится тереть. Вон, вон внизу отделилась тень от подъезда! Идёт. Зло идёт, не оборачиваясь. Через дорогу гаражи. Ксюша слышит, как Варька начинает шептать: молится, чтобы машина не завелась. Ксюша слезает с подоконника и оглядывает кухню. На стене вмятина: дверца шкафчика ударяется, её ручка оставляет след – раз за разом, ссора за ссорой. На этот раз посуда на месте, отец только солонку смахнул и корзину с яблоками. Вместе с клеёнчатой скатертью свалил. Ксюша поднимает клеёнку, на ней виноградные листья и коричневая кладка кирпичной стены. У них такие же обои в коридоре. У половины её подружек такие обои, тоже как будто клеёнчатые. Маме легко их мыть, если отец чем-то швырнет. Мама оттирает их и приговаривает: «Хоть обои менять не нужно».

Ксюша заглядывает под раковину: бутылок нет. Смотрит вокруг. Под столом одна валяется, прозрачная. Прозрачные самые плохие. После них всегда жди ссоры. Ещё бывают коричневые и зелёные. Их обычно больше, но после них отец весёлый, и мама тоже.

Ксюша идет к ванной, стучит тихонько: «Выходи, он ушёл». Мама включает воду, какое-то время ещё сидит. Потом выходит. Запирает входную дверь на ключ и цепочку: «Идите спать». Варька берёт Ксюшу за руку и тянет в комнату. Они ложатся, но Ксюша ещё долго слышит, как мама всхлипывает на кухне.

Наутро Ксюша идёт в школу с красными опухшими глазами. Говорить о ссорах родителей нельзя, так Варька велела. Варька взрослая, она лучше знает, у неё даже сигареты в рюкзаке есть, ей подружка отдала на хранение. На вопросы учителей Ксюша врёт: прищемила палец с утра или кошка убежала, не нашли.

Отец не всегда был таким. Ксюша помнит: он работает водителем в каком-то управлении. На праздники ему всегда выдают для детей подарки. Вечерами он укладывает Ксюшу с Варькой спать. Папа рассказывает про деда, про его ранения в Афгане. Сам папа мальчишкой гордился своим отцом, таскал в школу его медали. Ксюша не рассказывает про своего папу в школе. У него тоже есть медали из другого места с коротким, резким названием. Чечня. Ему до сих пор платят деньги за то, что он там воевал. Гордо говорит «пенсия», но ведь он совсем не старый: Ксюша не хочет, чтобы в школе думали, что её папа уже пенсионер, как дедушка.

Потом – скандал. Она помнит урывками. Отец подрался, сломал кому-то челюсть. С работы выгнали. На новую не берут. В городе всё про всех знают. Он перестал провожать их в школу, лежал допоздна. Да и после школы они теперь редко общались.

* * *

Толстая тётка-соцработник проводила её в комнату. «Вот, располагайся, это твоя кровать».

Первый раз в приюте. Мать решила её проучить: раньше грозила, а на этот раз исполнила – сказала в «ментовке», что забирать не будет, они и переслали Ксюху через опеку в приют на перевоспитание. Мать, конечно, долго терпела, её понять можно, приводов в детскую комнату уже никто не считал, опека вызванивала каждый месяц, мозг прокапывали, что «надо последствия дать». Но всё же Ксюха до последнего надеясь, прокатит. Обидно, что в этот раз её забрали просто по дурости. Она даже не пила, просто подошла к парням сигаретку стрелкнуть, заболталась, а тут эти нарисовались, с мигалками. И главное – весна на подходе, можно по свободным дачам мотаться, а её вот закрыть хотят...

Ничего, с матерью разберёмся потом. Пока тут осмотреться. В принципе с виду нормальное место. Типа летнего лагеря. У неё даже отдельная кровать. Ого, да тут на три койки в палате отдельный душ и туалет. И тумбочка у каждой своя. По ходу, лучше, чем у бабки.

В комнату влетела толстая девица с рыжими длинными волосами. Лицо круглое, нос картошкой, вся в веснушках. Ксюхе сразу вспомнился мультик «Летучий корабль». Такую девицу наряди в сарафан, и прям боярыня, или кто там была эта поднывала «по-любви-хочу».

– Привет, ты чё, новенькая? Как звать?

– Ксюха...

– Ты к нам откуда? Из дурки?

– Не...

– Жаль, а то думала, вдруг ты кого из наших видела, – рыжая окинула взглядом Ксюху, её кровать, заглянула ей за спину. – А вещи твои где?

– Нету, меня из ментовки сразу сюда.

– Чё, и телефона нет? – рыжая недоверчиво прищурилась.

– Не, потеряла на днях.

– Ой, тринди больше! Загнала небось. Без телефона здесь никуда! Но я тебе подскажу, как добыть! – рыжая хитро улыбалась. Её огромные навывкате глаза превратились в две щелочки. – Я тут всё знаю. Это тебе не дурка, это приют. Здесь всё можно, только уметь надо. На, глянь! – рыжая не без усилий выудила из кармана обтягивающих джинсов айфон. Ксюха не знала, какой он модели, она таких и в руках не держала. Но точно знала – айфон.

– Крутяк? А, забыла сказать, я – Ирка! – Ирка протянула телефон Ксюхе, сияя от гордости. – Кучу бабла стоит!

– Да я представляю. Богатая ты...

– Не, я просто красивая. Мне Арик подарил. – Рыжая стянула резинку и начала наскоро заплетать волосы в косу. Косища выходила огромная.

Ксюха, пожалуй, в тот момент завидовала больше Иркиным волосам, чем айфону. У самой на голове росла сухая пакля, сто раз перекрашенная, оттого торчащая в разные стороны. Про «красивая» Ирка, конечно, загнула – за жиром не поймешь, а вот волосы... Волосы и здоровенные сиськи... – Ксюха вздохнула. Ни того, ни другого у неё не имелось.

– Так что держись меня, я тебя с нужными ребятами познакомлю, тебе тоже чё-нить перепадет.

– Это здесь, в приюте?

– Ага! Щаз. В приюте одни мелкие. Нашего возраста. Откуда у них айфон. Это там, снаружи! –

Ксюха подмигнула. – Арик – мой парень. Он строитель, в общежитии живет. А айфон где-то отжал и мне подарил! – Ирка выхватила мобильник и начала в него тыкать. – На, глянь, это Арик.

– Так он взрослый... – на заставке какой-то усатый мужик по-хозяйски притягивал Ирку за шею.

– Канеш, взрослый! Шутит иногда, мол, впаяют ему за меня – «сворачивание малолетки»! – Ирка громко, по-лошадиному, рассмеялась. – Зато мужик нормальный, а не эти, хлюпики местные. Сейчас в приюте из парней только Димка да Леха нормальные. Но Димка – мой, токо подойди, я те так вставлю! – Ирка сложила свои пухлые пальцы в кулак, по её лицу было непонятно, шутит она или, правда, двинет для убедительности. Кулак выглядел основательным, костяшки в мелких шрамиках, видать боевая.

– Да у меня есть там парень, снаружи, – Ксюха прикинула, как бы Мишка отреагировал на статус её парня... – А у тебя ж вроде Арик?

Рыжая опять растянула улыбку:

– Ну, Арик – это снаружи, а здесь Димон. Тупо так называть, скажи? А этот придурок говорит, зовите меня «Димон». Я ж сказала, в приюте все парни того, долбанутые. – Ирка картинно постучала себе по голове. – Ну, пошли, короче. Чё стоишь?

* * *

– Сейчас Клоун съест Бога...

– Что?

– Да вон, смотри. За пальцем моим следи. Видишь вот эту тучу? – Пальцы у Мишки длинные и обветренные. – Вот это нос, ниже улыбка такая кривая, как в ужастиках, а вон – как колпак, видишь?

– Вроде того. А чё глаз нет?

– Злу не нужны глаза, оно и так всех нас найдет..., – Мишка сказал это с интонацией старой гнусавой озвучки фильмов.

– А где Бог?

– Вон справа медленно подплывает. Видишь: длинные волосы, и рука одна вперед тянется: «Покайся, грешник!»...

Они лежали на остывающей сентябрьской земле, иссыхающие травинки кололи через подстеленную толстовку. Толстовка Варькина. Опять будет пилить, если увидит испачканную. Проще выкинуть, сказать, что на вписке увели. Вот так лежать с Мишкой приятно. Только холодно уже. Мать говорит, придатки застудишь, потом детей не родишь. Ну и норм, нафиг ещё дети. Растить кого-то, чтобы он так же мучился?

– Барабанная дробь... Нет, надо музыку как во «Властелине Колец», жутковатую такую, когда орки торжествуют! Уррррк-мэг-тэrrrrрэ-пыд-тэ! Сожрал.

– Ну, вообще-то непонятно, кто кого. Они просто слились.

– Конечно, понятно. Как в жизни: зло всегда побеждает.

Ксюша выжидала. Ей нравилось, когда Мишка «философствовал». Он и так старше её на два года, а в такие моменты прям взрослый. Худющий, правда, и прыщи эти... Зато высокий и умный. Хоть поговорить можно.

– ...Богу не победить зло: мы же его дети, но распустились очень. У твоей мамки вас двое, и то на тебе уже выдохлась. А Бог наплодил нас шесть миллиардов, как тут уследить? Наши развлечения Ему не по душе, но что Он может сделать. Жить нам скучно. Ищем удовольствий. Кто помладше – наркотики или там зацепинг, драки. Мужикам вроде как уже не подходит, им пожестче надо, чтобы адреналин получить. Они и придумали войны. Давно придумали. И ведь сколько веков работает, отвлекает от скуки. Помнишь у БИ-2? «Революция – она похожа на женщину, которая даст тебе самое большое счастье на свете, но наутро убьёт тебя. Именно поэтому не будет в мире больше революций, потому что не осталось у этой женщины женихов».

– Так это про революцию.

– Да война по сути то же самое, только с продолжением. Война соблазняет мужчин, забирает себе, и они идут за ней, не видя других женщин.

...Ксюха смотрела на пухлые Мишкины губы, что-то еле слышно напевающие. В профиль он больше тянул на свой возраст. Она всё не решалась спросить: они вроде как встречаются или так,

друзья? Боялась, рассмеётся или вообще подумает, что она того. Они часто бывали вместе. Можно было в любой момент набрать Мишке и пойти шататься куда-то вместе, это грело. А вот определенности всё же не хватало. Вообще за последний год ей всё больше хотелось внятности, чего-то спокойного, своего, но образ девочки-дурашки, что-то всё время невпопад говорящей, был настолько привычен и забавен для знакомых, что менять его было страшновато, да и на что менять – неясно.

– У меня последняя сига осталась. Надо пойти стрельнуть.

Мишка посмотрел на неё и разочарованно отвернулся к небу. Не любил, когда его мысли прерывают. Ксюше нравилось его поддразнивать: слегка, чтобы не думал, что она тупая.

– Бабка говорит: «Бог – это совесть». Типа, всем нам в аду гореть. А когда я в наркологичке лежала, там эти сектанты анонимные говорили, типа Бог – это любовь. Мол, не страшно, что бы вы ни натворили, главное завязывайте, и Бог все простит, потому что любит.

– Конечно, любит. Вот Клоун его и сожрал. Бог любит и прощает, и Его снова и снова уничтожают.

– Он же бессмертный?

– А толку-то что? Бессмертный – не критерий. Камни какие-нибудь в горах тоже бессмертны, тысячи лет там лежат и ещё столько же будут. Но это не значит, что от них что-то хорошее в мире происходит, и надо начать в них верить... Хотя, кстати, было бы неплохо. А что, давай создадим свою веру в вечные камни или океан? Секту слепим, деньги собирать будем.

– Да, денег бы хорошо. Тогда б все отцепились.

– Вот видишь, я ж говорю, зло побеждает: и в тебе меркантильность берёт верх!

– Деньги не пахнут.

– Эх, бабка твоя права, в адище нас всех, бесстыжих. Хотя ей-то тоже туда билетик выпишут, мощная она у вас ведьма!

– Не говори.

– Ладно, пойдем, а то холодно. У меня полтинник есть, настреляешь чуть, ещё одну банку купим.

– Опять я?

– Мать, ну ты сама посуди, кто быстрее настреляет. Вот ты кому б дала: тебе или мне?

– Я б тебе дала, конечно!

– Я учту, – расплылся в улыбке.

* * *

А меня пули не берут. Сколько раз прямо так бежал, без «бронника». Не поверишь, первое время думал, пусть хоть подстрелят, всё равно жить тошно. Может хоть поймет, дура, что я не за себя, я ж за них! Извела. Каждый день: деньги да деньги. Потом – алкаш да алкаш. Я мужик, мне выпить нельзя? На её, что ли, деньги пил? Я военный, мне дело нужно, а не по базарам ходить да домашку у младшей проверять. Она сама училка, вот и занималась бы девчонками.

А я мужик. Воин. Мыдохнем от скуки. Виноваты что ли, что так устроены? Онидохнут без своих журналов да сплетен, а мы без войны мрём. Но ничего, жизнь, она всё на свои места вернула, напонила, где я и правда нужен.

Первое время ждал, что одумается, хоть извинится. Уехали к теще, чем не жизнь, в квартире с удобствами, школа рядом, её мать, если что, на подмоге! Денег на дорогу дал, проводил. А она каждый звонок как заведённая: деньги пришли, деньги. Я тут, бл., под пулями хожу, а ей только деньги! Что там у них, работы нет, что ли? Сидит, ж...пу свою поднять не может! Девки взрослые: Варька в институте, Ксюха школу дотягивает. Времени у женыдохрена, пойдида заработай! Так задолбала, сил нет! Прислал ей бумаги на развод. Пусть думает. А ей хоть бы что; сказала, подпишет! Тварь. А я тоже человек. Я два года ждал! Пока она перед фактом не поставила, что к мужикупереезжает. Невозможно, видите ли, с матерью «однушку» делить! Конечно, две змеи в одном гнезде.

К мужику, так к мужику. Я даже, знаешь, в тот момент не разозлился. Отпустило как будто. Два года её не видел, уже ничего к ней и нет. Ну и мне чего одному скитаться. Совесть чистая. Тут долго искать не нужно. Нормальные бабы, они видят, кто стоящий. А здесь одинокой бабе тяжело.

Бывшая пусть теперь рыдает. К матери-то через год снова вернулась. Да только я больше не позво. У меня теперь Маруся. Молодая.

Бесит, что младшую настраивает против меня. Что ни звонок, так мычит просто. Ни тебе «папа», я уж молчу про что ласковое. Видать, мозг ей пропесочивают, что мать, что бабка. Ничего, подрастёшь, Ксюха, сама поймёшь, что отец таких вот, как ты, здесь спасает, чтобы жизнь у них нормальная была, чтобы, как ты там, могли они здесь засыпать со своим плеером, а не под артобстрелы.

* * *

– Ну чего, док? – Яныч шагнул навстречу. В пустом коридоре отданной под МПП* сельской школы его тяжелый шаг отдавался эхом. Предутреннее затишье, все отсыпаются.

<* МПП – медицинский пункт полка>

– Чего тут топчешься попусту? Хоть бы выпить принёс.

– Чего, значит, живой паренёк-то? Живой? Я ж тебя расцелую!

– Да иди ты со своими поцелуями, я тебе не баба. Сгонял бы, пузырь притащил, почти сутки на ногах.

– Да это я мигом, сейчас ребят кликну!

Окунь глянул вслед подпрыгивающей походке Яныча. Радует. Пусть радуется. Ребёнка из-под обстрела вынес. О том, что мальчику, скорее всего, придётся отрезать ногу, он скажет Янычу завтра. А может, вообще не скажет. Главное, живой. Перевозка едет, через час-другой пацана переправят в город в нормальную больницу, там разберутся. Отрежут, конечно, тут выбора нет. Но Яныч туда не доскачет. Не до того сейчас, он здесь нужен. Таких вот мальчишек и девчонок сколько ему ещё повидавать. Скольких притащат Окуню. А скольких не успеют... А всё из-за глупости. Людской глупости.

Окунь не любил рассуждать о глобальных вопросах, не любил делить на добро и зло. Но его, прости Господи, бесили родители, оставившие детей под огнём.

Ему Бог дал руки. Хорошие руки, не подводят. Дал мозг. Ему дали образование, знания, чтобы спасти жизни. Какая дурость самим делать так, чтобы дети попадали к нему на стол. Не уехать всё равно, что ждать смерти. Ладно – мужики: они пришли сюда воевать. Это их выбор, их работа, если угодно. Войны были всегда. Работа военных – воевать. Но дети?! Окружения нет, почему ж вы их держите тут? В блокаду детей переправляли в тыл, зная, что, может, потом не найдут никогда, сколько их растерялось по стране. А теперь – в чём проблема? Да здесь даже на передовой каждый второй солдат выкладывает в сети свои фото, у всех телефоны, скайп, позвонить родным хоть во Владивосток можно. Отправь ты подальше детей – каждый шаг отследить сумеешь, тебе ж самому дышать спокойнее будет. Нет же, сидят, а потом хоронят, рыдают.

Окунь сломал шариковую ручку. Способ проверенный. Раньше мог пнуть что-то или швырнуть в стену, но сразу кто-нибудь заметит, уставится, обернётся или, наоборот, отойдет в сторону. Здесь нервным не место. Война.

Только поговорить не с кем. За его мысли любой пьяный майор ему впечатает. По-своему будет прав: у него своя солдатская правда, он за неё воюет. Он получает за это медали местного отлива и непризнанные там, в реальной армии должности. Потому и сидят здесь такие майоры и подполковники... Не первый год уже. Не вернуться им назад. Здесь они мужики. Герои. А кого из них сейчас в Москву перекинь, да заставь крутиться, чтобы и жильё снять, и семью накормить. Да ладно семью – себя да кошку. И нет их силы, исчезнет вся. И уважения там не сыщешь, хоть обвешайся медалями. Там другая разменная монета. Другие герои. Эта война ценится только теми, кто в ней.

Окунь не такой. Мужики дразнят его терминатором. В шутку. Знают, что на нём весь госпиталь держится. Хотя тот же Яныч догадывается, что он не их породы. Догадывается по тому, как Окунь тихо выпьет своё, пока остальные обмывают шумно новый успех, как отмолчится во время тостов. Он профессионал *своего* дела. Он ехал сюда, чтобы отточить мастерство. Московский хирург. Там, дома, конкуренция лютая. Либо в частной шарашке сиди, зевай, либо в больнице аппендициты режь. А в каком-нибудь Склифе или Боткинской таких, как он, одарённых, толпы. Не прорваться. Зачем себе врать – пробиться там не смог. А тут, думал, раз война, то в местных больницах точно пригодится, ценным будет, «столичный врач», дослужится если не до главного, то хотя бы до заведования. А через несколько лет обратно с записью в трудовой. Хм, смешно. Просчитался, персонала в избытке: все региональные врачи, кто не уехал, от огня перебрались поближе к крупным центрам. Что ж, логично.

Осталась только военка. Ничего, он не из трусливых. Ему надо двигаться вперёд, а не ждать,

пока там дома хирурги-пенсионеры уступят, наконец, место. А здесь он не просто врач на все руки, он параллельно управляет бесконечным организационным процессом. Он и голова, и шея, и весь организм этого госпиталя. Да и травмы такие, что в Москве раз в пять лет увидишь. Опыт, конечно, бесценный. И сам ощущаешь, как мастерство с каждым днём оттачиваешь. Только бы вот не на детях, не на детях же...

Окунь выдохнул, порылся в кармане. Вторую ручку он сломал ещё после полудня: палили бесперебойно, солдат привозили пачками, в основном, осколочные. Одного не доглядел. Просто не успел. Внутреннее кровотечение.

* * *

Ксюха идёт по подземному переходу. Голоса. Поют. Мелодия знакомая. В детстве из их гаража всегда на полную громкость звучало «Любэ». Она точно знает, чей это голос. Сначала замедляется, прислушивается, едва ступая, подходит ближе. Люди без зонтов нерешительно выглядывают навстречу. Там снаружи дождь. Август выдался мокрым и серым.

Он стоит в центре. У его ног черный кофр, в нём несколько помятых купюр. Ещё двое по бокам чуть сзади с гитарами. Они молоды, погрузневший с годами отец выглядит на их фоне нелепо. Руки его заканчиваются в районе локтей. Рукава подвёрнуты так, чтобы обтягивали то место, где прошёлся нож хирурга. Так прохожие точно поверят, что ампутированы. Все трое в камуфляже. На груди по паре медалей.

Когда отец месяц назад заявился к ним утром с поезда пьяный, поддерживаемый таким же поддатым дружкой, Ксюши дома не было. Ей потом бабка рассказывала. Мама после этого неделю ходила потерянная, но Ксюша разговоров с ней избегала. А бабка всё причитала, мол, куда же он пошёл, как ему теперь жить. Повторяла, что отец передал матери деньги. Десять тысяч. Первый раз за столько лет. Ксюху злило непонятно откуда появившееся бабкино сочувствие. Нахрена он припёрся! На жалость надавить? Повоевал, а как инвалидом стал, вспомнил, что семья есть? И гордый такой – не остался, вроде как благородный, пришёл помочь, а самому ничего от них не надо. Ксюха нарочно старалась растравить обиду.

Уставилась на отца.

Как много я говорила о тебе. Психологи, врачи, приют, наркологички, реабилитационный центр... Все наши разговоры упиралась в детство. В последнем центре я даже врала, что ты умер! Думала, так больше шансов, что не будут спрашивать. Что не придётся снова тебя обвинять, ненавидеть. Как много неотправленных писем написала я тебе... Они говорили, что так станет легче, что так выйдет вся боль...

Боль за те ночи с бутылками, за мамины слезы, за наш переезд, за невыносимую жизнь с бабушкой. За мамино нового мужика, который оказался таким же пьющим, хоть и тихим. Спасибо, нас никогда не трогал, зато наливал мне от доброты своей. А знаешь, я ведь тогда и начала всё пробовать. Сидела с ним на кухне и настойку эту мерзостную пила. И о тебе думала: вот папочка, я твоя дочь, доволен? Отомстить тебе так хотела. Ты ведь первое время всё убеждал меня: мол, ты за нас воюешь, чтобы у нас с Варькой было всё хорошо. Мне так хотелось, чтобы ты понял, что у нас всё плохо. Варька в отличницу играла. В институт перевелась, подрабатывать начала, тебе регулярно звонила. А я, знаешь, решила по-другому. Захотела до дна дойти. До-о-олго вроде спускалась. Да только потом поняла, что ты ведь раньше меня туда пошёл, и оттуда снизу не замечаешь никого, кто ещё не так глубоко спустился. Я сама постепенно перестала замечать тех, кто там, наверху. Но меня, представляешь, вдруг оттуда начали вытаскивать. Заметили и давай звать. Люди стали в жизни появляться нормальные. И снова вниз – не захотелось.

А ты – вот. Стоишь в двух шагах. Но почему-то всё это тебе говорить уже как будто незачем... И сердце сжимается от боли.

Отец как почувствовал, среди нескольких зевак выцепил её взгляд... Петя перестал. Смотрит. Ей сдавило всё так, что вдохнуть больно. Ни сказать, ни крикнуть, ни отвернуться.

Папа, не надо. Пошли домой.

Поэзия

Валентина Ерофеева–Тверская

Валентина Юрьевна Ерофеева–Тверская родилась и живёт в Омске. Образование высшее.

Поэт и критик, секретарь Правлений Союза писателей России (СПР) и Ассоциации писателей Урала, Сибири и Поволжья (АсПУр); Член Приёмной коллегии СПР; член-корреспондент «Академии Поэзии»; Член Высшего Творческого Совета России – Белоруссии; Председатель Правления Омского областного Союза ПР;

Автор девяти поэтических книг: изданных в Омске, Москве, Екатеринбурге, Орле.

Лауреат всероссийских им. А. Фета, Д. Мамина-Сибиряка, П. Ершова, А. Толстого, Уральского Федерального Округа (УрФО); ряда и региональных премий. Имеет ряд наград и медалей за вклад в литературу и культуру РФ.

Стихи, критические материалы и очерки публикуются в российских, международных журналах и альманахах, а также в хрестоматиях, антологиях, коллективных сборниках, периодике.

Соавтор ряда музыкальных дисков и проекта «Созвучье нот и слов». Стихи переводились на немецкий, болгарский, якутский, белорусский языки

Господом мне даровано...

* * *

Что мы ведаем? Что не бедные –
Духом праведным дышит Русь.
Что пророчили злые беды нам –
Лихолетья, печаль да грусть.
На семи ветрах слёзы высохнут,
Нам ли недругов потешать?!
Православные храмы высятся,
Бабам помнится, как рожать
Крепких детушек – воин к воину:
Чтоб не смолкла родная речь,
Русь родимую, волю вольную
С Божьей помощью уберечь.

ПОМНИТЕ, БЛИЖНИЕ,
ЗНАЙТЕ, ДАЛЁКИЕ

Триптих

1

Во степи, во поле, на цветочной скатерти,
Вздохом журавлиным, крылом лебединым,
Смехом да сказаньями, искать – не сыскати
Сказы-пересказицы о непобедимых.
Каждый правду льёт на свою мельницу,
А жизненная правда своя у всякого...
Да, в пылу горячечном – всё перемелется

От Порфирия-младца и до Иакова.
Воздвигнуты храмы – куполами
небеса подпирают,
Жаль, далеко не всякий, проходя, перекрестится.
Ветерки залётные в травах да узорной листве
играют,
Да по утрам летним ещё зорька
дредет-невестится.
В раннем часу поспешить в чисто поле,
к белым околкам,
Пошептаться с каждой подружкой-берёзонькой,
Вглядеться в небо, где тучки осколками,
Зарёй изнутри расцвечены розовым.
А небеса синь-лазорево стелются...
Так бы и нам – ни печали, ни горести.
Всплески души православной повывьются
Песней ромашек с польниною горечью.
Матушка Русь просветлённая, выдюжи,
Вытерпи, милая, годы нелёгкие.
Мы – православные, русские – выживем,
Помните, ближние, знайте, далёкие!

2

То ли не заметить нам пришлось,
То ли вовсе видеть не желали –
Что с родной страной произошло,
Отчего напасти и печали?

Вроде те же самые снега,
И ручьи журчащие – как прежде.
Только очень хочется снискать
В наши дни и веру, и надежду.
Многое почти разорено,
На земле крестьянину немило –
Там, где раньше сеяли зерно,
Взгляду одиноко и уныло.
Толкотня грачиная, возня
Стайная по-над колоколами –
Вряд ли ветер будет объяснять,
Что с нами ...

3

Меняет мир пришедший лжепророк
И, возвышаясь душ повиновеньем,
Азартно проповедует порок
Под благовидным смыслом просветленья.
Мир глух и нем к напутствиям Творца:
Подменны сути заповедных истин.
Но страшный смысл тернового венца
Напомнит лжепророку – он зависим...
Создатель всех прощает, но не для
познания зла, и подлости, и блуда.
Что умолчала свитая петля,
Затянутая натуго Иудой?!

ЗА ЧАЕМ

За рюмкой чая собрались поэты.
Вели весьма приватный разговор –
Кем пишутся верлибры, кем сонеты...
Подогревался вечный страстный спор
О глубине величий и познаний,
Нужна ли современная строка...
...А за столом незримо были с нами,
Кого не позабыли мы пока:
Кутилов, Ляпин, Дронников, Шипилов,
Никола Дмитриев и Юрий Кузнецов...
Так дай нам Бог,
чтоб памяти хватило
Под этим небом и земным светилом
Их каждого
не позабыть лицо!

**ИЗ ЦИКЛА
«НЕБЕСНАЯ ЗВЕНЬ»**

1

Вороны чёрно-синие –
звень в небесах.

Светы по-над Россиею –
в церквах да образах.
Вороны грациозные, –
клювы черны;
Моления душевно-слёзные –
Богу слышны.
Кто за меня помолится,
Давно ни жена, ни дочь.
Ветры скулят вдоль звонницы,
не превозмочь.
Губы мои опалённые
болью – черствы.
Ночи и дни, просмолённые,
стали пусты.
Не по-разверзлось небо
громом-грозой,
когда вопрошала, Боже,
что же Ты,
не со мной?!
Где благодати сила,
Господи, подскажи!
Нет, я не зря спросила
– стоит ли дальше жить!?
Ветры, ветра студёные
забористы да крепки.
Работы души подённые
смятенны и нележки.
Путей – на четыре стороны:
кланяюсь, да крещусь.
Неистово,
птицы-вороны,
за души врагов
молюсь!

2

Княжат в округе вороны –
чёрная сыть.
Армаду полуголодную
не укротить.
Солнышко застят светлое,
синь-небеса.
Я прилетевшие ветры
знаю по голосам.
Доля моя студёная –
вся на семи ветрах.
Что Господом мне даровано
не превратится в прах!
Многое понадумалось,
многое проросло...
Работа души отчаянной –
вовсе не ремесло.
Строфы мои, да строчечки
жаром кипят,

думы мои кручинные
ночью не спят.
Всё, что бы я ни сделала,
Зачем ускользает вон.
Эко, большая невидаль –
плачи мои, да стон?!
Стаи, как уголь чернённые,
освободите высь.
Душа моя непутёвая,
Господу пригодись!

3

Птицы мои крылатые –
Ночи и дни.
Подарки судьбы богатые –
Коряги да пни.
Ветры мои могучие –
Радость и боль.
Где, за какую кручею
Бродит любовь?
Грёзы ли, наваждения
Стынут в глазах?
Со дня своего рождения
Тоскую о небесах...

4

Бах!
... на осколки счастье...
Штор паруса летят.
Искренне, в одночасье
гневно глаза блестят.
Склеить,
собрать ли,
в мусор,
плакать иль хохотать?
Модную кашу с мясли, –
съем, и айда пахать.
Что черепки мне эти, –
лишь под ногою хруст.
В форточку – стылый ветер,
В душу – тяжёлый груз.
Кто обещал, пророчил,
Кто накликал мороз?
Знайτε, про между-прочим,
Не будет соплей и слёз.
Бах!
... и ознобом в спину,
Стиснула кулаки.
Не пропаду, не сгину,
Господи, помоги!

5

Отгуляли листопады,
Отшумело вороньё.
За чугунную оградой
Счастье мечется моё.
То ли ищет, то ли прячет,
То ли путает следы.
Убегает, не иначе,
От людей и суеты.
От зелёных глаз и чёрных,
От нелепостей и слов,
От докучливых учёных,
От всезнающих глупцов.
Ищет тихого приюта,
И ушедшего тепла.
Вдоль по улочке безлюдной
Тень сиренево легла.
В сумеречном вялом свете,
В тусклом свете фонарей
Всё никак не приметит
Дверь одну из ста дверей.
Позади все листопады,
И воронья толчея, –
Пёстро-яркие наряды
Надеваю молча я.
Словно память будоражу,
Словно силюсь не забыть,
Как волнуясь и куражась
В осень
Ветрено
любить....

6

Мне
поведали небеса,
что замки на запретах
сорваны...
По космическим
адресам
отпущу
на четыре стороны
нежность
песенную свою,
да хмельные слова
крылатые,
чтоб лететь им,
как соловью
в синь-сады
облаками латанные.
У судьбины своей
на краю
без волнений

и ложной скромности
всю Вселенную
перекрою...
За такие
отличные новости!

7

ПРЕДОСЕННИЙ БЛЮЗ

Не переждать...
Не высказать...
Хохочущая, молчать!
На прописные истины
ставит закат печать.
Листья в аллее выстлали
ребусовый расклад:
Шёпот ветров ненашенских,
шорохи невпопад.
Мимо девчонка бойкая,
цокают каблучки,
В рыжей копне красуются
солнечные очки.
Вверяясь вечерним шорохам
палой хмельной листвы
Яркая, длинноногая
летит словно птица ввысь,
Сливаясь с холодным пламенем
пышущего огня...
Мелодия предосенняя,
спетая для меня.

* * *

... Но остаться он не мог –
Был всего один денёк,
А Беда на вечный срок задержалась.

В. Высоцкий

Стынь весенних вечеров,
Темень дремлющих дворов.
Любопытная луна в душу пялится.
Раздражает скрипом слух
Клён шуршащий по стеклу,
Только клён не виноват, он так молится.

Ах, мой клён, мой старый клён,
Ты по-прежнему влюблён,
Или страсть твоя сгорела в бессоннице?
Чернью давит вороньё, –
То – страдание моё.
И терзается душа, – веткой клонится.

Дальний звон колоколов,
Нежность потаённых слов, –
Всё услышит, как взойдёт солнце алое, –
Да, ещё: кленовый скрип,
Странной птицы жалкий всхлип –
Хоть они по горемычной печалуют...

* * *

Талый свет заплутавший в затерянном месте,
Эх, пора бы, да всё отыскаться не может.
И опять по утру на заборе-насесте
Недотёпа-печаль мягко крылышки сложит.

Но душе не уйти от соблазна о лете.
Отгудит снегопад, плавно скроет, не выдаст
Затуманенных грёз о сердечном предмете,
Затаённую нежность примерив на вырост...

Вновь проявится даль – светло-мартовский выдох
Толь тоски, толь зимы, – уходящим до срока.
Бес шмыгнёт стороной, – божий ангел не выдаст,
И хорошую весть прострекочет сорока.

* * *

Не проще ль всё забыть, не проще ль затеряться
В глухом лесу из дней, где места нет двоим.
Цветные сны мои тебе, как прежде снятся,
Хотя с тобой о них теперь не говорим.

Тревожится капель о затяжном исходе
Весенней кутерьмы, не хлынувшей к утру.
Зачем, зачем, зачем так сердце колобродит,
В мятежной тишине такой напрасен труд.

Пристало ли душе с унынием тягаться, –
Свой будущий задел мы заново творим.
Скорей тебя забыть, и напрочь затеряться
В сквозном лесу из лет, где места нет двоим.

* * *

Невод майских холодов заброшен,
И дождливость, как сентиментальность...
Босоножкам снится день погожий,
Им взгрустнулось в маленькой прихожей, –
Бытовая, мелкая банальность.

Нотный стан верёвок на балконе,
Музыка дождя по сонным крышам...
Свечку затеплю в углу иконе,
Погляжу в окно, где ветер клонит
Дерева и стыло в окна дышит.

Чувства, постарайтесь лечь на полку,
Сырость разводить в душе – не дело...
От стenanий горьких много ль толку, –
Грусть и слёзы – нитка за иголкой,
Мне ж страдать порядком надоело.

Стихнет непогожая погода,
Вспенятся кусты густых сиреней.
Все невзгоды схлынут мимоходом...
Майскому кипению в угоду,
Радости парящей и весенней –
Зашифрую душу светлым кодом!

* * *

Вся округа окутана сладким похмельем,
Бродят в круг камыши по осколкам луны.
Ароматные запахи за день спели,
Светом белых черёмух колышутся сны.
Переливчато шепчутся с ветром берёзы,
Зреет нежная тайна росой вдоль полян.
... А в кустах соловей
молодой,
несерьезный
Сыплет крупные трели
по звёздным углям...

КРАЙ БЛАГОДАТИ

Триптих

«Я от снега не бегу –
Я родился на снегу,
На меня струилась с неба
Благодать большого снега».

*Семён Данилов,
Народный поэт Якутии*

1.

Саха сирэ¹ –
улыбчивый простор, –
сомнений пыль
припудрила снега.
Медвяно песню
голосит пурга...
Саха сирэ,
твой любопытный взор
глядит вокруг,
глядит в саму меня, –
где радостное мечется волнение.
Как береста,
как жаркие поленья,

душа горит
без помощи огня.
Саха сирэ,
три ночи и три дня
Ты кутала
в уютные просторы.
А твой народ, озёра, реки, горы
душой богатой
приняли меня!
Саха сирэ,
снега во всю шалят,
куются льды
от взгляда **Чысхаана**².
Теперь, когда
темнеет очень рано,
все **олонхо**
готова слушать я.
Саха сирэ,
пусть жизни круговерть
несёт меня,
как лист осенний, палый.
Ещё хоть раз объятьями побалуй,
позволь снегами
душу обогреть!
Саха сирэ,
ты учишь сердце петь...

2.

Под снегопадом
ярче зелень
елей.
Глотками воздух
жадным ртом
тяну.
Разноголосья
ветренных
метелей
В душе живую
тронули струну.
Приход зимы, –
не мыслимы упрёки.
Расшита даль
мерёжками
шагов
сплетённых
с **олонхо**³
в тугие строки
голубизною
выпавших
снегов.

² **Чысхаан** – холод, властитель зимы, Дед Мороз.

³ **Олонхо** – Якутский эпос, (типа Гильгамеша или Калевалы) состоящий из 9 песен.

¹ **Саха сирэ** – Якутия.

Тыалчаан¹

взбивает тучи

в стаи,

у **кылысах**²

свой

ветренный

мотив.

Душа и сердце,

разве вы устали

у **Чысхаана**

славно

погостив?!

Саха сирэ,

Кысын хотун³

вздыхает,

И с каждым вздохом

сыплется

с небес,

по всей Сибири

кружится,

летает

пушистый снег

из новогодних

мест.

Он освежает,

серебрит пространство,

подсвечивает

радостью глаза.

О, благодать –

с упорным постоянством

нам очищают

души

небеса!

3.

Густеет даль,

пророчит

сказку тайна.

Глаз не сомкну,

и нынче

не усну.

Ночь спелых звёзд

щедро

необычайно,

И дарит свет

полночному

окну.

Метёт пурга,

от края

и до края,

Сибирь купает

в снежной

пелене.

Снежинками

холодными

играя

Кысын хотун,

в серебряном

огне

сжигает слёзы,

недомолвки,

охи...

Чтоб научилась

вечная

душа,

В години

нашей взбалмошной

эпохи

не обижаться

и

не обижать...!

¹ *Тыалчаа* – ветерок, игривый проказник в образе мальчугана.

² *Кылысах* – тип горлового пения.

³ *Кысын хотун* – госпожа Зима.

Поэзия

Светлана Савицкая

*Редакции журнала «Берега», всем читателям и авторам приятно выразить Вам,
Светлана Васильевна, уважение, и восхищение, и признательность!*

И поздравить Вас с юбилеем!

*Радостно видеть Вашу наполненную постоянным поиском неординарных подходов,
свежих идей деятельность на благо духовного здоровья и счастья других людей.*

Безбрежной радости Вам, процветания и дальнейших творческих свершений!

Светлана Савицкая – писатель, журналист, художник, автор философских и экологических сказок, романов, стихов, статей, интервью и очерков, авторских песенных проектов; соучредитель Национальной Литературной премии «Золотое перо Руси»; доктор философии, член-корреспондент Международной Академии Наук Экологической безопасности; Член-корреспондент Православной Русской Академии. Всемирный Академический Университет Мюнхен-Москва-Гамбург удостоил Светлану Савицкую высокого звания «Заслуженный деятель мировой культуры». Член Ноосферной Духовно-Экологической Ассамблеи Мира. Автор более 50 книг, многие из которых переведены на языки мира. «Энергия сердца» – уникальный альбом с оформлением Никаса Сафронова. Военно-исторический роман «Балканы» был удостоен почетного знака «Самарский крест» от правительства Болгарии, исследовательский роман «Распутай время» признан лучшей книгой 2011 года в Берлине, Сербия вручила писателю «Златну круну». Светлана Савицкая – обладатель множества других Гран-При и литературных премий

Солнечный ветер

РАДУГЕ

Я долго терпеть училась,
Улыбкой сжимая слезы,
Спасая стихи от прозы...
И лишь однажды взмолилась
Минутной радуге между дождями:
– Возьми меня на руки!
Мне трудно идти по расплавленным звёздам!
Возьми меня на руки!
Но, вывернуло пространство,
Заставив переосмыслить
События, даты, числа...

И символов протуберанцы
Позволили мне проснуться, –
И вспомнить при жизни – Бездну!
И радугу на руки взять...
...чтоб воскресла.
И Богу вытереть слёзы,
чтоб улыбнулся.

* * *

Я всё обменяла на камень,
Молилась ему, как Богу.
Но только глубинная память
Меня позвала в дорогу.
Смешной и наивной Гердой,
Без компасов, карт и лоций,
Я снова пошла встречу ветру.
И поплыла встречу солнцу...

ЭМОЦИИ

Выводили на эмоции
Любовницы
Царей,
Чтоб войну развязать,
Чтоб в кольца
Заковать рабов для затей.
Расшатав магический пламень,
Пританцовывая в такт,

Хохоча, глумились цыгане,
Отнимая последний пятак!
Распевая святыне гимны,
Призывали вожди на бой,
Миллионами люди гибли,
Попадая в страстей огонь...
Летописцы слагали сказки,
Подводили слезам итог...
И взирал на всё безучастно
Одинокий философ –
Бог...

* * *

Пред тобой, как пред Сфинксом стою,
Глаз не смея поднять виновато.
Я, как будто впервые люблю,
Убегая от чувства куда-то,
Умирая от губ и от глаз,
Пьяным ромом вкушая свиданья...
Шаг назад мне не сделать сейчас,
Я с обрыва лечу мирозданья!
Не спеши. И не бойся! Пойми,
Я божественных тайн не нарушу.
И скорее сгорю я в любви,
Чем подвергну беде твою душу!
Не колдуй на траву-лебеду!
Я ль смогу хоть в мечтах прикоснуться?!
Не ревнуй. Позовёшь – я приду,
Чтоб уйти. И однажды вернуться.

* * *

Наверное, Бог проиграл тебя в покер...
И..., тормоза отпустив...,
Несёт твою душу
– на повороте –
Несёт!
Через десять сплошных!
И руль уж практически оторвался,
Закручиваясь в водоворот!
Ну, что же ты так...
...сгруппировался?
Смотри!
Как красиво несёт!!! %))
Реальность смешалась в азарте метели,
Судьбы промелькнул рубикон...
Удар!
Лобовое!
...Ты жив?
Неужели???!...
...Тебя разбудил только сон...!

* * *

Чернее ночи
Ночь!
И воздух пряный,
Немного пьяный:)
Весёлый очень
Дождь.
Такой желанный

Сияет златом
Слёз
Под фонарями,
И янтарями
Святых крылатых
Звёзд,
И их дарами!

Душе не душно!
Нет!
Душе привольно.
Ведь с мыслью стройно
Сошёл послушно
Снег
Путём окольным.

Вбирают очи
Свет
Из луж волшебных
Златою песней.
Чернее ночи
Нет.
И нет целебней.

Любовь дарует
Вновь
Судьбы причастье.
Пусть ненастье...
В груди бунтует
Кровь
В блаженстве счастья!

МЫСЛИ СТРАННИКА

Неземные вселенские дали
Обрекали в незбытность мечты.
По рукам и ногам приковали,
Словно цепью, чужие кресты!
Это было вчера. А сегодня
Песни, словно молитвы, забыв,
Я иду в край чужой и голодный,
Всё простив.
Хохотали жестокие звёзды.
Били в очи снега и дожди.

Жизнь бросала к ногам перекрёстки,
 Чтобы сердце болело в груди.
 Это было вчера. А сегодня
 Без волнений, упрёков и сил
 Я уйду по пустыне бесплодной,
 Всё простив.
 Да. Порой провиденье небрежно
 Получало отчаянный крик.
 Это Веру, Любовь и Надежду
 Преднамеренно жгли алтари.
 Это было вчера. А сегодня
 Ситуацию отпустив,
 Ухожу по дороге свободной,
 Всё простив.
 И вкусив дикий мёд вдохновенья,
 Прорицаньем натешившись властью,
 Восходя по ступеням прощения,
 В мудрость воли душа поднялась.
 Это было вчера. А сегодня
 Без волнений, упрёков и сил
 Я иду по дороге господней,
 Всё простив.

ЛАБИРИНТ

Меж нами – лабиринт, как наважденье!
 Головоломка – путь к тебе, мой Бог!
 Тут не пройдет простое мельтешенье
 Движений, действий, взглядов, мыслей, слов!

Безумство чувств закручивает сети.
 В неверье бунтовском зову, любя!
 Распутывая хитросплетенья эти,
 Я познаю тебя? Или себя?

Решение простое где-то близко.
 Стандартное мышление – вот беда!
 Здесь самые крутые оптимисты
 Давно б сдались у цели без труда!

Фиксируя движенья ритуала,
 Пространств межзвёздных и галактик сталь,
 На полукружьях сомневаться стала –
 То путаница или красота?

А лабиринт, что ты у ног раскинул,
 Он – оберег? Или конец времён?
 И рыцарь светлый, что его достигнет,
 Он победит? Иль будет побеждён?

А вдруг, тупик без шанса на спасенье
 Готовит новый дерзкий поворот?
 А вдруг, на том конце воображенья
 Его, безумного, никто не ждёт???

О! Эта сложная несимметричность
 Мозг заморачивает, не шутя,
 Ведь даже если подбираюсь близко,
 Оказываюсь дальше от тебя!

Извилистая магия движенья
 Извилины сбивает на ходу,
 Чтоб от коварства головокруженья
 Забыла я, зачем к тебе иду?

И пусть слова и зрение обманут.
 А интуиция обманет? Нет?
 Попробую, ища источник знаний,
 Преодолимое преодолеть.

...Я шаг за шагом и от слова к слову
 Иду по серпантинам ДНК,
 Не прерывая смысла диалога,
 До знаковых святынь через века!

Ни в коем случае не понимать буквально
 Стараюсь, продвигаясь в пустоту,
 И знаю, если выход будет найден,
 Я в тот же миг бессмертье обрету!

* * *

Я знаю,
 ты предпочитаешь женщин
 С ноготками покрашенными
 лаком –
 У меня таких нет.
 Твои подружки
 В парикмахерских
 Сидят веками,
 Будто жить собираются
 Тысячу лет!
 Они рождены для любви
 и твоей заботы,
 и мне всё равно,
 что не я, а они достойны
 машин, квартир, средиземных курортов...
 одно только Но –
 Они уйдут,
 Растворятся в пространстве,
 И на смертном одре,
 в бреду
 и во сне
 Ты будешь шептать моё имя.
 Правда ведь, странно???,
 ...обращая молитвы
 Ко мне... !

* * *

Ключи не нужны.
Не важны мне двери.
Пусть ветряно, как в аду!
Пусть снег обещают!
А я не верю!
А я всё равно приду!
Ворвусь, как эпоха в тебя до дрожи,
И счастьем печаль залью!
Пускай проведение обиды множит.
А я всё равно спою!
Всесильна вера!
Слова бессмертны!
Уверенно повторю –
Разбить невозможно луч солнца светлый.
И я всё равно люблю!

* * *

Остановись, мой Свет!
Мой рыцарь смелый!
Не вынимай из ножен Бога меч!
Не уворуй у райской нивы белый
Цвет яблони.
Позволь его сберечь!
Замри на миг.
Прислушайся к молитве,
И не убий живое неживым!
Не преступи любви в последней битве
Неравенства достоинством слепым.
Не загордись, что милостью мудрейшей,
Ты вознесён до стоп того, кто щедр.
Ведь миг один – и будешь ты низвержен
В глубины фантастических пещер!
Есть высшее предназначенье воли –
Не муча омраченное чело,
Постичь душою... просто сердцем вспомнить:
Зачем пришел...
И дышишь для чего!

О РАСПЛАТЕ ЗА ПРОНИКНОВЕНИЕ В ТАЙНЫ ВСЕЛЕННОЙ

В лесу без воды и пищи,
Отчаявшись, я блуждала.
Тропинка к лачуге тесной
среди ив привела меня.
И старец в лохмотьях нищих,
Которого увидела,
Меня пригласил любезно
Погреться вблизи огня.

Однако, судьба не прихоть,
Случается ведь однажды,
Что можно зажечь умело
Надежды своей свечу.
– Пить хочешь? – спросил он тихо.
Мне горло свело от жажды.
К огню подошла я смело.
И выдохнула: – Хочу!

Старик, ухмыльнулся странно,
И очи его, как бритвы
Меня полоснули синими
Звёздами вместо глаз!
Негаданно и нежданно
Он кубок наполнил вихрем,
Поднёс. И галактики ливнями
Сквозь память прошли тот час.

– За это отдашь наивность! –
Воскликнул старик.
Беспечно: – Бери!
Что ж с того возьмётся? –
Ответила веселей, –
– К тебе я сама явилась!
И вдруг закружилась вечность...
– Ну что? Напилась? – смеётся...
А жажда ещё сильнее!

– Покрепче желаешь? Только
Не всякий того достоин.
В обмен ты отдай мне удаль
Девическую свою!

– Легко! – Я схватила бойко
Ещё один кубок полный
И выпила залпом груды
Бесплодных мечтаний всю.

Я еле жива в похмелье.
Морщинами лоб покрылся.
Но жажда сушила шею,
И губы трескались в кровь!
Сшибало с ног это зелье!
Но будто и он забылся:
– А хочешь ещё сильнее?
– А хочешь испить любовь?
Но только отдай мне волю.
И гордость отдай. И сердце.
Отдай мне свои улыбки.
И радость от той любви!...

Всю правду скажу. Не скрою!
В тот миг мне так пить хотелось,

Что сделала я ошибку:
– Да что уж там! Забери!

И вот полный кубок яда
Подносит коварный старец,
И смотрит, как я глотаю,
И нет насыщенья мне.
И каждую клетку адом
И болью тот час пронзает,
Мне сотню раз умирая,
Гореть в неземном огне!

– Ну что? Хорошо ли было?
– О! Да! Было мне прекрасно! –
Сказала я отползая,
Считая свои грехи.
А он хохотал, постылый.
И пить я хотела страшно,
Отрыгивая слезами,
Выблевывая стихи.

– А душу отдашь? – спросил он.
И в кубке – крови багрянец!
– Ты станешь персоной важной!
Всесильнейшим божеством!
...но тут меня осенило,
Что старец – вовсе не старец.
И жажда – вовсе не жажда,
А мощное колдовство!

– Нет-нет! – отказалась резко,
С трудом отрывая зенки
от вязкой туманной влаги,
– Я больше с тобой не пью!
Вообще не хочу я! Честно!
– Ты лжёшь! – закричал вдруг Демон, –
Да я ж тебя как козявку
ничтожную раздавлю!

Но я, опрокинув кубок,
Вскочила и побежала,
Однако, не успевали
Колени мои за мной.
От жажды горели губы.
Но тут я в метро узнала
Своё отраженье в зале.
– О! Боже! Так это сон!

Я лет на сто постарела,
Невольно читая судьбы,
В родных, потерянных, влажных
Звёздах безумных глаз...
В бородах белее мела...

Я знаю,
как больно людям,
Что перетерпели жажду!
Душой я чувствую вас.

* * *

Я поверю и в Будду и в Кришну,
В пару сотен индийских богов,
Если ты мою песню услышишь,
И ответишь взаимностью снов!
Помолюсь на распятое святое,
На колени упав, у креста!
Если ты мне ответишь любовью,
Я, пожалуй, поверю... в Христа...
Я легко мусульманскую песню
Пропую с минарета всерьёз,
И в Аллаха уверую, если
Сердцем путь мне навстречу найдёшь.
Ну, а, может, не стоит молиться?
Смерть яйцу, коль скорлупку разбить!
Жизнь в яйце лишь тогда возродится,
Если бремя пробить изнутри!
Без ключей не откроются двери.
Строг закон: ключ к тебе – это я,
Если так же, как я в тебя верю,
Ты однажды поверишь в меня!

ЛЕГЕНДА О ВЕНЕРЕ

Когда затуманятся очи луны,
По аппарели вселенной,
Качая на волнах подзвёздные сны,
Качая на волнах подзвёздные сны,
Я выйду легендой из пены.

По лезвию лунной дороги скользя
Летающей походкой богини,
Сквозь вены извилисто в сердце вонзя,
Сквозь вены извилисто в сердце вонзя
Анданте таинственных линий.

Зажгу, как вино, лучезарную грусть,
Которой не сможешь напиться.
В секунду рождения снова вернусь,
В секунду рождения снова вернусь,
С очарованием слиться!

Я снова и снова пройду сквозь тебя,
Как ласковый ветер прилива.
Исчезну в ночи, беззаветно любя,
Исчезну в ночи, беззаветно любя,
Божественно! Смело! Красиво!

* * *

Я так кричала во сне,
Что лопались перепонки,
И рвались аорты
В кровь!
А ты не слышал,
А ты лопатой
Тяжёлые комья глины
Кидал на гроб!
Я так любила тебя.
А ты боялся
Попасть из ада в мой рай.
Стреляй! Я готова
Я снова готова спиной подставляться.

Стреляй!
И так я билась о доски,
Стирая колени о гвозди,
Что выцарапалась из сна...
На улице... снег!
Фонари...
И что это я так поздно
Тут развевалась одна?
Наверное, память о пережитой смерти
Вернулась вновь.
Любовь...
Предательство...
Карму...
...переживая... вновь!

Поэзия

Николай Переяслов

Родился 12 мая 1954 года. Поэт, критик, прозаик, переводчик стихов национальных и зарубежных поэтов.

Член Союза журналистов Москвы, Международной Федерации журналистов, Международной Ассоциации писателей и публицистов. Член Славянской литературной и артистической Академии в Варне (Болгария). Секретарь Правления Союза писателей России.

Автор 40 книг стихов, прозы, критики и поэтических переводов. Составитель уникальной поэтической Антологии, посвящённой войне 1812 года – «Недаром помнит вся Россия» (Смоленск: Изд-во «Мад-жента», 2012).

Лауреат литературных премий им. Р. Гамзатова, М. Лермонтова, В. Хлебникова и других; победитель конкурса переводов тюркской поэзии «Ак Торна» и конкурса «Пророк Мухаммад – милость для миров», проводимого Советом муфтиев России.

Награждён Почётной грамотой Министерства культуры Российской Федерации, медалью Министерства обороны РФ «За укрепление боевого содружества», орденом М.В. Ломоносова, медалью святого князя Даниила Московского, золотым знаком Абая Кунанбаева, медалью Мусы Джалиля и другими наградами. Живёт в Москве.

Стихи XXI века

МИР БЕЗ СТИХОВ

... В тот чёрный час, когда моя держава
Рассохлась, точно бочка, и вот-вот
Развалится – и даже обруч ржавый
Её от этой доли не спасёт;
Когда из всех щелей её и трещин,
Из всех случайных нор, прорех и дыр
Течёт поток «мозгов», валюты, женщин,
Талантов, прославляющих весь мир;
Когда вокруг – слепят глаза рекламы,
А в душах горько, хмуро и темно,
Когда в искусстве процветают хамы,
Ну, а менты «крышуют» казино;
Когда повсюду – ложь и казнокрадство,
И брызжут в душу пошлость и цинизм,
Когда цветут жестокость и злорадство,
И не скрывает радость сатанизм;
Когда вся жизнь – лишь бесконечный шопинг,
А мир вокруг – один огромный ГУМ;
Когда важнее, чем молитва – допинг,
А интернет – в сто раз нужней, чем ум;
Когда суть жизни сохнет и мельчает,
И неуклонно сводится к нулю,
Когда никто вокруг не замечает,
Как гибнет всё, что страстно я люблю, –
Кто это зло остановить сумеет,

В котором меркнет даже солнца свет,
В котором мир, как соловей, немеет
И вянет всё, как без воды букет?..

Мир без стихов – как комната без окон,
Куда вовек не дунет ветерок,
Чтоб духоты невыносимый кокон
Прорвать напором животворных строк.
Мир без стихов – как колбаса из сои –
По-бутафорски ярок, но фальшив...

...Поэзия! Ты – как бессмертный воин,
Спасаешь мир. Пока ты есть – он жив.

ОБЛАКА

Над землёю плывут облака.
Далека их стезя. Нелегка.
То под солнцем плывут, то во мгле,
То дождём шелестят по земле.
То, как птицы, парят на крыле.

Над землёю плывут облака,
Будто гонит их чья-то рука.
Оттеняясь густой синевой,
Над Смоленском плывут, над Невой.
Над моею любимой Москвой.

Над землёю плывут облака
 Из неведомого далека.
 И глядит с высоты, чуть дыша,
 В каждом облаке чья-то душа,
 То ли воина, то ль – малыша?..
 Так когда-то и я поплыву
 В ослепительную синеву,
 Где сливаются души навек,
 Будто сотни впадающих рек.
 (Так уходит любой человек.)
 И когда-то, смеясь и звеня,
 Океан этот примет меня,
 Оав возможность душе без преград
 Плыть над миром столетья подряд,
 Влившись в облачный белый парад.
 Ах, как сладко смотреть с высоты
 На деревья, поля и цветы,
 Слышать радостный гул голосов,
 Видеть буйные гривы лесов!
 Не считая минут и часов.
 Только нужен ли он, не пойму,
 Этот сказочный рай – одному?
 Коль я в небе тебя не найду –
 Будет хуже мне там, чем в аду.
 Будто птице в сожжённом саду...
 Позови! Я узнаю тебя,
 Чтобы плыть нам сквозь вечность, любя,
 Через свет, через бури и мрак,
 Неразлитными во временах!
 Дай мне знак, дай мне знак, дай мне знак...

* * *

Границы открыты. Простимся.
 Шлагбаумом поднята Вечность.
 Свет гаснет. Экранной простынкой
 Мерцает над улицей вечер.
 Молчанье. Да будет вовеки
 Священна его нефальшивость!
 Оплачены старые чеки.
 Чему суждено – совершилось.
 Всё в прошлом. Попробуем выжить.
 Примеримся к Дантовой роли.
 И может, впервые услышим
 Солёную музыку боли.
 И полночь, как пальцы тапёра
 Упавшею крышкой рояльной,
 Придавит развёвший нас город,
 Прикинувшийся нереальным.
 Ни смеха в саду! Ни минора!
 Ни эха! Ни духа! Ни сына!

(Так *скорость* томится в моторе,
 Оставшемся – без бензина...)
 Простимся ж... Проспимся – и снова
 Посмеем бывшего касаться.
 На прожитых чувств аксиому
 Навешаем тьму доказательств.
 И в завтра – шагнём, как в бессмертье,
 Сгибаясь под памяти гирей:
 Оставить – не выдержит сердце,
 Лететь с ней – не вынесут крылья...

СОЛОВЕЙ С ПРОСТУЖЕННЫМ ГОРЛОМ

Ночь дышит жасмином. У стёкол веранды,
 Где тенью сказаний деревья стоят,
 Простор палисада терзают рулады
 Простывшего в росах густых соловья.
 О чём его плач? Для кого его хрипы?
 Ночь дышит жасмином. Пространство молчит.
 Окно не откроется. Двери не скрипнут.
 Не звякнут, в замке повернувшись, ключи.
 Мир спит, под огром его правды натужной
 Свивая моток перфолент голубых,
 Где в среднем выходит на каждую душу –
 По пять минут счастья и часу любви...
 Глупец! Кто оценит дурные усилия?
 Не плещут в партере. Планета – тиха,
 Как Троя, в веках погребённая пылью,
 Которую некому было вдыхать.
 Лишь в шахтах секретных, внимая радарам,
 Застыли ракеты в убойном строю.
 Да кашляет в росах, сжимая берданку,
 Хозяин жасмина (не в лад соловью).
 Кому же дано угадать, как за трелью
 Творится в тумане рождение дня?
 Рулада – и станут прозрачней деревья
 На фоне залившего небо огня.
 И в красках вернувшихся – около дома
 Черты палисада проступят сквозь ночь,
 Гдедушный жасмин вдохновенно обломан
 Мальчишкой, влюблённым в соседскую дочь.
 И за децибельной лавиной штатных
 Дневных крикунов отодвинется в тень
 Никем не услышанный, хриплый глашатай,
 Прозревший сквозь тьму наступающий день.
 Он – будет. Он высушит росы и лужи.
 Он выплеснет боли... И станет видней,
 Что пять минут счастья на каждую душу –
 Не так уж и *мало*
 Для нынешних дней!

Поэзия

Анна Токарева

Родилась в 1956 году, живёт в городе Егорьевске Московской области. По образованию библиотечкарь. Печаталась в журналах «Наши современники», «Молодая гвардия», «Новая Немига литературная» (Белоруссия), «Европейская словесность» (Кёльн), «Бег», «Мезия» (Болгария), «Поэзия», «Библиотечкарь». Автор двух поэтических книг: «Рябина в меду», «От одиночества до счастья». Лауреат международного литературного конкурса «Золотой диплом». Награждена дипломом МОО СП России «За верное служение отечественной литературе» и медалью имени Ивана Бунина. Лауреат сайта «Российский писатель» за 2017 г. в номинации «Поэзия». Член Союза писателей России

* * *

Хочу туда, где тропки узки,
И необъятен небосвод,
Где так приветливо, по-русски
Берёзка встретит у ворот.
Где росы дремлют на манжетках,
Мохнатый клевер лиловат,
И где под крылышком наседки
Пригрелся выводок цыплят.
Где кошка, рыжая Авдотка,
Приходит в гости, как домой,
Где на шести садовых сотках –
Весь мир. И сложный, и простой.

* * *

Вопли звучат инородные
Песням родным вопреки.
Родина, солнце холодное,
Плачут твои кулики.

Время в садах позаброшенных
Спиливать гиблый сушняк,
Вспомнить, что было хорошего,
Вспомнить, что было не так.

Верится мне и не верится,
В то, что поднимется рать,
В то, что поникшее деревце
Листья расправит опять.

Чтобы цвести безбоязненно
В белом саду по весне,
Чтобы и горе, и праздники
Не насаждались извне.

БОЛОТО

Не по хитрому расчёту,
Добровольно, без пинка
Я хвалю своё болото
С постоянством кулика.
Эта высохшая кочка –
Не роскошный Аюдаг,
Но она моя – и точка.
И со мной – Иван-дурак.
Накормлю его брусникой,
Горьковатую чуть-чуть,
Но с родной земли великой –
В этом вся и соль, и суть.
Не по щучьему веленью –
По хотенью моему
Доживём до воскресенья,
Побеждающего тьму!

МОЛЧАЛЬНИЦА

Ненастье перебесится
И сгинет без следа.
В качалку полумесяца
Уляжется звезда.

Полночная молчальница
Не вымолвит словцо,
Лишь сонно закачается,
Объятая ленцой.

И в платьице холстинковом –
Другого не дано –
Я звёздной паутинкою
Опутаю окно.

Пленённую бессонницу
Стихами напою...
Всё будет, всё исполнится
У счастья на краю.

СИРЕНИ ПРОЩАЛЬНЫЙ БУКЕТ

Неделю, всего лишь неделю
Струился цветов аромат,
И жалость моя неподдельна,
Что вянет сиреневый сад.

Кудрявые, бурые кисти
Коснулись моей головы:
«Ты тоже заложница истин,
Законов природы, увы.»

«Нельзя надыхаться сиренью
На долгие месяцы впрок»-
Шепнул, призывая к смиренью,
Упавший в ладонь лепесток.

В сиреневых сумерках мая
На сердце смирения нет,
Когда я к лицу прижимаю
Сирени прощальный букет.

ЗОЛОТАЯ ПЫЛЬЦА

Одуванчик-трава, оккупант огорода,
Улыбается мне у ступенек крыльца.
Я вдохну аромат горьковатого мёда,
И напудрит мне нос золотая пыльца.

Золотая пыльца – на весёлых веснушках.
Я стеснялась их зря, а теперь не стыжусь,
Потому что сейчас ты сказал мне на ушко,
Что лицом я светла, как пресветлая Русь.

Млечный сок на руке оставляет кружочки.
Ты целуешь ладонь, а потом локоток,
Ты губами скользишь от ключицы до мочки...
И роняю в траву я смущённый цветок.

СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ

Проснувшись во двориках зябких,
Близ яблонь, заборов и стен,
Они золотистые шляпки
Надели, поднявшись с колен.

Немедля – вперёд, за ворота!
Луга и поля полонив,
Покрыли они позолотой
Пространства невспаханых нив.

Незыблема связь поколений,
Незыблема к жизни любовь.
До буйства душистой сирени
Цвести одуванчикам вновь.

Представьте – всё это бывало:
Как я, на простор убежав,
Славянка веночек свивала
Пыльцою испачкав рукав.

МЕСЯЦ

Над печалью осоки,
Над тоской ивняка
Ходит месяц высокий,
Потирая бока.

Добродушный, холёный,
В золотом сюртуке,
То любит клоном-
Отраженьем в реке.

То к Дельфину приникнет,
То проведает Киль,
То с Волос Вероники
Сдует звёздную пыль.

Он далёк от земного,
И ему всё равно,
Если где-нибудь снова
Вдруг запахнет войной.

Иль возникнет цунами,
Иль проснётся вулкан,
Или стукнутся лбами
Президенты двух стран.

Он не знает печали
И не чувствует мук.
Лишь бы звёзды сияли,
Не тускнел бы сюртук.

ПЕЧКА

Дрова, присыпанные снегом,
Стреляют в топке и шипят.
Какой восторг, какая нега –
Лежать и слушать снегопад!

Он рвётся в окна, топчет крышу,
А на лежанке – любота.
Шуршат внизу, под печкой, мыши,
Поправ мурчание кота.

В печурке сохнут рукавицы,
В опечье дремлет домовой.
И только мне совсем не спится
В моей избёнке лубяной.

В горшках томятся щи да каша,
Картошка млеет в чугуне.
Скрыт русский дух и сила наша
В живом, покладистом огне.

РАДИ НАС

Ради нас – и лопух придорожный,
И тюльпана лиловый бокал,
И заря, что легла осторожно
На безмолвие водных зеркал;
И кузнечик, что вечно стрекочет,
И пчелы неуёмная прыть,
И горластый задиристый кочет,
Что мечтает летающим быть...
И коровы дородное вымя,
И доверчивый пульс родника,
И певучее родины имя
Не на час, не на год – на века.

Берега культуры и искусства

Лидия Довыденко

Лидия Довыденко – секретарь Союза писателей России, главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», автор 19 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг. Победитель в конкурсе журналистского мастерства «Слава России», лауреат литературной премии «Щит и меч Отечества», победитель Международной литературной премии «Серебряное перо Руси» – за «Высокое художественное мастерство», первое место в номинации «Познавая союзное государство» конкурса журналистских работ «Беларусь-Россия. Шаг в будущее». Знак «Трудовая доблесть России» – «За труд во славу России», лауреат Всероссийского конкурса журналистских работ «Патриот России»- 2016, «Золотое перо Руси»-2016, медаль имени поэта Николая Рубцова, медаль Ассоциации ветеранов боевых действий органов внутренних дел и внутренних войск России «За верность присяге» имени генерал-лейтенанта И.Д. Волкова, 1 место (Золотая медаль) в конкурсе СМИ Патриот России – 2017, медаль «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе» – 2017, медаль имени Евгения Замятина, медаль «М.В. Ломоносов. За заслуги. Слава русскому народу»

Дары сентябрьских встреч

Встреча в Шереметевском дворце

..Мне хотелось показать ... другую – Мою РОССИЮ, исполненную цвета, радости, тепла и гуманизма, ... сказать всему миру: «Вот она – настоящая Россия. Посмотрите, как она прекрасна!»

Н.Д. Лобанов-Ростовский

Русское театрально-декорационное искусство, относящееся к периоду с 1870 до 1930 годов, было представлено на открытии грандиозной выставки «100+10», посвящённой юбилею Музея театрального и музыкального искусства. Широкая публика имеет возможность теперь увидеть уникальные поступления в фонды Музея. В сокровища Санкт-Петербургского музея театрального и музыкального искусства вошла коллекция Никиты и Нины Лобановых-Ростовских. По оценке специалистов, это – крупнейшее частное собрание русского искусства. Оно включает живописные произведения на холсте и картоне, плакаты, программки, эскизы костюмов и декораций к спектаклям, которые ставились в начале XX века. Значительную часть коллекции составили эскизы костюмов и декораций к спектаклям «Дягилевских сезонов» во Франции. Нина Лобанова-Ростовская подарила музею из своей личной части собрания – шедевры театральной живописи: работы Льва Бакста, Александра Бенуа, Натальи Гончаровой, Николая Рериха и других знаменитых художников, а также костюмы, фотографии и афиши балетных звёзд XXI века из собрания Сергея Данильяна; раритеты из архива Сержа Лифаря и множество других драгоценных экспонатов

Коллекционеры Никита и Нина Лобановы-Ростовские спасли от гибели, от забвения и сохранили для России творчество тех, кто, оказавшись вдали от Родины, не оставлял мысли о ней.

Работы, представленные на выставке, свидетельствуют не только о ярком таланте создавших их художников, но и о грандиозности личностей тех, кто спас работы от уничтожения и потери. Меня не покидает чувство благодарности меценатам с того времени, как побывала на уникальной выставке в Москве, в Музее театрального искусства имени Бахрушина «Прорыв. Русское театрально-декорационное искусство» 11 декабря 2015 года. Тогда впервые посетители выставки, искусствоведы увидели художников России без разделения на российский и зарубежный периоды. Никто ещё в истории искусства не проходил подобного пути, не создавал подобного проекта.

И вот, спустя почти три года, в Санкт-Петербурге мы снова видим и чувствуем цельность и красоту, ритм линий и красок театрально-декорационного искусства России – это самобытное национальное явление, не имеющее аналогов в мире. И ещё один важный феномен выставки, на уникальность которого обратил внимание князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский – это художницы, кото-

рых он назвал «женщины-гиганты по таланту в русской живописи»: Зинаида Серебрякова, Наталья Гончарова, Александра Экстер, Вера Мухина и другие.

Но всё же главной героиней на вернисаже «100 плюс 10» заслуженно является княгиня Нина Лобанова-Ростовская. Генеральный директор Государственного Эрмитажа Михаил Пиотровский зачитал выписку из указа президента России с благодарностью в адрес мецената и коллекционера Нины Лобановой-Ростовской.

Директор музея Наталья Ивановна Метелица не могла сдержать слёз от волнения, когда заговорила о даре Нины Лобановой-Ростовской, свыше пятидесяти лет собиравшей вместе с Никитой Дмитриевичем коллекцию театральной живописи. Наталья Ивановна подчеркнула, что вряд ли в следующие сто лет в жизни музея будет дар, подобный этому.

Наконец, познакомилась и я с уникальной женщиной-меценатом Ниной Лобановой-Ростовской, о которой до этого знала по книге Никиты Дмитриевича «Жизнь. Судьба. Коллекция», и я хочу рассказать о ней подробнее.

Они поженились с Никитой Лобановым-Ростовским в Париже в 1962 году, а познакомились в доме Натана Мильштейна в США (Натан Мильштейн – известный скрипач), напротив которого находилась резиденция французского посла, дочерью которого и была Нина. Вместе они начали страстно заниматься изучением и коллекционированием театрального искусства. Они вместе были гостями испанского художника и скульптора Сальвадора Дали, встречались с поэтом Андреем Вознесенским и его женой Зоей Богуславской в Сан-Франциско.

Тогда Андрей Вознесенский и услышал романтическую историю любви между Николаем Петровичем Резановым и Кончитой Аргуэльо, которая узнала о смерти в Красноярске Николая Резанова через шесть лет после его гибели и постриглась в монахини. А граф Николай Резанов навсегда останется в памяти всех, кто хотел бы создать торгово-экономический и культурный мост во взаимоотношениях между Россией и США. Именно Нина отвела Андрея Вознесенского на могилу Кончиты, а поэт оставил для Нины книгу своих стихов с надписью по-английски: «Для Нины. С большой любовью. Воз». Возвратившись домой, поэт написал «Юнону» и «Авось», которой вдохновился композитор Андрей Рыбников, создав одноимённую рок-оперу.

Никита и Нина встречались с Марисом Лиэпа и Владимиром Васильевым после спектакля «Спартак» в Большом театре. Они поклонились могиле С.П. Дягилева на острове Сан-Микеле, Венеция. Вместе они посещали выставки в СССР, а потом – в России. Они познакомились с Дмитрием Лихачёвым, побывали в мастерской Зинаиды Серебряковой в Париже, встретившись с её сыном; отправились на виллу русского художника Бориса Дмитриевича Григорьева, который жил под Каннами, а сам уроженец Рыбинска. В 1965 году Лобановы-Ростовские отправились в Афины, чтобы найти работы Челищева. 1970 году прибыли в СССР, чтобы побывать в ЦГАЛИ, встретиться с директором Русского музея В.А. Пушкиным, с Е. Михайловым, племянником художника Константина Сомова.

Они встречались с дочерью Александра Бенуа – Анной Черкасовой, с сыном художника Николаем Бенуа, жившем в Милане и работавшем в Ла Скала. В Нью-Йорке познакомились с Джорджем Баланчиным, танцором и хореографом, а его жена Тамара Жева была дочерью основателя Театрального музея в Санкт-Петербурге. Много узнали они благодаря музею Николая Рериха в Нью-Йорке.

Нина является автором книг, в том числе по истории искусства России, не переведенных, к сожалению, на русский язык. О собирательстве, о коллекционере она написала: «Знакомые считают собирателя несколько странным существом. У него даже не хватает времени на родных и близких. Он доволен жизнью. День для него слишком короток. Ему не знакомы одиночество или скука, поскольку он целиком углублён в предмет страсти. Он читает об этом, интересуется ценами, поглядывает на то, что есть у соперников, ходит по галереям, музеям, дилерам и аукционным домам. Но собиратель почти всегда без денег и всё же полон предвкушения».

В книге «Эпоха. Судьба. Коллекция» Н.Лобанов-Ростовский сказал о Нине: «Она работала в редакции журнала «Ридерс дайжест». Её требовательный глаз и профессиональная подготовка журналиста оказались неоценимыми для заветного дела моей жизни: сбора информации, поиска работ, подготовки каталогов».

«Почти все свои средства я вкладывал в живопись. К счастью, Нина, любя театр и русское искусство, поддержала моё увлечение. Первые 10 лет нашей совместной жизни большую часть мебели для нашей нью-йоркской квартиры мы сделали собственными руками или взяли с улицы».

Страсть собирательства принуждала к тому, чтобы колесить по миру в поисках разбросанных по Европе, США, Канаде российских художников-эмигрантов, а поиски и обретения сопровождались выпуском каталогов, участием в выставках. Собрание составило 1100 работ около 150 художников.

«Наше собрание, – пишет в своей книге Никита Дмитриевич, – многим обязано Нине. У неё строгий научный подход, она хорошо разбирается в живописи, умеет работать с архивами, разыскивать данные о том, что мы приобрели. Затем мы вместе старались подобрать документацию. Вести научную работу.

У Нины верный вкус. Андрей Сазонов отметил нашу общую с Ниной деятельность таким образом: «Удивительны случаи совместного собирательства, в котором обычно соучаствуют супруги, когда общее для них увлечение сливает две судьбы в одну, определяя наполненность и содержательность ставшей единой для этих двоих жизни. Такова во многом история четы Никиты и Нины Лобановых-Ростовских, создавших уникальное собрание произведений русского искусства».

Любимые Ниной и Никитой работы Бенуа и Бакста покинули стены их дома, переехав в Россию. Аукционный дом «Сотбис» неоднократно высоко оценивал стоимость коллекции, на протяжении лет она росла. Но главным для собирателей была всё-таки не цена в денежном измерении, а то, что выразил в словах Никита Дмитриевич: «Глядя на эту живопись, можно было на время забыть о несправедливости. Хочу надеяться, что собрание помогло почувствовать замечательную внутреннюю ткань отечественной культуры. У меня была необыкновенная привилегия возражать на обычные стадные рассуждения насчёт коммунистической угрозы, ракет и ГУЛАГа одной фразой: «Посмотрите на картины в моём доме! Вот она Россия: умная, добрая, талантливая и цветистая».

«Коллекция представляла собой, – пишет далее Никита Дмитриевич, – источник постоянного наслаждения для меня и Нины».

Теперь у России есть возможность получать это наслаждение, гордиться своими художниками, чувствовать то исцеляющее душу воздействие искусства, названное Никитой Дмитриевичем словами: «Забыть о несправедливости».

Пленительна личность Нины Лобановой-Ростовской, внесшей огромный вклад в культуру России, в доказательство того, что русская театральная живопись имеет самодовлеющее значение.

Из пучин истории проявилось русское происхождение Нины, дочери французского посла Гийома Жоржа-Пико, посланника Франции в ООН, а затем заместителя Генерального секретаря ООН.

Чрезвычайный и полномочный посол РФ в Великобритании Александр Владимирович Яковенко, вручает грамоту Нине Лобановой-Ростовской

Никита и Нина Лобановы-Ростовские и директор Музея театрального и музыкального искусства Н.И. Метелица

Я смотрела в полутёмном зале Шереметевского дворца (свет вредит графике) на освещённое улыбкой лицо человека, преданного искусству и им воодушевлённого, не без сомнений и лёгкости расставшегося с сокровищами, на собрание которых ушло более 50 лет. Она устояла от лестного предложения – купить у неё коллекцию театральной живописи, но сделала гениальный по щедрости шаг: подарила своё собрание России. Я горжусь её культурным подвигом.

В детстве Нина мечтала стать балериной, но отговорил знаменитый балетмейстер Серж Лифарь, который был другом семьи, позже был и на свадьбе у Нины с Никитой. Его имя тесно связано с дягилевскими «Русскими сезонами», а Дягилев ставил преимущественно балетные спектакли. Отсюда особенно ценна коллекция, что здесь театральные эскизы декораций и костюмов к постановкам русских балетов Сергея Дягилева 1909–1929 годов: «Клеопатра», «Таис», «Спящая принцесса», «Смушенная Артемида» Льва Бакста, «Павильон Армиды», «Жизель», «Соловей», «Каменный гость», «Лекарь поневоле» Александра Бенуа, работы Натальи Гончаровой.

Нина Лобанова-Ростовская отмечает, что, конечно, она скучает по картинам, которые так долго висели на стенах её дома, но ей не жаль!!! Она считает, что они в «правильном месте», что картины будут радовать посетителей. Современники и грядущие поколения будут изучать художников, посвятивших себя театральному искусству, чтобы противостоять тому уродству, которое мы часто встречаем в современных театрах. Сюда будут приходить деятели культуры со всей России, художники, режиссёры, актёры, любители и знатоки театрального искусства. Но эта коллекция имеет и мировое значение, сам поиск работ, относящихся к русской театральной живописи, повлиял на мировую культуру в целом, выведя из забвения прекрасные имена художников и их творения, принятые как часть мировой культуры.

«Глаза волшебницы, как зеркало времён» *О творчестве и личности писателя Светланы Савицкой*

Огромный остров творчества Светланы Савицкой обитаем не только читателями России, но и далеко за её пределами. Я имею в виду и многочисленные переводы на языки мира её книг, а также то, что круг творческого общения Светланы трудно представить и охватить взглядом.

Доктор философии, Светлана Васильевна Савицкая создала сотни притч, десятки сборников стихов, романы и исторические исследования – более 50 художественных и научных книг.

Её книги оформляла легендарная Джуна. «Светлана! Признайся! Это писала не ты, это писал Бог!» – восклицала она с восхищением.

Притчи с названием «Энергия Вселенной» были изданы в сочетании с работами Никаса Сафронова.

Книга притч «Энергия мудрости» вошла в разные издания, в том числе: «Большая книга женской мудрости», «Мудрые притчи для мудрых женщин» (ЭКСМО), «Седые косы» (Индия, Калькутта, на бенгали), «Золотой обрез» (Амазон, США, на английском), «Таинства русской души» (Гютерсло, Германия, на немецком) и в других странах на 14 языках.

Военно-исторический роман «Балканы» был удостоен почётного знака «Самарский крест» от правительства Болгарии, исследовательский роман «Распутай время» признан лучшей книгой 2011 года в Берлине. Сербия вручила писателю «Златну круну». Светлана Савицкая – обладатель множества других Гран-При и Литературных премий.

Она пишет картины и музыку, танцует и поёт под гитару, автор песен и клипов, и всё она делает с удовольствием, с любовью. Наверное, это меня больше всего и притянуло к ней. С ней легко и радостно, она всегда протянет тебе руку помощи и сделает это легко и красиво.

Светлана Савицкая – опытная путешественница, проехав по России от Калининградской области до Дальнего Востока. И первое, что я опубликовала в журнале «Берега», это очерк «Янтарное сердце моря», а потом меня очень удивило, что Светлана написала очень хорошие слова к вальсу Евгения Доги в кинофильме «Мой ласковый и нежный зверь», раскрыв его поэтичность и нежность.

Светлана Савицкая – сестра по перу, по душе.

В жаркое и дождливое лето прибыли к нам в Калининград замечательные гости: писатель Светлана Савицкая и Александр Бухаров, соучредители национальной литературной премии «Золотое перо Руси», и мне было с ними радостно, комфортно, интеллектуально-познавательно и счастливо.

Это необъяснимо – родство наших душ. Мы редко видимся, но Светлана, как сестра, как ближайшая родственница по человечности, душевности и по творчеству.

Книга «Россыпи души» с чудным портретом Светланы – необыкновенной красавицы – мой частый остров обитания. Подназвание книги: «Притчи для мудрецов». Когда я впервые увидела книгу, мои брови поползли вверх от изумления, ведь одна из моих 19 книг называется «Праздник мудрецов» (эпистолярный роман, повести и рассказы).

Доброта и любовь – основной мотив книги «Россыпи росы». Одна из притч называется «Волшебная книга», и поистине весь сборник проникнут торжеством волшебства, «где слово за слово в цепочку складывается, как следок за следком»...и каждый читатель пусть выбирает себе притчу из любого раздела: «На понимание», «На счастье», «На любовь», «На улыбку».

Книга «Россыпи росы» издана в 2013 году (Москва – Братислава).

Она переведена на словацкий язык Инной и Ростиславом Горватовыми и предварена словами благодарности известного критика и литературоведа Льва Анненского: «За такой гимн любви (это сказка о Ели и Кедре) – далёкий от традиционных славословий и проникнутый настоящим – моя глубокая Вам благодарность!» Он благодарит за тепло и доброту автора, утончённое пение души, изящество слога.

И вот беру я в руки вторую книгу «101 иероглиф на воде» и снова удивлённо качаю головой. Поэтические строки о счастье, умиротворении, любви, блаженстве, радости сочетаются с фотографиями берега реки, озера, моря.

Как люблю я смотреть на воду, ощущать глубину, движение, наслаждение в жаркие летние дни погружения в неё, живя так долго у моря, ощущая его живительную силу, которая позволила написать две книги о Калининградском морском канале, о «Водных путях» Янтарного края, о морях, лоцманах, портовиках, маячниках, гидростроителях и других профессиях, связанных с морями и реками.

А Светлана в своей книге предстаёт поэтом-философом, призывает любить и уважать воду, быть ей благодарными, замечать, как прекрасна земля, отражающаяся в воде, как сверкают серебром маленькие волны под лучами солнца, как под лёгким дуновением ветра качаются нежные цветы, как идёт своя жизнь в глубине воды:

Тонет туман в необузданном мареве света.
Рыба в безмолвии утра играет, блестя.
Как бы дыханьем своим не спугнуть!

Чудесная книга Светланы Савицкой «101 иероглиф на воде», 2015, Москва-Париж – Токио – состоит из 101 трехстишия, созданного в традициях японской философской поэзии Басё. Книга прекрасно иллюстрирована фотографиями берегов рек и озёр. По словам автора, сборник является творческой благодарностью на совместную книгу с Атанасом Ванчевом Де Траси «Божественное достоинство глагола» и ответом на сенсационное исследование снежинок Масару Эмото, описанное в книгах «Энергия воды» и «Послание воды».

Солнце забилось в ладонях реки пойманной рыбкой,

Мечутся листья, от веток хотят оторваться.

Сердце моё застучало. Вырваться хочет из рёбер.

Это трехстишие под названием «Солнце» открывает раздел книги «Весна». «Каждое трехстишие, – пишет в предисловии к книге Масаи Наоки, работавший при посольстве Японии в Москве, – филигранная снежинка, которой нет и не будет повторения. Божественный принцип восприятия мира, подобно великим японским мастерам короткой поэзии триединства: природа – художник – поэт, – впервые дополнен чисто русским глубинно-философским принципом любви и понимания».

Вода обладает мощными целительными свойствами. Она связующее звено между духом и материей. Мы можем исцелить планету и себя, произнося слова любви и благодарности.

Трехстишия опубликованы на русском и французском языках.

На каждой фотографии сборника японскими иероглифами начертаны прекрасные словоассоциации с поэтическими строками Светланы Савицкой: счастье, любовь, блаженство, мудрость.

Таким образом, читая книгу, вы напитываетесь красотой природы, поэзии и философии.

«Джуна. Одиночество солнца». В этой книге собраны тайны жизни, творчества и научной практики уникального феномена необузданной, нереальной, талантливой Джуны. Почему Джуна никогда не горевала о дочери, о потере близнецов? Почему так фанатично любила сына? Кто такой Давиташвили, и был ли он на самом деле? Какое в действительности базовое образование почетного академика 132 академий?

На эти и другие вопросы ответы в книге Светланы Савицкой.

Кто бы мог подумать, что жизнь такой знаменитой женщины столь трагична...» – так написало издательство о Светлане и её книге о Джуне.

Мне посчастливилось прочесть новую книгу Светланы Савицкой «Ляпко. Волшебство аппликатора». Она написана прекрасным языком и читается на одном дыхании, ведь здесь рассказывается о продукции «Разноогольчатые аппликаторы», о том, как они помогают людям обрести утраченное здоровье. Аппликаторы Николая Григорьевича Ляпко отмечены на разных уровнях дипломами международных академий естественных и медицинских наук разных стран и континентов. Книга рассказывает и о самом изобретателе. Живо описан его характер и люди, с которыми он работает, от начинающих спортсменов до таких звезд, как Валентин Дикуль, прошедший непростой путь от атлета до директора нескольких видных медицинских центров, и Дмитрий Халаджи, поднимающий одним пальцем пианино. Показан опыт использования аппликаторов Михаилом Ножкиным, Джуной, Никасом, Николаем Дроздовым, Николаем Сличенко и другими друзьями воистину народного целителя. Н.Г. Ляпко – человек уникальный. Это врач-иглорефлексотерапевт высшей категории, мануальный терапевт, человек, который сумел соединить в единое целое богатое наследие медицины прошлого и результаты личного опыта и собственных наблюдений. Великий учёный и врач Абу Али Ибн-Сина, которого в Европе называли Авиценна, обладал редким даром – находить в прошлом идеи, способные служить будущему. Истоки его взглядов на здоровье восходят к вершинам медицины классической культуры. Ибн-Сина говорил, что наука открывает своё лицо лишь тому, кто целиком посвящает себя ей с чистым разумом и ясным пониманием, тем, кто, засучив рукава, бодрствует ночи напролёт, утомлённый рвением, тем, кто добивается своей цели, шаг за шагом поднимаясь к вершинам знаний.

Таков и Николай Григорьевич Ляпко. Он осмыслил исторический опыт врачей древности и средневековья в области сохранения здоровья и творчески развил его, добавив свои совершенно новые, оригинальные открытия. Он мудрый руководитель, прекрасный отзывчивый человек, президент

МПК «Ляпко», лауреат международных наград. Ляпко награждён медалью имени Швейцера, великого врача и гуманиста. И когда мне довелось лично поблагодарить гениального Николая Григорьевича за его аппликаторы, увидела, что это скромнейший человек.

Светлана – организатор и меценат фестиваля в Балашихе «Экологическая Сказка». С 1 июня 2006 года в Балашихе открыт музей Сказок Светланы Савицкой. Её международная миссия в организации и активном участии мостов дружбы между литературными сообществами: Сербия-Россия, Германия – Россия, Израиль – Россия, Франция – Россия, Украина – Россия, Греция – Россия, Америка – Россия, Болгария – Россия.

Она член жюри Международного Фестиваля-конкурса «Открытая Европа».

Член Всероссийской общественной организации Героев, Кавалеров Государственных наград и Лауреатов Государственных премий «Трудовая доблесть России».

Конкурс Национальная Литературная премия «Золотое перо Руси» стал не только одним из самых популярных, но справедливо признан элитарным среди писателей русскоязычного мира. Оргкомитет конкурса по праву считается венцом содружества писательских и творческих союзов планеты. В современной России, впервые за многовековую историю русской литературы учреждена единственная литературная премия, которой награждаются литераторы, независимо от их места жительства и гражданства, создающие произведения на русском языке.

Такие уникальные гости: Светлана Савицкая и Александр Бухаров, – встретились 6 июля 2016 года в библиотеке №4 имени космонавта А.А. Леонова в Калининграде с авторами и читателями литературного журнала «Берега». Александр Бухаров кратко остановился на истории возникновения национальной литературной премии «Золотое перо Руси», а Светлана Савицкая рассказала о своих книгах, прочла притчи из совместной книги с художником Никасом Сафроновым «Энергия Вселенной». Великолепно изданная книга в золотой коробке стала подарком библиотеке имени космонавта Леонова.

Министерство культуры России не видит, не замечает тех, кто служит своим творчеством Отечеству, кто несёт государствосберегающую миссию, и поэтому очень много значит внимание, поддержка, приходящая от Международной Национальной литературной премии «Золотое перо Руси». Оказанная честь чрезвычайно важна для награждённых, так как это признак того, что творцы по всей России, по ближнему и дальнему зарубежью заслужили уважение людей, которые так много делают для поддержания высокого уровня культуры, литературы, искусства на русскоязычной планете.

Сам факт получения награды писателем или музыкантом очень важен, как и возможность продолжать заниматься тем, что мы считаем необходимым для Отечества – утверждать величие и высокую духовность нашего народа, его великую культуру и национальные духовные традиции.

Задачи сегодняшнего и завтрашнего дня требуют ярких, целеустремленных личностей в русской культуре и литературе для их решения, и есть только один путь создать их – через общественную поддержку писателей, художников, музыкантов, работников культуры, стоящих на позициях любви к Родине, кто своим творчеством строит и возрождает честную, интеллектуальную, нравственную Россию.

Светлана Савицкая в книге о Николае Ляпко написала: «Глаза волшебников – не зеркало души, а зеркало времен. Заглядывая в них, любой может найти ответы на те вопросы, которые не задал бы никогда и никому, кроме как только лишь им, избранным кем-то, избранным для него». Эти слова в полной мере относятся к ней самой. Волшебники обладают сверхспособностями, а у Светланы их не меряно: не только талант слова, но и талант общения, обаяния, артистичности, музыкальности. Она «ненаглядная певунья», она поднималась ввысь на воздушном шаре, объехала полмира, она умеет выращивать розовые кувшинки, ёжики на её даче сами идут к ней в руки и берут из них еду. Она любит кошек и лошадей, её куклы полны очарования, она великолепно танцует, снимается в музыкальных клипах, у неё блестящие, изысканные наряды – всего не перечислить. И при этом она мать троих прекрасных детей, бабушка замечательных внуков, и всем она умеет внушить любовь к себе, уважение, родственность душ.

Литературная общественно-значимая акция «Общая гордость, общая память. Калининград – Липецк. Имена героев на карте Родины»

Сыновья Липецкой области проявили мужество и героизм и пали смертью храбрых в Восточной Пруссии в 1945 году. Это Герои Советского Союза: С.И. Гусев, С.С. Гурьев и С.К. Нестеров. Их именами названы три города в Янтарном крае.

Нам есть что делать, у нас ежедневные заботы, но мы, писатели Калининградской области, приехали в Липецкую область по зову души, чувству долга – поклониться земле, где родились герои. Мы поехали с миссией – продолжить литературную общественно-значимую акцию «Общая гордость, общая память. Липецк – Калининград», которую мы начали в 2017 году в Гурьевске Калининградской области в честь Героя Советского Союза С.С. Гурьева. А теперь мы начали её второй этап – в честь 100-летия со дня рождения Героя Советского Союза Сергея Ивановича Гусева.

Липчане пригласили трёх человек: Анатолия Мартынова – писателя и поэта, руководителя литературной студии «Эклога», поэта и прозаика, автора философского романа «Озеро забвений» Евгения Журавли и меня, главного редактора журнала «Берега».

Мы благодарим Валентина Анатольевича Баюканского, председателя писательской организации «Воинское содружество» из Липецка, автора идеи литературной акции, его сподвижников: Павла Владимировича Кузовлева, Алексея Алексеевича Никулина, читавшего стихи о Гусеве, Александра Михайловича Андрееенко, автора венка сонетов «Венок дорог», поэта Николая Николаевича Калтыгина, поэта Наталью Ушакову, управление по культуре Липецкой области – за приглашение и за возможность поклониться Липецкой земле, познакомиться с её достопримечательностями.

Город Лев Толстой

Остаповский меридиан, ставший порогом вечности для гениального писателя Льва Николаевича Толстого. Музей с прекрасными экспозициями и оформлением цитатами гениального писателя и его фотографиями. Личный дневник его с наблюдениями за собой со стороны, его последние строчки, написанные здесь, на станции Астапово, последней станции его жизненного поезда.

Как-то особенно прочувствованно вспоминается его известная цитата: «Делай, что должно, и пусть будет, что будет!»

В его последние минуты жизни он водил слабеющей рукой по одеялу, как будто ещё что-то хотел написать, может быть, вспоминал своего деда Волконского, ставшего прототипом Андрея Болконского. В музее портрет Волконского, портрет матери писателя, когда она была ещё девочкой. Все женские образы Льва Толстого носят черты матери.

«Я был бы несчастным, если бы не определил цели – писать для народа», – встречаем в музее его цитату из дневника.

Женившись в 34 года, Лев Николаевич был счастлив: дети, смена времён года, охота, близость к природе, и затем кризис, отпадение от православной церкви. Хотел на Кавказ, где был в годы своей молодости, купил билет до Ростова-на-Дону. Пассажирский поезд № 812. Все мы пассажиры в этой жизни. Сейчас на этой станции не проходят поезда. Часы на вокзале остановлены на времени 18:05 – время ухода Льва Николаевича в мир вечности, но он оставил нам своё завещание: «Твори дела любви, и для тебя не будет смерти!»

И не умрёт в нас память о русском гении.

Огромное спасибо заведующей филиалом государственного музея Льва Толстого – Раисе Николаевне Крыловой за незабываемую экскурсию.

В городе Лев Толстой мы посетили Музей истории Православия, Краеведческий музей, Картинную галерею, где представлены работы И.А. Сысоева и его жены Н. В. Скорубской, Леонида Завадовского, писателя и художника, Музей спорта.

А потом была библиотека, где встретились с учениками школы. Они хорошо знают автора нашего журнала «Берега», поэта Павла Кузовлева, уроженца Льва Толстого. Он рассказывал, как, приехав в прошлом году к нам в Калининград, когда мы пошли в Музей янтаря, был как-то по-особенному счастлив, увидев янтарный портрет Л.Н. Толстого, почувствовал себя как дома.

Сердечная благодарность Татьяне Федоровне Павловой, руководителю отдела культуры муниципального района Льва Толстого, всем, кто показывал и рассказывал о духовной составляющей этого уголка России – наша бесконечная признательность за встречу и экскурсии.

Поэт Николай Калтыгин отметил, что, к сожалению, война зла и добра продолжается, но культурный пласт человечества не даёт нам скатываться к мировой войне. Её не будет, если мир будет читать, а тем более Льва Толстого, вставшего на пути духовного оскудения человечества. Благодарю газету «Народное слово» Лев-Толстовского муниципального района за внимание к нашей акции: <https://narodnoeslovo.ru/общую-память-гордо-храним/>

МБУ Лев-Толстовская ЦБС : <http://www.levbiblioteka.ru/>

Лебедянь

Юрий Петрович (простите, не записала фамилию) проводит для нас экскурсию, и мы отправляемся к тому уголку Лебедяни, где разбросаны следы блестящих русских писателей: Михаила Булгакова, Евгения Замятина, мы видим, что дома, где они жили, обозначены мемориальными табличками. Здесь Андрей Белый в 30-е годы прошлого века проводил медовый месяц.

Москвичи приезжали сюда в летние месяцы на отдых на берегу Дона, и к поезду подъезжали мужчины с лошадьми, подвозили к своим домам на постой гостей. А сами хозяева жили на чердаке, стараясь угодить вкусными обедами отдыхающим. Портнихи Лебедяни шили платья для приезжих модниц. Мужчины ходили в белых брюках, льняных рубахах и в шляпах. Булгаков с Замятиным встречались и уважали друг друга. Вот дом, где жил Замятин. Под липой пили чай, когда приезжал к нему художник Кустодиев.

Всегда сады ломились от яблок. Это был товар на ярмарках, проходивших в Лебедяни три раза в год. Одну из таких ярмарок описывает И.С. Тургенев в рассказе «Лебедянь», вошедшем в сборник «Записки охотника».

Как заметил Евгений Иванович Замятин, «воздух – как парча – весь расшит запахами яблок разных сортов... Солнца столько, что дай Бог всякому Коктебелю...»

Мы двигаемся по улице Дворянской, чтобы достичь ворот Свято-Троицкого монастыря, где упадёт на нас благодатная тишина среди роз, виноградников, ухоженных цветников, деревянных и гипсовых скульптур. Монастырь возник на месте Яблоневого поляны. Основан он несколькими монахами, пришедшими из Ельца, в 1621–22 году. Лебедянь стал не только экономическим, но и духовным центром края. Здесь предпочитали растительную пищу, калачи, которые здесь пекли, были с ручкой. Калач съедали, а ручку оставляли в специальном ящике для сухарей. И если случались трудные времена, то уже и ручку съедали, вот откуда возникло выражение – дойти до ручки, то есть испытывать сложное положение.

И о Евгении Замятине. 29 сентября исполнилось 30 лет со дня выхода его романа «Мы» в России, и писатели Липецкой области собрались, чтобы поделиться своими мыслями о романе. В Липецкой области учреждена медаль Евгения Замятина, горжусь ею и благодарна липчанам за эту высокую честь.

Здесь бывал поэт Кольцов, в ссылке жила Мария Скрябина, сестра композитора. И незабываемая встреча с творческими людьми в детской музыкальной школе имени К.Н.Игумнова. Снова низкий поклон всем жителям Лебедяни за сохранение русских культурных традиций.

И спасибо информационно-краеведческому portalу «Лебедянь» за материал о нашей акции: <http://www.lebedyan.com/novosti/kultura-novosti/kaliningradskie-literatory-posetili-lebedyan/>

Задонск

Узнав, что у нас в плане пребывания в области посещение Задонска, я заволновалась. Тихон Задонский – один из любимых моих святых. А святые – «это высший цвет человечества» (Н.С. Арсеньев). Тихон Задонский всё раздавал бедным. К нему приезжали с подарками и деньгами старшины донских казаков, люди благородного сословия, купцы, и они одаривали Святого одеждой, продуктами питания, деньгами. Всё Тихон Задонский раздавал бедным и неимущим, покупал для них по возможности и лошадей, и семена, и одежду, и обувь, даже избу мог купить, корову, кафтаны, холсты. Но главное, что каждому находил слова утешения.

Творческая встреча в Лебедяни

*Выступление перед школьниками
в библиотеке Льва Толстого*

Свои стихи читает поэт Анатолий Мартынов

*Фото на память в редакции журнала
«Петровский мост»*

Выступает поэт Евгений Журавли

*В гостях в гончарной мастерской.
г. Задонск*

фото на память в городе Лев Толстой

Свято-Троицкий монастырь. Лебедянь

*На площади Героев у памятника С.И. Гусеву.
г. Липецк*

*Вручение подарков на память
в Липецкой областной научной библиотеке.
Валентин Баяканский и Лидия Довыденко*

Выступление в Елецкой библиотеке

Сначала мы отправились в краеведческий музей, где его заведующая провела нам вдохновенную экскурсию. А.С. Пушкин в Задонске останавливался и отведал ухи из бирюка, рыбы, научное название которой – ёрш-носач. Это была великолепная уха, говоря современным языком – фирменное блюдо Задонска. Также известно задонское царское варенье из крыжовника, внутри ягоды – орешек, и мочёные яблоки, которые тоже очень любил Александр Сергеевич.

Но что меня поразило, потрясло – вещи в музее из дома Марии Фроловой, матери 8-х сыновей, погибших в Великой Отечественной войне. Читала о ней, знала, но не помнила, что она из Задонска. Здесь и памятник ей среди восьми стел с именами сыновей. Муж её очень любил, доказывая свою любовь тем, что мыл ей ноги, заботился. Умер накануне войны, а она пережила жизнь своей дочери, и только одна дочь оставалась, чтобы похоронить эту русскую мать восьми героев.

«Есть искра, чтобы взойти на костер» (слова Евгения Журавли) духовности и нравственности.

Уникальная гончарная мастерская предоставила возможность присутствовать при рождении чуда – появление глиняного сосуда под руками гончара. Чудные дары нас ждали здесь: постижение философии русской светёлки с печью, самопрядками, большим гостеприимным столом с изделиями задонских гончаров. Привезла я на память из этой мастерской глиняную кружечку и птичку-свистульку, очарованная красотой задончан.

И вот мы в Рождество-Богородицком монастыре – святая святых Православия, духовной жизни России. Кланяемся иконе Тихона Задонского, а в Зимнем храме потрясает его иконописный портрет во весь рост, дивной красоты глаза, глядящие ободряюще тебе в душу.

Потрясённые и благобно наполненные мы идём в библиотеку. Выступления и встречи с творческими людьми как-то особенно светлы, тем более в тот день к нам присоединилась поэт Наталья Ушакова, которая пела под гитару песни на стихи липецких поэтов.

Елец

Он мне был уже частично знаком, благодаря тому, что здесь живёт член редакционного совета журнала «Берега», многогранный прозаик и музыкант группы «Червлёный яр», архитектор Александр Новосельцев. Вот Вознесенский собор, где крестился Валентин Распутин, здесь любит бывать писатель Виктор Лихонос. Мы посещаем музей Тихона Хренникова в доме его родителей, памятник ему у дома и кланяемся его могиле.

Елец – действительно город воинской славы. Он дал миру 16 Героев Советского Союза и Героев России.

Елец – город писателей, с ним связаны судьбы Ивана Бунина, Михаила Пришвина, Василия Розанова и многих-многих других известных литераторов. В этот раз не удалось побывать в музее Ивана Бунина, но я помню его и вспоминаю, что роман «Жизнь Арсеньева» назван в связи с дружбой писателя с Натальей Сергеевной Арсеньевой, которая до войны в эмиграции вместе со своими братьями и сестрой жила в эмиграции в Кёнигсберге. Дом сохранился в сегодняшнем Калининграде, это улица Чапаева, дом 3.

А также нельзя не отметить, что с Ельцом связано имя русского философа Сергея Булгакова.

Снова встреча в библиотеке, выступления калининградцев и ельчан, их гостеприимство и доброжелательность, и с признательностью поздним вечером прощаемся с городом кружев и елецкой гармонии.

И ещё я люблю Елец за то, что в нём живет Александр Новосельцев. Уже дома я снова листаю трёхтомник его прозы. Всё, что ни делает этот безбрежно творческий человек, это, говоря его же словами, все освящено «чувством всеобъемлющего счастья»: когда творишь, «исчезает граница твоего собственного мира, ощущения, а существует только чувство единства со всем миром». Это его «земная философия». Я думаю, что это чувство всем нам знакомо, только выразил его прозаик из Ельца, где каждый камень, каждая травинка дышит землей Ивана Бунина. «Такое бывает, – продолжает Александр, – когда поёшь песню – не просто так, а когда её ждут, или ты вдруг осознаёшь, что её готовы принять слушающие. Такое у меня было не раз, и это чувство единства с окружающей природой, миром слушающих людей – оно приподнимает тебя, поющего, и всё вдруг исчезает, и есть только большой мир – единый миг истории...»

И спасибо коллегам с телевидения Ельца, которые посчитали необходимым познакомить своих зрителей с частью акции «Общая память, общая гордость».

Липецк

Третий день нашего погружения в духовную жизнь Липецкой области. С утра мы едем на площадь Героев. Здесь нас встречает Герой Советского Союза – лётчик Юрий Иванович Чурилов, получивший высокое звание в 1984 году за освоение вертикального взлёта на «Як-38». Возложение цветов у Вечного огня, у стелы в честь 202 Героев, уроженцев Липецкой области. Мы фотографируемся у барельефных портретов тех, чьи имена звучат в названии городов в Калининградской области: Гусев, Гурьевск и Нестеров.

Отъезжая от площади Героев, мы увидели, как на пост Почётного караула у Вечного огня стали липецкие школьники.

Наши книги из Калининградской области, журнал «Берега», печатно-сувенирная продукция, которая с уважением подарена нами от лица Министерства культуры и туризма Калининградской области, остались в библиотеках музеев, школ и во всех местах наших встреч. Мы побывали в Липецкой военно-исторической библиотеке имени лётчика, Героя Советского Союза М.В. Водопьянова, где представлены также книги писательской организации «Воинское содружество» во главе с Валентином Анатольевичем Баюканским, организовавшим наш приезд в Липецк. Большое спасибо заведующей библиотекой Галине Михайловне Матюниной за тёплый приём и прекрасную выставку книг с материалами о Героях Советского Союза: Гусеве, Гурьеве и Нестерове. С интересом прочла о том, что у Гусева было два сына, один из них никогда не видел отца, родился после того, как, выписавшись из госпиталя, капитан Гусев заехал домой к жене и матери повидаться на один день. А дальше Восточная Пруссия и героическая смерть.

Огромное спасибо за встречу с коллегами липецкого журнала «Петровский мост». Главный редактор Игорь Безбородов, несмотря на свою занятость, смог рассказать о журнале, подарить нам последние выпуски и договориться о взаимном сотрудничестве. Здесь я с радостью познакомилась, наконец, вживую, зная её лишь по публикациям, с Эммой Меншиковой – поэтом и журналистом, автором многих поэтических сборников и лауреатом литературных премий.

Приятно было увидеться с Владимиром Михайловичем Осиповым, журналистом, который 10 лет работал в СМИ в Калининграде: «Янтарный край», «Калининградская правда», газета «Вперёд» завода «Янтарь».

Горячо нас встретила журналист «Радио России. Липецк» Галина Кислова – автор программы «Тёплые встречи». С ней мы уже связывались по телефону в прошлом году, когда Галина рассказала в своей передаче о первой части акции «Общая память, общая гордость». А ещё мы с ней знакомы по встрече в Ростове-на-Дону, где были удостоены первых мест в разных номинациях журналистского конкурса «Слава России» в 2014 году.

Наша поездка завершилась выступлением в областной научной библиотеке.

<http://lounb.ru/actions/tvorcheskaya-vstrecha-kaliningradskikh-i-lipetskikh-pisatelej>

Липецкие берега были неоднократно представлены в литературно-художественном журнале «Берега»: это писатели и поэты Геннадий Рязанцев, Александр Пономарёв, Андрей Новиков, Валентин Баюканский, Павел Кузовлев, Александр Андреев. Они были награждены грамотами журнала «Берега». И я безбрежно признательна за неожиданную честь – получить медаль Евгения Ивановича Замятина от Липецкого отделения Союза писателей России.

Заведующая библиотекой Лариса Владимировна Паненкова приветствовала нас добрыми словами, дарила нам своё внимание и гостеприимство.

Такие встречи, литературное братство во имя памяти и сохранения лучших духовных традиций нашего народа рожают новые образы, новые идеи, новые слова, которые, думаю, упали в наши сердца и сердца тех, с кем провели мы прекрасных три дня на Липецкой земле.

Берега наследия

Юрий Кузнецов

Из огромного наследия Ю.П. Кузнецова особняком стоит его преподавательская деятельность. Кузнецов был не только гениальным Поэтом, но и Учителем, Мастером.

Его семинары никого не оставляли равнодушным. Были в них и великолепные импровизации, и глубоко обдуманные, выстроенные откровения, был поиск. С ним можно было соглашаться или не соглашаться, но нельзя было отсиживаться. Они заставляли человека самоопределиться. Поэтому из семинара либо сразу уходили, либо шли за ним до конца, заряжаясь его творческой мощью и отвагой. Он заставлял думать, творить. И в то же время все его темы очень много дают для понимания

творчества самого Поэта. В том, как он показывает тему, как постепенно раскручивает, затрагивая и фольклор, и мировую поэзию, виден индивидуальный творческий метод.

Это раздумья Мастера, которыми он умел щедро делиться. Я не вправе ничего менять.

Темы идут в том порядке, как давал нам их Юрий Поликарпович. Вечные темы поэзии, темы импровизированные, вызванные нашим творчеством. Мне кажется, все они – великое наследие, оставленное нам Учителем.

Марина Гах

Тема лекции «Слава»

Слава – это слово. Слово первично относится к Богу. Пословица: «Мир людям на земле, слава Богу на небесах». Литургии, богослужение – это обращение к Богу. Это слава. Вспомним Сапфо (УП век до н.э.):

Близ Луны прекрасной тускнеют звёзды,
Чтоб она одна Земле светила полной славой.

Слава как сияние. В русском народе мало о славе сказано, это свидетельство того, что русский народ мало обращал на это внимание. Бытовое снижение этого понятия – молва, слух. Вот надпись на стеле, посвященная спартанцам:

Неугасающей славой покрыв дорогию Отчизну...

.....
Но не умерли, Слава ввысь воспарив,
Вынесла их из Аидовой тьмы.

Слава – вечность, сиянием доблести победила «смерти чёрное облако». Слава в Греции – не только воинская доблесть. Возьмём «Победителю на Олимпийских играх» – здесь идёт снижение славы на уровень молвы. Например, у Полонского в «Трое»:

Ты зришь Илион, гремящий некогда славой...

.....
Но в песнях Гомера всё я стою нерушимо,
Ведь у Эллады детей вечно я буду в устах.

Слава как Слово, что задержало что-то в памяти навечно.

Вот Эрини – крупный венгерский поэт, представитель барокко 1620–1664 г. Его стихотворение «Время и слава»:

Время на крыльях летит,
Ты его не повернёшь.

В мире не подчинено,
Времени только одно -
Только лишь слава одна.
Трон её неколебим.

Будет земля подо мной,
и небосвод надо мной.

(Он показал местоположение славы).

У М.Обица (1639 год) в стихотворении «Погибшая Греция»: «Есть слава, счастья нет».
Римляне говорили: *SIC transit gloria mundi* – Так проходит мирская слава.
Педро Кальдерон, ХУП век: «Презрение к славе». Философ о великом Александре:

Не человек он разве?
Может ли сделать цветок простой?
И хвала, и величье, и слава,-
не превышают предела человеческой сути.

Ещё один тип славы – слава Герострата: 600 лет до нашей эры. Сжѐг храм Артемиды в Эфесе в день рождения Александра Македонского. Несколько веков его имя запрещали упоминать, но после всплыло. Геростратова слава – прославиться любым способом.

Катулл. Говорит, как власть имеющий, владеет живым словом:

То-то чёрная желчь, злосчастный раввин,
бессмертным будешь.
Отбивал у Катулла подружку.

Русские пословицы говорят о славе, слухах и молве:

«Богу хвала, а добрым людям – честь и слава».
«Слухом земля полнится».
«Добрая слава далеко ходит, а дурная – дальше».
«Грех – не беда, молва не хороша».
«Молва людская, что волна морская».
«Собака лает, ветер разносит».
«Деревня переехала поперек мужика». *(Пластика образа)*

Джон Китс о славе: «Она цыганка, и рабой пойдет, быть может, за тобой.»

Михаил Булгаков в романе «Мастер и Маргарита» – поэт Рюхин определяет славу: «Пушкину повезло».

Александр Пушкин – много писал о славе. «Памятник» – вплотную к современности. «Разговор книгопродавца с поэтом».

Михаил Лермонтов: «Журналист, читатель и писатель». «Ангел»: «О Боге великом он пел, и хвала его непритворна была.» О поэте: «Он даром славы не берет».

Пушкин: «Блажен кто, молча был поэт, И терньем славы не увенчан» .

Книгопродавец:

Что слава? – Яркая заплатка
На ветхом рубище певца.
Нам нужно золото, золото, золото
Копите золото до конца.

Понятие славы выродилось. Категория серьезная, хотя присутствует презрение к славе, но в пределах человеческой сути, кто это ощущает, тот – мудрец.

Тема Славы соприкасается с темой Памятника.

Гораций «К Мельпомене»:

Создал памятник я, бронзы литой прочней,
Царственных пирамид выше поднявшийся.

Считается, что Державин создал вольный перевод, но это традиция.

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов твёрже он и выше пирамид.
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полёт его не сокрушит.

Так! – весь я не умру; но часть меня большая,
От плена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастёт моя, не увядая,
Доколь славянов род Вселенна будет чтить.

Пушкин убирает привязку к национальности, создаёт размах Вселенной: – «Хоть один пиит».

Сергей Есенин: «Мой путь» (1925): «Пускай я умру – не ставьте памятник в Рязани!» Николай Рубцов даёт шуточный отклик: «Мне поставят памятник на селе,/ Буду я и каменный навеселе».

Ярослав Смеляков, его «Памятник» – в художественном отношении слабо. Серьёзно говорит дикое вещи, не пародия.

Анна Ахматова в «Реквиеме»: «Муж в могиле, сын в тюрьме./ Помолитесь обо мне». Плохо то, что в контексте Богородица. На Голгофе все смотрели на Христа, а на неё посмотреть не посмели – поэтическая загадка. Раз страдает, Мать Христа проецируется на Ахматову, но здесь не укрупнение, это не традиция Горация, а забота о личной славе. Всё разрушается. Проходит земная слава. Разговорное – «Слава Богу!» – духовный упадок, суесловие.

Слава незыблема. Она редко бывает при жизни. У Есенина, Горького – при жизни, у других – рекламная слава. Известность в малых слоях – не слава.

Берега истории

Княгиня Вера Дмитриевна Лобанова-Ростовская

О российской трагедии XX века. До и после 1917 года. Записки матери
(1903. Санкт-Петербург -- 1921. София)

Екатерина Фёдорова

Образ «Мамá» в романе Веры Дмитриевны Лобановой-Ростовской
«О Российской трагедии. До и после 1917 года»

Продолжаем публиковать фрагменты документального романа-эпопеи – впервые на русском языке.

Перелистывая страницы романа княгини Лобановой-Ростовской, посвящаем данный фрагмент образу «Мамá» – матери автора романа. Она именуется «Прасковью Васильевной» или «Полín» в юности. Удалось дешифровать псевдоним. Это Ольга Александровна Леонтович (1839–1922), в замужестве Калиновская.

Она была дочерью потомственного моряка, капитана II ранга морского флота Александра Константиновича Леонтовича. Это историческое лицо. Известен, как член экипажа капитан-лейтенанта Михаила Николаевича Станюковича, в 1826–1829 совершившего кругосветное плавание на шлюпе «Моллер» для исследования берегов Азии и Америки. Александр Константинович Леонтович – внук адмирала и морского министра Российской империи в 1811–1828 гг. маркиза Ивана Ивановича де Траверсе, в своё время бежавшего в Россию от французской революции.

Супруга А.К. Леонтовича, мать героини – княжна Ольга Ивановна Кропоткина, двоюродная внучка Светлейшего князя Петра Васильевича Лопухина.

Представительница старинного русского дворянства, Ольга Александровна наблюдала помещичью и крестьянскую жизнь середины XIX века, общественные перемены 60-х гг., эпоху Русского модерна, Первую Мировую, Октябрьский переворот, гражданскую войну и Красный террор, эмиграцию. Она родилась в имении отца Хорошево Екатеринославской губернии (ныне Днепропетровская область) и первые годы жизни была счастливым ребёнком счастливой семьи. Но обстоятельства оставляют её на попечение «деда Рокотова», подлинное имя которого князь Иван Алексеевич Кропоткин. Горьким оказалось её детство в одном из имений деда – кавалергарда, отставного ротмистра, неоднократно отмеченного наградами «за храбрость» в военных сражениях. Здесь Ольга – или «Полин» в романе – познала отрицательные стороны помещичьего уклада, домашний деспотизм, который при желании не видел границ и пределов, и также беззащитность и зависимость его жертв. А она оказалась такой жертвой безжалостной тётки. Её жалели и сочувствовали ей «добрые дядюшки», Н.М. Княжевич и Н.А. Бутурлин. А спасла «добра тётушка» – кузина деда, графиня Ольга Ржевущкая. На пределе необратимых нервных потрясений личности девочка была отправлена в Киевский институт благородных девиц, который окончила в 1858 году. Испытания не ожесточили её доброе сердце, но сделали Ольгу Александровну зоркой ко всякому личному несчастью и общественной несправедливости, обострили её проницательность по отношению к людям и истинным пружинам их поступков.

Миф о «поверхностном образовании» институток, выгодный в советское время, сейчас, думается, сильно поколеблен новейшими исследованиями об учебных программах, педагогах и профессорах университетов, часто приглашавшихся для чтения лекций благородным девицам. Ольга Александровна вдумчиво слушала лекции профессора истории В.В. Шульгина, и вынесла для себя заключение о многих роковых неурядицах русского общества, чреватых для России дальнейшими тяжёлыми бедами – тут её проницательность оказалась права. Она по убеждениям на всю жизнь осталась сторонницей реформ Императора Александра II, даже «шестидесятницей». Что было нехарактерно для среды аристократок её эпохи. Можем называть, например, имя ровесницы Ольги Алек-

сандровны – первой прогрессистки России, и тоже с французскими корнями, Марии Васильевны Трубниковой (1835–1897) – дочери декабриста Ивашева и француженки Ледантю, потомка старых дворянских семейств Ивашевых-Толстых-Тургеневых. Но в то время таких женщин, сознательно выработавших систему взглядов и обладавших пониманием общественной ситуации – единицы.

Полюбив русского учёного, профессора (имя его скрыто), Ольге Александровне не суждено было достигнуть берегов личного счастья. Её матушка Ольга Ивановна не дала состояться счастливому союзу, полагая занятия наукой – делом недостойным для дворянина. Несчастливая «Полин» повиновалась, понимая всю косность подобных убеждений. Подчинилась религиозно – из почтения к родительнице, но не интеллектуально. А вот подобная косность в среде дворянства как раз бывала не редкостью. Вспомним диалог матери Ивана Сергеевича Тургенева с молодым писателем: «А я так постичь не могу, – почти с презрением начала Варвара Петровна, – какая тебе охота быть писателем? Дворянское ли это дело?.. Что такое писатель? По-моему, *écrivain ou gratte-papier est tou un!* [*Писатель и тисец одно и то же!*] И тот, и другой за деньги бумагу марают... Дворянин должен служить и составить себе карьеру службой, а не бумагомаранием»¹.

Брак по выбору матери оказался для Ольги-«Полин» несчастлив. И жизнь жестоко показала несостоятельность консервативного мнения: профессор стал деятельным человеком, добился удачной карьеры. Помещик Дмитрий Иванович Калиновский, будучи человеком добрым, но не сильной воли, не нашёл себе удачного места в жизни... Ольге ли Александровне было не знать о недостатках своей среды! Не только о достоинствах, о которых она с удовольствием и пространно вспоминает. Таким образом, в героине есть сила характера и мужество видеть и дурное, и хорошее, а также – *предвидеть* грядущее.

Дочь «Наташа», то есть Вера Дмитриевна, автор романа, стала её прибежищем, спасением и самым близким другом. «Наташа» отвечала горячей взаимностью. И глубокую веру, противостоящую всем обстоятельствам страшного времени, Вера Дмитриевна впитала от матери. В самые тяжёлые моменты их горькой судьбы, когда уж никто не понимал веры «Наташи» в помощь небесных сил и старческое напутственное слово, когда она и сама начинала колебаться «нелепой вере» словам «простого крестьянина», «Болящего Иоанна», одна Мамá непоколебимо поддерживала свою дочь. Поражает долготерпение, кротость, с которыми восьмидесятилетняя Ольга Александровна переносила тяготы быта при Красном терроре, да и сам побег, да нужно добавить, с достоинством и великодушием к окружающим.

Прожившая долгий российский век, Ольга Александровна даёт интереснейший и объективный анализ на описанные в романе страшные «текущие события», видя их закономерность в тяжёлых изъязвах современного ей общества Российской империи. Ценность рассуждений подчёркнута документальным устройством романа. События в нём опираются на конкретные даты. Реплики героев, некогда зафиксированные в дневнике, непосредственно вслед за их произнесением, вписаны в роман в «первозданном виде», в форме диалогов. Передают лингвистические особенности речи персонажей.

Широкая панорама событий, предельная верность деталей, наконец, прекрасный русский язык, многие особенности которого ныне, к глубокому сожалению, ушли из обихода, сразу ставят роман в ряд произведений русской классики.

Мы недаром избрали «школьный» заголовок вступительной статьи «Образ «Мамá» в романе...». Образ «Прасковьи Васильевны» со временем станет «хрестоматийным», подобно Марфе Тимофеевне из «Дворянского гнезда» И.С. Тургенева или Татьяне Марковне из «Обрыва» И.А. Гончарова. Он выписан особыми нежными красками, с бесконечной любовью и незаживающей раной утраты. Живость, с которой автору удалось передать шарм, оригинальность натуры и характерные черты аристократки, юность которой попала на 60-е г.г. XIX столетия, преобразуют историческое лицо в художественный образ, уходящий в вечность литературной жизни.

Впервые представлены уникальные семейные фотографии из архива Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского. Публикатор: Н.Д. Лобанов-Ростовский². Публикуются извлечения из глав №№: 1, 9, 11, 18, 19, 20, 21, 23, 25, 26, 27, 28, 29, Эпилог.

Е.С. Фёдорова

¹ Грибкова Е.В. Очерки о жизни Варвары Николаевны Житовой / Житова В.Н. Воспоминания о семье И.С. Тургенева. М., «Гелиос АРВ», 2016, с. 67.

² Примечания Л.Г. Умновой и Е.С. Федоровой.

Мамá

*Отрывок из романа
Княгини Веры Дмитриевны Лобановой-Ростовской.
(1903. Санкт-Петербург – 1921. София)*

Мамá

Как радостно прошёл завтрак! ... А мне, после месячного отсутствия, нужно было поговорить со всеми: и с Мими, и с Соней, которая собиралась уезжать на зиму к сестре за границу¹, и, наконец, с Мамá, драгоценным моим другом, незаменимым и единственным.

После завтрака,.. я, наконец, пошла к Мамá по колоннаде в большой дом. Хозяйственным глазом вижу, сколько нужно сделать распоряжений. Двойные рамы не все вставлены, входные двери надо вновь приказать обить сукном, Мамá следует перевести поскорее из большого дома к нам... Камин в гостиной и столовой плохо тянут.

А усталость после бессонной ночи дает себя знать.

Иду к Мамá. Разговаривать ли я буду с ней? Скорее я буду мыслить вслух, – только так и можно беседовать с такой матерью, как моя Мамá. Прежде всего, я благодарю её за все её хлопоты в наше отсутствие. Уже на маленьком Серёже² вижу её благотворное влияние: её одно прикосновение улучшает детей. Кротость, нечеловеческое терпение, море неиссякаемой доброты – вот она вся. Но вместе с тем Мамá и энциклопедия семьи. Если кто-либо спрашивал: как это слово написать, как это перевести, или когда это было, то слышался всегда неизменный ответ: «Пойдите, спросите у бабушки». Всё, кроме цифр, было, кажется, ей знакомо.

Инстинкт орфографии у неё был исключительный, и она никогда не сомневалась, как написать слово на пяти известных ей языках. Дети писали французские диктовки не со своей гувернанткой, а с бабушкой, которая с особым талантом прививала им знание этой труднейшей орфографии. Саша³ в двенадцать лет постиг всю эту премудрость и почти не делал ошибок, так как: «la clef de la grammaire – les verbes»⁴ – постиг с бабушкой в совершенстве. Она никогда не могла забыть, как восьмилетней девочкой в доме у своего деда, у которого воспитывалась, она пролила горькие слёзы над грамматикой «Noel et Chapsal»⁵, – её требовалось знать, но никто не удосужился её объяснить. Та жизнь и те методы преподавания канули в вечность, но бабушка до старости помнила их суровость и старалась все трудности правописания облегчить внукам своими объяснениями каждой строки, памятуя, как она сама над ними мучилась.

Будучи абсолютно: «не от мира сего», в смысле знания практической жизни, Мамá по

«Мамá», «Прасковья Васильевна»: Ольга Александровна Калиновская (ур. Леонтович). 1861 г.

¹ «Соня» княжна Александра Николаевна Лобанова-Ростовская. К сестре за границу – к Ольге Николаевне Эджер-тон, ур. княжне Лобановой-Ростовской.

² Серёжа – князь Яков Иванович Лобанов-Ростовский (1900 – после 1952).

³ «Саша» князь Николай Иванович Лобанов-Ростовский (1891–1969). До октябрьского переворота занимал высокую дипломатическую должность.

⁴ Ключ к грамматике – глаголы (фр.) [прим. автора].

⁵ François Noël (1756–1841) и Charles-Pierre Chapsal (1787–1858) – авторы одной из самых ходовых учебников грамматики французского языка (Nouvelle grammaire française) в России на протяжении XIX – начале XX вв. Бесспорно, он устарел к тому времени, о котором говорится.

Прабабушка Ольги Александровны:
Мария Ивановна де Траверсе, ур. де Руифф

Прадед Ольги Александровны:
маркиз Иван Иванович де Траверсе, адмирал

природе была тончайшим психологом, и инстинкт постижения людей у неё был почти совершенный. Встретившись с человеком, она безошибочно говорила: «Вот это хороший человек», или: «не доберу в нём толку, воля ваша, но человек этот не по мне». Это значило, что человек плох. Так всегда при проверке и выходило. Её личная горничная неизменно была всегда лучшим и преданнейшим существом в доме. Живали они по 15–20 лет и уходили лишь при стихийных переломах своей жизни (монастырь или замужество), но никогда не переходили на другое место.

Память у Мамá была чудная: для детей она всегда имела что-нибудь рассказать интересное и полезное, а для взрослых это была хроника девятнадцатого века, но освещённая её внутренним огнём и лучшими чувствами шестидесятих годов.

Мамá вся была окружена старинными вещами. Каждая её миниатюра была животрепещущая повесть. Тут же у неё в шкапу можно было увидеть и французские книги из Королевской библиотеки, в характерных переплётках из натуральной кожи с флёрделис¹ на первых двух внутренних сторонах начала и конца книги. Это были трактаты о морском деле с заметками на полях её прадеда², который при отправке его к Екатерине II получил их лично от самого Людовика XVI.

А вот интереснейшая коллекция изделий жителей острова Таити и других отдалённых островов Тихого океана, для некоторых из коих в 1827 году был ещё каменный век. Отец моей матери³, по желанию своего деда, русского морского министра и француза родом, воспитывался с 12 лет на корабле, где руководителем и воспитателем его был адмирал *Станюкович – отец известного писателя морских рассказов. Адмирал Станюкович и адмирал *Лазарев⁴ привили деду ту бесконечную любовь к морю, которую он сохранил до самой своей смерти.

¹ Гербовая фигура. Королевская лилия [прим. автора].

² Маркиз Жан Батист Прево де Сансак де Траверсе (в России стал именоваться «Иван Иванович де Траверсе»).

³ Офицер Российского Императорского флота Александр Константинович Леонтович.

⁴ Михаил Николаевич Станюкович (1786–1870) – адмирал, командир Севастопольского порта, военный губернатор Севастополя. Михаил Петрович Лазарев (1788–1851) – адмирал, исследователь Антарктиды. Под его руководством Севастополь превратился в сильную морскую крепость.

*Старший внук Ольги Александровны «Саша»:
князь Николай Иванович Лобанов-Ростовский.
1897 г.*

*Дед Ольги Александровны
«князь Рокотов»:
князь Иван Алексеевич Кропоткин*

В 1826 году дед вышел из Кронштадта с четвёртой научной экспедицией, возглавляемой *Ф.П. Литке, под командованием адмирала *Сенявина, в кругосветное плавание¹. Оттуда дед мой привёз, кроме научных коллекций и интереснейших диковинных вещей, ещё несколько лично написанных им акварелей, которые украшали стены комнаты моей матери.

В то время, то есть, когда Саша поступил в Лицей, можно было много слышать о старине в нашей семье. Моя бабушка, мать моей матери², была ещё жива. Ей было 90 лет, и мне помнился её рассказ, начинающийся с такой фразы: «Гуляю я по набережной и вижу – навстречу мне идет Александр Сергеевич (Пушкин)». Или, например: «Покойный папенька слышит – Матушка Царица (Екатерина II), и говорит князю Репнину...», – даже меня, привыкшую к таким рассказам, частенько брало недоумение – да я ли это слышу в начале XX века?

После Маши у Мамá была горничная Аннушка, степенная, умная, внушительная видом, немолодая девушка, напоминающая начётчицу³. Она была сама честность и все проникались сразу полным доверием к ней. Никто больше неё не мог подойти к духу этих комнат. Моя Маша, в тайниках сердца своего, всё же слегка ревновала Аннушку к Мамá.

Вот в этот мир большого дома я и вступила. В комнате у Аннушки горела лампада, было уютно и пахло очень вкусно. Она только что перед этим испекла для Мамá заветные коржики с отрубями на сметане и стала угощать меня ими.

¹ В состав экспедиции 1826–1829 гг. – кругосветного путешествия для научных исследований на побережье Берингова моря, азиатском и американском материках, а также для исследований в центральной части Тихого океана, было снаряжено два военных корабля: шлюп «Моллер» (назван в честь адмирала А.В. фон Моллера (1754–1848) под командованием М.Н. Станюковича и шлюп «Сенявин» под командованием Ф.П. Литке (шлюп «Сенявин» назван в честь героя адмирала Д.Н. Сенявина). «Под командованием Сенявина» – абберация памяти: надо – «на корабле «Сенявин» под командованием Ф.П. Литке».

Граф Федор Петрович Литке (1797–1882) географ, исследователь Арктики, генерал-адъютант, адмирал, президент Академии Наук в 1864–1882 гг. Результаты экспедиции были высоко оценены как современниками, так и в настоящее время.

Дмитрий Николаевич Сенявин (1763–1831) – адмирал, после 1825 года командовавший Балтийским флотом. Открытую Фёдором Литке цепь коралловых островов он также назвал «островами Сенявина».

² *Ольга Ивановна Леонтович, ур. Кропоткина* (ок. 1813 – ок. 1908).

³ *Начетчик* – в старообрядчестве: человек, начитанный в богословских книгах, знаток старопечатной религиозной литературы.

От неё я прошла к Мамá. Просидела у неё часа два, рассказывая обо всём виденном и слышанном. Лучше сказать, – пережила с ней вновь весь сентябрь месяц, но в отношении моей личной жизни...

Подготовка Кирилла в реальное училище

Итак, я приступила к подготовке Кирилла¹ по естественной истории и арифметике, проверив предварительно его знания по остальным предметам. Подойдя ближе к этому вопросу, я была поражена удивительной скромностью моего мальчика: ему исполнилось 10 лет в апреле и, для своего возраста, он превосходно писал по-русски, по-французски и по-немецки, имел много сведений по истории в виде отдельных рассказов и хорошо знаком был с географией, даже хотя бы и из личного опыта. О Законе Божием я не упоминаю, так как этот предмет был поставлен всегда выше требований и дополнялся ещё и сверх курсовыми сведениями. Но - о, ужас! На арифметику никто не обратил должного внимания! Хотя моя дорогая Мамá усиленно меня предупреждала об этом, абсолютно от неё всегда отказываясь, говоря – *сe n'est pas mon fort*², – но обстоятельства жизни отвлекали моё внимание от занятий детей, которые так умело вела и так им беззаветно и всецело отдавалась сама бабушка. Что тут делать?

– Кирилл, мой мальчик, да ведь ты ничего не знаешь! Ведь ты в две недели не пройдёшь именованных чисел³, когда ты простого умножения и деления не знаешь, да и нумерация у тебя путается в голове.

– Ничего, Мамá, я всё это могу понять; ты только занимайся со мной каждый день и объясняй мне всё с самого начала. Я потому ничего не знаю по арифметике, что и сама бабушка не знает, но всё остальное она очень хорошо знает, и мне показала, как надо вообще учиться. Мне так не хочется поступать в первый класс – мне там нечего будет делать...

Задумалась я над этим: меня удивил ответ мальчика, сразу же моему внутреннему взору представилась и психология этого маленького человека. Ребёнок вырос без наказаний, в обстановке ласки и чистоты. Это создало в нём простосердечную доверчивость с наивным непониманием производимого им впечатления. К тому же природа одарила его тем, что он ещё не сознавал – умом, волею и весёлым нравом, а постоянное общение с высококультурной, но чрезвычайно скромной личностью, какова была моя мать, дало ему развитие не по годам, а соответственно очень большим способностям; природная же застенчивость заставила всё это добросовестно скрывать.

Ну, как же быть?.. Уже много лет, как среди учебных книг у нас находилось два задачника для народных училищ, привезённых ещё студентом Иваном Сидоровичем⁴. Особенность их заключалась в том, что все задачи были разбиты на группы. Так, были группы задач на трубы и на бассейны, на товарищеский делёж денег, на встречи поездов, на смешение сортов чая и так далее. Задачи все были устные, причём в одной книге все операции не шли выше двух десятков, а в другой – не выше первой сотни.

Моя Мамá первую книгу прошла сама с Иваном Сидоровичем, чтобы быть в состоянии заниматься по ней с маленькими детьми и научить их устному счислению. Пройдя её очень быстро с Кириллом, она приступила, по его просьбе, и ко второй книжке, но тут уж он подсказывал бабушке и доходил до решения задач сам, предполагая верно, что это *partie de plaisir*⁵, вроде разгадывания ребусов! Кто решит поскорее, а кто и повернее! Тут-то бабушка и просила меня обратить внимание на арифметику Кирилла, а я и не удосужилась.

¹ «Кирилл» князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский (1907–1948). Крестник Великой княгини Елизаветы Фёдоровны. После прихода советской власти в Болгарию был репрессирован и расстрелян.

² Я далеко в этом не сильна (*фр.*) [*прим. автора*].

³ *Именованные числа* обозначают конкретную величину («три килограмма», «сто метров») в отличие от отвлечённых чисел.

⁴ «Иван Сидорович» учитель детей Лобановых-Ростовских.

⁵ Весёлая игра (*фр.*)

Аттестат зрелости «Кирилла»: князя Дмитрия Ивановича Лобанова-Ростовского. Частная русская гимназия, София, 1924 г.

Кирилл – лучший ученик

Тем временем Кириллу выдали отметки за первое полугодие, и мы узнали, что он был лучшим учеником в классе. По арифметике и естественной истории, как и по большинству других предметов, у него было по 5. Репутация бабушки, с самого начала блестяще утвердившаяся среди преподавателей, засияла к Рождеству полным блеском...

Беженский вагон

Вскоре перед нашим вагоном показалась группа прогуливающих и, по-видимому, любопытствующих беженцев. Они попросили разрешения посидеть у нас. Отказать им мы не решились. Вошли молодой парень и две женщины средних лет, видно, из городских жителей Волынской губернии; сели на доску и стали просто нас рассматривать.

– Ишь, вещей-то сколько! Всем домом, знать, едете?

– Как же, милые, и кровати, и скамьи, и всю кухню, и корыто, и ложки и плошки – всё с собой прибрали, – поспешила я ответить парню, чтобы успокоить его.

– Небось, из портних будете, сейчас по чистоте видно, да и машина при Вас, – проговорил парень, указывая на машинный станок.

– Да, при господах за границей живала и научилась шитью.

– Quand partiront-ils, ces gens là?¹ – к нашему ужасу спросила сильно уставшая бабушка.

¹ Когда уйдут эти люди? (фр.) [прим. автора].

*«Матá» или «Прасковья Васильевна»:
Ольга Александровна Калиновская,
ур. Леонтович, с дочерью Ольгой. 1873 г.*

*Внуки «Прасковьи Васильевны»,
князя Лобановы-Ростовские: Борис,
«Саша» Николай и «Ксения» Ольга. 1897 г.*

– Что же, не русская бабушка-то?

– Да, покойный папаша немку взял, когда жил в Петербурге, – поспешила я ответить.

Ксения¹ тем временем стала тихо что-то шептать и разъяснять бабушке, а затем также поспешно, незаметно соскользнула с вагона.

«Что за пытка! Но Ксения поможет», – пронеслось в моей голове. Наши гости продолжали расспросы в том же духе, но, к счастью, минуты через три показался один из кондукторов (видно, Ксения не напрасно вышла) и сказал:

– Через полчаса мы отходим, комендант поезда просит всех по своим местам.

Вскоре наш вагон прицепили к поезду. Затем послышался первый звонок. Тогда парень и женщины с поспешностью и беспокойством вышли, а я стала объяснять дорогой Матá, что при посторонних не следует говорить на иностранном языке, потому что мы беженцы и, надо предполагать, простые люди, так что не можем знать других языков и должны держать себя в этом тоне.

– Уж вы простите меня, мне так трудно всё это помнить, а с большевиками я не имела дела и никогда с ними не разговаривала – вот и забываю, что можно, а чего нельзя говорить.

Бабушке кончался восьмой десяток, надо было удивляться ещё её сравнительной памяти, изумительному терпению и выносливости...

Пока дети возились с кроватью, я растягивала ремни у портпледов с детскими постелями. Простыни не стала доставать – при этом невыразимом холоде раздеваться было невыносимо. Можно было, самое большее, расстегнуть под пальто костюм или платье. Бабушка с величайшим сокрушением смотрела на работу детей.

– Как мне тяжело, дети, что я вам причиняю столько беспокойств. Стара я стала и слаба, да и вижу что-то не так хорошо, как раньше. Не мне бы пускаться в такую дорогу и осложнять вашу жизнь! Как мне бесконечно больно, что я не могу больше ни в чём быть вам полезной.

– А кто знает, Матá, может быть, Господь нас милует из-за тебя. Великое счастье – иметь мать в доме! Это Божие благословение! Ведь твоя молитва со дна моря нас вызволяет.

– Так-то оно так, а всё же, как я ни молилась за Рарá², чтобы он был с нами – не угодна, видно, Господу была моя молитва, – с печалью добавила бабушка...

¹ «Ксения» княжна Ольга Ивановна Лобанова-Ростовская (1892–?)

² «Рарá», «Костя», «князь Захарин» князь Иван Николаевич Лобанов-Ростовский (1866–1947).

При помощи людей барона¹ были перенесены нужные вещи: постели, портпледы и провизия, которую можно было поставить в чистый холодный проход, где выходная дверь была заперта наглухо, и потому насельники вагона устроили себе там кладовую. Дети незаметно, один за другим, как бы играя, перешли на новое место, а бабушку, закутав в плед, перенесли как больную на руках. Итак, условия нашего путешествия несравненно улучшились. От тепла моя дорогая Мамá сразу ожила и повеселела, а детям, как и мне, казалось, что мы попали в рай...

К следующему дню я обещала сварить кофе, запасливо взятый нами в довольно большом количестве. Бабушка называла его «благородным напитком», чай же не любила и никогда не пила... Мы с радостью помышляли о том, какое мы доставим удовольствие дорогой нашей старушке...

Сверху наших диванов расположены были два этажа полатей, чего не было в других отделениях... Мы с Мамá спали в халатах, чтобы встретить всякую беду, не разыскивая одежды...

Пока я хлопотала с обедом, барон пришёл проведать Мамá и, разговаривая с ней, просидел у неё до полудня. Это была очаровательная картина; её заметил даже Вася² настолько, что не хотел и входить в отделение, чтобы её не нарушить. Представьте себе убогий беженский вагон и сидящих на скамье старика и старушку. Оба тонкие и породистые, он – в чёрной дорожной шёлковой шапочке, она – в чёрном кружевном чепчике, оба, точно сошедшие с картины середины XIX века и разговаривающие возвышенным стилем на превосходнейшем и изысканнейшем французском языке.

Сережа, Кирилл и Ксения чутко понимали всю прелесть этого и старались также не нарушить её...

Сколько радости доставил мой подробный рассказ обо всём виденном и слышанном! Мамá чувствовала себя хорошо – от тепла кашель её значительно уменьшился. Дети мне передавали, как опять днём барон и бабушка долго сидели и разговаривали на своём дивном французском языке округлёнными фразами, которые лились одна за другой и походили на журчание тихого ручейка.

– Знаешь, Мамá, – сказала мне Ксения, – они такие оба душки, что помешать им страшно; даже Вася – и тот оставлял их в покое. Это чистейший стиль Voileau!³ И о чём только они не вспоминали, о какой старине не говорили!..

– Как мне это жаль, – печальным голосом сказала Мамá, – мы оба так немолоды и, конечно, едва ли когда-нибудь опять встретимся, разве только, если Богу угодно, то на небе. А я за это время так привыкла каждый день с ним видеться... Мы одного времени, понимаем друг друга, и я научилась ценить его высокие качества...

После этих слов бабушки мы все притихли, вспоминая, каждый про себя, какое значение имел барон в нашем отъезде, как мы все должны быть ему благодарны за его неизменно искреннее и рыцарски верное отношение к нам...

Мы стояли на запасных путях довольно далеко от вокзала. Как только рассвело, беженцы высыпали на воздух и, благо значительно потеплело, выскочила и вся почти детвора. Появились костры, и пошла обычная жизнь. Мирон ходил за провизией и забрал её в двойном размере, памятуя, что на следующий день, 25 октября, предполагались повсюду празднества по случаю первой годовщины большевистской власти... Я опять варила кофе, опять хлопотала об обеде. Бабушка или занималась с Васей, или полужёла читала английскую книгу. Мы поражались, с каким стоическим терпением она переносила вагонную жизнь, тяжкие условия которой могли подействовать и на более молодого человека...

На таможене

Правда, Рара и бабушка по внешности очень недемократичны, но, тем не менее, они своим видом кого угодно могут обезоружить. Особенно очаровательна была бабушка, когда сначала пресерьёзно сказала мне:

¹ «Барон фон Траубниц» нерасшифрованное лицо романа; помогал Лобановым-Ростовским осуществить побег из г. Ефремова, близ которого было их имение Лобаново (Александровское), на юг России.

² «Вася» князь Иван Иванович Лобанов-Ростовский (1911–1932).

³ Буало – классический французский [прим. автора]. – Николя Буало-Депрео (1636–1711), французский поэт, теоретик классицизма.

– Вот ключи, открой и покажи им всё, Серёжа, – а затем, обратившись к агентам, добавила: – А вас прошу, господа, моих чепчиков не помять!

– Ничего, бабушка, не беспокойтесь, всё будет в исправности, – улыбнувшись, ответил старший таможенник...

Поезд остановился

Мёрзлую траву мы выложили внутри тюфяками по два, по три, один на другом. Но и это ложе казалось и ледяным, и очень тесным; следовало ложиться близко друг к другу: и ради недостатка места, и ради взаимного согревания. Сначала мы хотели уложить бабушку и детей, но от голода они не могли спать. Тогда я вынула из шерсти половину картофеля и положила его в золу ближнего костра. Каждому из детей досталось по два, и это хоть немного уменьшило неприятное чувство пустого желудка, особенно усиливающееся при морозе.

Бабушку мы еле уговорили скушать маленькую картофелину, а Костя и от этого наотрез отказался. Наконец, и бабушка, и младшие дети легли. Мы их укрыли, чем могли: все одеяла и платки пошли в ход, но ветер бушевал с такой силой, что врвался и в наше заграждение...

– Неужели ты думаешь, моя душка, что я могу спать? – послышался вдруг голос бабушки. – Я стараюсь только доставить собой как можно меньше хлопот, но всё же ногам что-то холодно, и я боюсь простудиться – тогда вам будет со мною труднее, вот что меня страшит.

Я подложила руку и – о, ужас! – почувствовала лишь ледяную траву! Ложась в темноте, никто и не заметил, как матрацы сбились в одну сторону, противоположную бабушке. Я помогла ей встать, поправила и наладила всё, что было нужно, вынула ещё подушку, положила её под бок Мамá и укрыла её двумя одеялами. Все вещи были ледяными; порывы ветра вырывали их из моих рук, которых я уже совсем не чувствовала. Бегая в «чека» за вещами, я потеряла последнюю пару перчаток... Кроме холода, меня донимали и усталость, и нервное изнеможение...

Прошло более суток, и большей частью на лютom морозе ... Костёр освещал всё затишье, но был слишком далёк, чтобы давать ему тепло. Вася взял картофель в свои маленькие ручки и стал кушать с увлечением. Мамá зашевелилась. Я нагнулась над нею.

– Я немного заснула, Наташа, а ты всё не спишь? Ах, как мне тяжело за тебя, душка моя!

– Ничего, Мамá, дай Бог только дожить до утра и быть вне..., – и я остановилась, чуть, было, не сказав невольно: «вне опасности», но, поправившись, докончила, – вне их досягаемости!

– Ах, Наташа, я ведь всё понимаю: и как тебе тяжело обо всём и о всех хлопотать, и как тебе трудно всё предвидеть, где нужно прибавить, а где умолчать...

Не дать волю чувствам!

Я нагнулась и поцеловала дорогую Мамá. Мне казалось, что я прикоснулась ко льду. Боже, какой ужас держать старушку на таком морозе! Мне хотелось высказать ей всю мою бесконечную любовь и жалость, но я чувствовала, что, дай я хоть малейшую волю моему чувству, я уже больше не в состоянии буду удерживаться и разрыдаюсь от вида слабеющей матери и от собственного физического и нервного переутомления. Я еле прикоснулась к Мамá, и поцелуй мой был не так горяч, как моё чувство. Вася лёг, я его укрыла, опять отошла и села у костра...

Покинули поезд. Едем на возу. «Дети, мы спасены...»

Вскоре мужички благодушно и невозмутимо объявили нам, что все страхи наши кончены, что опасности уже нет, а с бугра видно будет и Коренево. Но мы всё ещё не смели верить нашему счастью и, подвигаясь вперёд, молчали и недоверчиво оглядывались. Наконец доехали по некрутому изволоку до бугра и ахнули от изумления: ниже нас, немного налево, как на ладони, живописно раскинулось большое село Коренево, похожее скорее на местечко. Купол его храма ласкал и умилял наши взоры.

– Дети, мы спасены, благодарите Бога!..

– Знаю, знаю, какая милость Божия! – с сиянием счастья в глазах, только увидев нас, уже сказал нам Костя.

Глаза дорогой Мамá были полны слёз и так красноречивы!

– Благодарю Господа, Он дал тебе дело твоё довести до конца, – сказала она мне, и вся её безграничная любовь матери вылилась в этих словах.

Меня так вдруг потянуло прильнуть к ней, но она сидела высоко на возу, а жизнь требовала моей немедленной деятельности...

Продолжаем путь на юг России. Вновь в теплушке

С превеликим трудом нашли мы нашу теплушку – её опять перевели на другие, ещё более отдалённые, запасные пути. Теперь она находилась близ водокачки, окружённая буквально озером воды. Мы с жутким чувством вошли в своё помещение. Боже, как ужасно серо и сыро, как убого и неуютно после комфорта хорошей, светлой и тёплой квартиры! У меня сжалось сердце, глядя на Мамá, которую немислимо было даже вывести из вагона через рельсы и через всю эту грязь... Когда все расположились по своим местам и дети уже стали засыпать, я присела к Мамá и стала тихо рассказывать ей про всё, что видела и слышала. Это составляло единственное её развлечение. Мамá слушала меня с большим вниманием, и видно было, насколько её лицо повеселело от моего подъёма энергии и надежды.

– Как я счастлива, моя душка, что ты приятно провела время и хоть небольшую имела передышку от возни с нами!

По голосу её было слышно, что она считала ни за что всё, что сама выносила и только думала о том, чтобы я хоть чем-нибудь была утешена. Святое слово – мать! Она всем сама жертвует, всё понимает и всё покрывает своей любовью!

Прощаясь на ночь с Мамá, я поцеловала, как всегда, её руку, но слегка и сдержанно, испугавшись того наплыва неудержимой жалости к ней и невыразимой печали перед неминуемо надвигающейся с ней разлукой, при мысли о которой я всегда еле сдерживала слёзы...

День рождения Мамá

Прошла ещё ночь и наступило 5 ноября старого стиля, день рождения моей дорогой Мамá, которой исполнилось 79 лет, но в невесёлой обстановке пришлось её поздравить с восьмидесятым годом жизни. Ещё накануне мы купили её любимые лакомства. Дети – по плитке шоколада, а старшие – фиников и винных ягод¹. К 5 часам мы рассчитывали сварить шоколад и купить сдобного хлеба, что она тоже очень любила.

Поздравляя Мамá, мы всё же очень страдали за неё, но она всячески старалась нас успокоить.

– Что вы печалитесь, мои дорогие? У меня особенный день рождения. Каждое десятилетие отмечается в жизни человека. Мне вот пошёл сегодня восьмидесятый год, а разве это не отменный день? Все мы спаслись, Рара с нами, никто из нас не болен, несмотря на невероятные условия существования. К тому же нас ждёт и большая радость: не сегодня, так завтра мы должны будем перейти в вагон, который повезёт нас к последнему этапу нашего пути. Я так спокойна и так уверена в милости Божией к нам! А мучаемся мы от неудобств вагонной жизни все в одинаковой мере, но это всё ни-

Внучка «Ксения»: княжна Ольга Ивановна Лобанова-Ростовская. 1897 г.

¹ Инжир называют «винной ягодой» по латинскому наименованию *Ficus carica* (Смоковница карийская, от Кария, горная местность). *Ficus* – растение семейства тутовых, отсюда еще одно название инжира: *фига*. «Винной» ягоду называют потому, что у инжира очень быстро начинается процесс брожения.

что в сравнении с ужасами жизни в Совдепии, – уверяла нас бабушка, ласково улыбаясь всем нам своими лучистыми глазами.

Тем временем мы с Ксенией спешно заканчивали утреннее хозяйство, чтобы отправиться в город за обещанной бумагой. Мы оставили Серёжу доваривать обед, а мальчиков на попечении отца, который сел у ворот, где было посветлее, и занялся газетами, читая вслух и бабушке, что было поинтересней...

Наш поезд простоял весь день 6 ноября на месте, отъехав всего только около 200 вёрст от Киева. Мы хозяйничали, варили обед, пили, ели, а главное, томились.

Прибывшие поезда были перегружены разнужданными военнопленными, которые вливались в Россию из австрийских концентрационных лагерей, откуда тогда ехали и бежали, кто куда хотел. Затем эти несчастные попадали кто в армию к большевикам, кто к Петлюре, кто к добровольцам, большинство же – домой, на родину... Ехали в вагонах, между вагонами и на вагонах... Картина была ужасная! Это было не возвращающееся домой войско, а полуозверелая, обезумевшая от голода, лишений, плена и новых свобод толпа – больная духом и телом.

На запасных путях станции стоял пустой вагон, куда складывали убитых, умерших и замёрзших людей. Нам казалось, что вокруг нас стущаются зловещие тучи. К счастью, под вечер мы опять двинулись в путь...

В Одессе. Вновь разборка вещей. Болезнь Мамá

Мы принялись вновь за разборку вещей, которые пришлось во время петлюровского плена опять кое-как побросать в сундуки, а последние с невероятными трудностями и при общей подмоге детей втянуть через залу в тёмное колено коридора, почти совершенно незаметное при малом знакомстве с домом. С водворением вещей в большую гостиную опять всё вошло более или менее в норму.

Между тем, Мамá стала сильнее кашлять и, наконец, дыхание её всё более и более затруднялось. Мы вызвали немедленно же лучшего доктора. Он определил эмфизему лёгких. Мне было невыразимо тяжело сознавать, что эту болезнь надо было считать первым предупреждением приближающегося конца. Сама Мамá всё отлично сознавала, но, тем не менее, это её совсем не печалило, и она так светло и ясно говорила о своём грядущем уходе, который, однако, по мнению доктора, мог оттянуться ещё на несколько лет.

Моя мать пролежала около недели – всё было испробовано: банки, сердечные средства, молоко с эмсом¹ и лёгкая пища. Из архиерейского подворья мы пригласили на второй день болезни Мамá иеромонаха со Святыми Дарами. Больная радостно исповедовалась и приобщилась у смиренного и доброго инока, который пришёлся ей очень по сердцу...

«Еще согреших»: важный разговор с внуками в комнате бабушки

...Саша сразу не лёг, а пришёл часам к восьми наверх, в комнату бабушки, которая нежно любила и гордилась своими двумя лучшими учениками – им и Кириллом. И тут возобновилась прерванная беседа наша с Сашей. Пришли и Ксения с Серёжей. Вася примостился у меня на коленях, Кирилл уселся рядом.

– Всё же, Мамá, тебе непременно надо поскорее съездить в Аккерман, положение здесь ненадёжное, рано или поздно, а большевики захватят всю Россию, и Одессу в том числе, и не на месяц или на два, а на довольно ощутительный срок, который будет исчисляться годами...

– Я видела в Киеве, Саша, князя *Петра Ивановича Шаховского², он тоже все свои надежды

¹ Эмс (Ems) – популярная в дореволюционной России минеральная вода по названию курорта в г. Эмс (Bad Ems) в Германии, где русские пациенты были завсегдатями, в частности, Ф.М. Достоевский. Метод лечения состоял в употреблении воды из двух природных минеральных источников, которую комбинировали с молоком в различных пропорциях.

² Князь Петр Иванович Шаховской (1848-1919). Уйдя в отставку в чине капитана 1 ранга, поселился в своем имении Тульской губ. Избирался гласным Ефремовского уездного и Тульского губернского земских собраний, почетным мировым судьей по Ефремовскому уезду. Состоял членом правления Санкт-Петербургского общества портовых зерноподъемников и складов. Был выборщиком в I и II Государственные думы. Член III Государственной Думы от Тульской губ. Входил в русскую национальную фракцию. Состоял товарищем председателя, затем председателем комиссии по гос. обороне.

Князь Петр Иванович Шаховской

«Саша»: князь Николай Иванович Лобанов-Ростовский. 1914

возлагает на решение Антанты на Ясском совещании, а ведь он умный человек и дальновидный. Антанте, как победительнице в мировой войне, не позволит самолюбие и гордость отступить перед беспорядочной ордой большевиков. К тому же старец мне сказал: «Мы увидимся с тобою летом!»

– Я старца не видел и не могу быть настроен, как ты, Мамá. Я рассуждаю, опираясь на иные данные. Но и с твоей точки зрения, прости, ты не права. Почему ты думаешь, что лето 1919 года именно то, о котором говорил старец? И почему ты в точности, в таком случае, не исполнила его слов и его совета, и 24 ноября не находилась уже с Рара и всей семьёй в Бессарабии?

Вспомни мои слова, Мамá, в мае 1912 года, когда я провожал вас за границу – ведь они осуществились. Но несть пророка в своём отечестве. Теперь опять говорю тебе о том, что я чувствую, если хочешь, шестым чувством, и что предвижу хоть малым, но собственным опытом и некоторыми знаниями по моей специальности. Если я ещё не покинул России, то исключительно имея вас в виду. Нашей семье оставаться здесь нельзя. Но я считаю, что время ещё не упущено и, если я говорю это, то только с целью побороть твоё неправильное представление о том, что творится в политическом мире и вокруг тебя; я прошу тебя поскорее подготовить отъезд наш из России. Все государственные потрясения, все революции схожи по своей схеме: если какая-нибудь страна дошла до исторического поворота, то и должна изжить его, а не возвращаться вспять. Кроме того, наш народ должен познать сам на себе всю нецелесообразность, жестокость и лживость большевистского учения, а для этого требуется известное время.

До этого народ будет только желать и мечтать о большевиках, а с этим чувством французам ничего не поделать. К тому же, французы устали воевать; они вправе отдохнуть: они проявили сверхчеловеческий героизм, этого забыть нельзя. Их войска вновь на серьёзное дело не пойдут, да и парламент новых кредитов на войну вотировать не будет. Кто же другой нам поможет? Англия, например? Да ей могущественная Россия не нужна и не с руки. Я всегда говорил, что Германии, и ей только одной, нужна сильная Царская Россия: два соседних монархических государства дали бы пример такой несокрушимой мощи, что никаким вражеским силам не пришло бы даже в голову подступиться к ним. Но немцы парализованы на несколько лет – с этим надо считаться и необходимо также помнить, а это главное, что наш народ желает и ждёт большевиков.

– Что ты говоришь, Саша! Да я абсолютно это отрицаю, народ не знал никогда большевиков, и самое это слово ему не было даже известно.

Виталий Яковлевич Шульгин

с их приходом осуществить вековую месть.

– Мамá, милая, что ты говоришь, какая месть? – искренне воскликнула я. – Уже в прошлом, восемнадцатом году народ был далеко не тот, что в семнадцатом. Большевики уже тогда начали показывать поборам своё истинное лицо. Помнишь, как крестьяне изуродовали Сидорова за сбор продналога? Я убеждена, что они мечтают лишь об одном – пожить тихо и мирно, воспользовавшись, наконец, результатами революции. Крестьянам ненавистны лишь те, кто хочет забрать их добро или кто будет топтать их посевы: будь то большевики или добровольцы – им всё равно.

– Это последнее замечание вполне верно, Мамá, – ответил Саша, – и народ, конечно, ненавидит тех, кто его обирает: будь то большевики слева или справа – на спине своей ведь он чувствует это одинаково.

– А я всё же хочу пояснить, Наташа, и тебе, и детям, о какой мести я говорила, – снова начала бабушка. – Конечно, мой опыт относится к прежним далёким годам, на основании только этого я и могу судить. Теперь я стою далеко от всего и больше не прикасаюсь непосредственно к внешнему миру. Память о многом ужасном, несправедливом и страшном оставила в душе народа непреодолимое чувство мести. У лучших из них всегда бессознательно шевелится чувство в душе: «Хоть бы немного господа пожили в нашей коже». У худших же – проявляется просто ликование при виде барина в беде. Это чувство не изжито, оно сильно и поныне. Во время моей молодости крестьяне были куда нравственно выше господ, а со времени эмансипации можно было постепенно проследить обратное явление. Я знала много «святых душ», так можно вполне их назвать, среди нянюшек, ключниц, горничных, которых давали в приданое дочерям, среди дядек, бурмистров и камердинеров. Теперь эти образы отошли в вечность, а прежде дом и семья держались верной прислугой – это были её столпы. Потом их стало всё меньше и меньше и, наконец, свобода без воспитания, водка и грошёвый учитель подточили духовную красоту народа. Теперь он докатился до дна, и в нём проснулись худшие инстинкты. Я чувствую, что пришло время расплаты, и народ не успокоится, пока не упьётся мезтью за прошлое.

– Бабушка, прости, пожалуйста, ты ведь сама говоришь, что прежде народ был лучше, значит, и лучшая система правления делала его таким. Ты нам говоришь о мести и чувствах народа, потому что ты ведь не могла избежать влияния шестидесятых годов, к которым ты принадлежишь, – сказал Серёжа, до этих пор молчавший.

– Дело не в слове, Мамá, а в тех возможностях, которые это слово несёт с собою.

– Саша, мой голубчик, – тут вставила своё слово бабушка, – я чувствую полное недоразумение между вами: Мамá не верит в ту степень деморализации народа, которую ты видишь, а ты не понимаешь той степени переутомления, в которой находится Мамá. Да почти никто этого и не понимает! Ведь Мамá на своих плечах, так сказать, вывезла нас из Совдепии. Фу! Это слово только сказала, и то стало противно. Она, бедная, невероятно устала, а отдыха до этих пор ей не было. Ведь только женщины в смутное время могут поддерживать семьи – мужчины в этом хаосе не могут найти себе занятий и службы. Вот и работает Мамá, как умеет, не покладая рук и без передышки, всё время с неослабной энергией. Каково же ей, бедной, ещё ехать дальше и опять что-то сложное и трудное устраивать и налаживать.

– Да я готов, бабушка, хоть сейчас ехать вместо Мамá, куда она пошлёт, но боюсь, что работу исполню хуже неё.

– Конечно, Саша, ты не можешь сделать то, что делает Мамá, но я тебя поддерживаю в той мысли, что наш народ, конечно, не изжил большевиков и жаждет

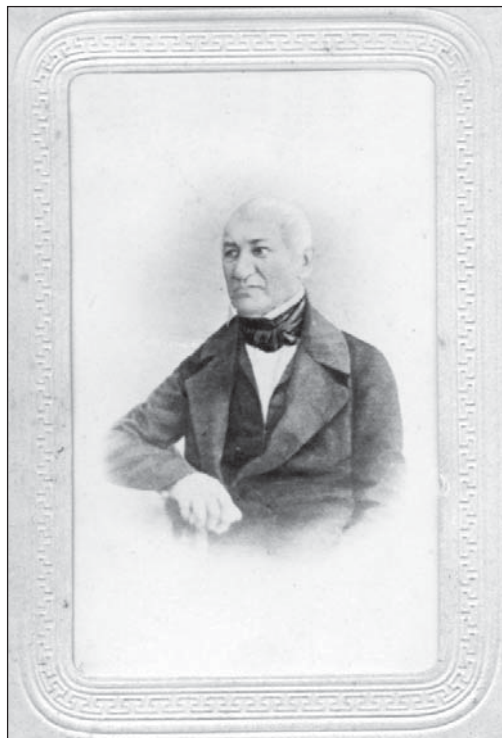
– Может быть, Серёжа – я с этим не хочу спорить. Наоборот, я вспоминаю с большой благодарностью профессора Шульгина¹, который приезжал к нам в институт и *con amore*² читал курс по истории – вот какие были тогда времена. Он влагал нам в душу чувство восхищения перед царями и их сподвижниками, создавшими Великую Россию, но он же привил нам понимание того, что пример, который подаёт человек своим поведением, должен быть в соответствии с его положением: чем выше поднялся он, тем возвышеннее должен вести себя. К сожалению, однако, я видела в моей жизни совершенно обратное явление, а ведь я, вы знаете это, принадлежу к одному из родов, которых, кажется, осталось не больше двадцати на целую Россию. Я видела роскошь и богатство, о которых вы, два последних поколения, не имеете и понятия. Я помню, как в *дормезах*³ путешествовали не только по России, но ездили со штатом своей прислуги и за границу. Я жила в доме, где, считая семью, родственников, воспитателей, воспитательниц, бедных дворян и прислуги, жило более 60 человек, где в праздники подавали к столу серебряную посуду, и роскошь выпирала, так сказать, из каждого угла.

Мне ли, кажется, не ценить того, чем я была окружена всю мою молодость? И, тем не менее, я вспоминаю об этом с ужасом. Прислуга была – вещь-предмет; ей отдавали приказание как в пространство; в лучших домах прислуга спала на ларе в передней, на подстилке за дверью, на сундуке в гардеробной. Розги были обыкновенным наказанием. Наконец, скажу о себе, чего я вам раньше не рассказывала: вы знаете, что меня воспитывали не родители, которые жили за границей вследствие болезни матери, а тётка, приглашённая для этой роли в доме деда Рокотова. Меня, маленькую девочку, наказывали и секли розгами за то, что я смугла, а не бела, но чем же я была виновата, что моя бабушка была креолка. За то, что я встала, а не села, или села, а не встала, *pour les quatre conjugaisons*⁴, когда мне было всего семь лет, и я никак не могла понять, что значит *conjugaison*. И всё это настолько меня потрясло и оставило след, что, став даже немолодой, я всё продолжаю чувствовать вопиющую несправедливость ко мне в детстве. Долго-долго я ловила себя в мечтах о том, чтобы тётушка хоть и сотую долю испытала бы на себе всё то, что заставляла выносить меня.

– Маманичка, маманичка, – зашептал Вася, – правда, Бог накажет гадкую тётку за бабушку?

Глаза его горели, он весь дрожал. Я стала ласкать его.

– Вы, дети, окружены такой любовью и снисходительностью, что даже представить себе не можете ту дисциплину и страх, которые царили в наше время. Много было в них хорошего, но нехороши были крайность и несправедливость – это горькая вещь и трудно забывается. Если я, воспитанная всё же в началах христианства, имеющая радость быть матерью вашей матери и иметь вас внуками, видевшая много добрых людей, не говоря уже о моём и вашем отце, не могу забыть, хоть и давно простила, несправедливостей тётки, то так же целый народ, подстрекаемый и поджигаемый гнусными провокаторами и погрязший в своих усиливающих пороках, не забудет прошлого и не простит никогда, хоть и будет потом несказанно сожалеть о порыве мести и каяться в нём! Да разве мы можем сказать, смотря внутрь совести своей, что мы не стоим этого наказания и урока?

«Дед Рокотов»:
князь Иван Алексеевич Кропоткин

¹ Виталий Яковлевич Шульгин (1822–1878) – русский историк, действительный статский советник. Отец известного публициста и политика Василия Шульгина. Преподавал историю в Киевском институте благородных девиц и в Университете св. Владимира, где его лекторский талант и либеральное направление вызывали неизменный восторг и любовь слушателей.

² С любовью (*итал.*)

³ *Дормез* – старинная большая дорожная карета для длительного путешествия, приспособленная для сна в пути.

⁴ За четыре спряжения (*фр.*) [*прим. автора*].

– Заслуживаем вполне, но это другой вопрос, бабушка. Я с тобой не согласен в понимании большевизма, который я рассматриваю как наносное явление; оно не в духе нашего народа, а есть порождение масонства...

– Активное, хотя и худшее меньшинство всегда правит, Серёжа, пассивным, хоть и лучшим, большинством. Оттого народ пристал к Емельке Пугачёву, пошёл с удовольствием и грабить, и резать барина. Пугачёвщина не изжита и воскресает с ужасающей силой... масонские лозунги подобраны под вкус народный и, влияя на его низменные страсти, помогают достижению намеченной цели. Вот и придуманы слова и словечки: земля народу, мир хижинам, война дворцам и прочая и прочая, что вы лучше меня знаете. Масоны играют очень умело на элементарном чувстве зависти, которое есть мировая язва. Ведь уметь быть богатым и заставить других простить себе это – большая наука и немногие её постигают. Один из пожилых и мудрых Великих князей, отличавшийся своей учливой лаской и снисходительностью, часто повторял в интимном кругу: «Il faut se faire pardonner sa position»¹. Если это говорилось в применении к высшим слоям общества, то что же должно сказать, приравниваясь к низшей среде? Я вижу ясно, что война и масонство лишь ускорили неминуемую в России революцию. Этого рода потрясения посылаются Вечной Справедливостью в искупление наших прегрешений через горнило страданий.

– А помнишь слова твоего сна, Мама: «Еже согреших во дни сем»², – так прервала минуту полной тишины Ксения, всё время до этого молчавшая...

Все встали и стали прощаться.

Чем имеет право владеть советский гражданин как собственностью?

В 8 часов утра я уже была на ногах, и мы с бабушкой и детьми пили кофе наверху... Я только что собиралась закончить мой туалет, как впопыхах вбежала Фёкла и, вся дрожа, объявила, что к нам идут большевики с обыском.

– Попроси подождать внизу пять минут, я сейчас оденусь.

– Совсем не нужно, какие для нас одевания, мы рабочий народ, – послышалось в дверях, и тут же в комнату Кости ввалилось пять незнакомых людей.

Впереди шёл скверного типа мужчина средних лет, высокого роста, за ним, по виду, – рабочий, скорее из скромных, потом два человека – помоложе и постарше, видимо, бывшие чиновники, оба в потёртой одежде и, наконец, немолодая, некрасивая, худая девица.

Она не извинилась и не удивилась, видя меня не вполне одетой.

– Здравствуйте, господа, кто из вас старший и у кого документы?

– А вот, пожалуйста, мандат на сбор излишков, – ответил чиновник постарше, протянув бумагу и добавляя:

– Мне очень тяжело выступать в такой роли, ведь я почтовый чиновник, но, тем не менее, я получил приказ возглавить эту работу по данному району и не могу не исполнить предписания. У меня самого идёт теперь на дому отобрание излишков. А вот не угодно ли взглянуть на список вещей, которыми каждый гражданин имеет право владеть, как собственностью?

Мы с Ксенией взглянули на список. Разрешалось иметь:

3 сорочки, 3 кальсон или панталон, 2 пары носков, или портянок, или чулок, 2 носовых платка, 2 простыни, 2 полотенца, 1 одеяло, 1 зимний костюм или зимнее платье, 1 летний костюм или летнее платье, 1 пальто или шубу, 1 зимний головной убор: шапку или платок, 1 летний головной убор: картуз, шляпу или платок, 1 пару обуви, 1 пару валенок, 1 пару галош.

Одним словом, официально предписывалось русским людям сгнить от грязи в одном летнем платье, стирать свой носовой платок каждый день, причём часть времени можно было спать с простынями, а другую часть на голом матраце.

Немедленно же по ознакомлении с сутью дела в голове моей создался план действий: тянуть как можно дольше эту гадкую комедию в надежде... на какую-нибудь перемену...

¹ Нужно поступать так, чтобы нам прощали это положение (фр.) [прим. автора]

² Молитва 5-я, из молитв на сон грядущим: «Господи Боже наш, еже согреших во дни сем словом, делом и помышлением, яко Благ и Человеколюбец, прости ми...».

– Не начать ли нам с бабушки? Комната у неё крайняя, и от неё двинемся к другим... Подождите минутку, я только пойду предупредить мою мать, да взгляну, одета ли она.

А сама думаю: «У Мамá узелки-узелочки, коробка-коробочки, они в них запутаются и завяжут. А Ксения да я будем с бабушкой над каждой вещью причитать, да её у них вымалывать, вот время и протянется; к тому же, на наше счастье, эти люди, видимо, совсем не знают, к кому они пришли».

Я вошла к бабушке.

– Ты одета, Мамá? Пришла комиссия осматривать вещи. Что рассказывали все эти дни, всё это преувеличено; они берут лишь вещи на учёт. Можно этим людям войти? Ты не пугайся, мы с Ксенией всё время будем с тобой.

– Что делать, моя душка! Такие времена настали, пусть идут. Тебя мне жаль, всё-то ты в ответе.

– Ничего, ничего, это легче, чем я предполагала.

– Дай-то Бог!

– Но теперь про большевиков ни слова, – и я открыла дверь.

– Здравствуйте, бабушка, – сказал, видимо, бывший лакей. – Ну что у Вас есть? Показывайте.

– Здравствуйте. Да вот дочь моя возьмёт ключи и покажет вам. Мало у меня всего: бельё давно я не шила, всё уже износилось, стирают к тому же плохо – последнее рвётся.

Я стала раскрывать комод и чемодан.

– Только, пожалуйста, сами не трогайте. Вы мне сделаете беспорядок, а у меня сил не хватит убирать. Всё придётся складывать моей бедной дочери, а у неё и без того много дела.

– Да мы, бабушка, совсем отбирать будем, – жёстко заметил лакей.

– Как так отбирать?

На лице её читался ужас, не о себе она думала, а о нас, конечно, что мы лишимся всего, что имеем.

– Да нет же, Мамá, этот человек так сказал только, чтобы пошутить, – и я кивком головы вызвала лакея в свою комнату.

– Вам ведь нужны вещи, а не жизнь моей матери, так не пугайте же её и не показывайте виду, что вы будете почти всё отбирать. Исполните мою просьбу, это такой пустяк, я Вас очень прошу об этом.

– Конечно, мне всё равно, это я так сбрехнул...

– А позвольте посмотреть, что здесь в коробке? – заметила девица, нагнувшись над вещами.

– Раскройте, пожалуйста.

К моему ужасу, там оказались два браслета; я совершенно забыла, что они были спрятаны у бабушки с надписью, кому они принадлежат и от кого получены. Присланы они были ранней весной 1917 года Соней, сестрой Кости, когда она покидала Россию¹. Она просила передать их, как память от неё невестам Никиты и Васи, если Господь благословит их когда-нибудь жениться.

«Ну, уж и девица-ищейка», – подумалось мне.

– Позвольте, я спрячу их к себе в мешок. Вы не беспокойтесь, они будут целы, ведь я чиновница.

«С этой ягодкой надо быть осторожнее, чем с лакеем», – решила я про себя, видя, как девица разглядывает браслеты, раньше чем их спрятать. Они действительно были ценны.

Великая княгиня Елизавета Фёдоровна со своей фрейлиной «Соней»: княжной Александрой Николаевной Лобановой-Ростовской

¹ Напомним, что речь идет о фрейлине Великой Княгини Елизаветы Федоровны княжне Александре Николаевне Лобановой-Ростовской.

Оба массивного золота с драгоценными камнями. Это были подарки Царской семьи моей belle soeur¹. Ксения только многозначительно посмотрела на меня.

– А может быть, у вас ещё где-нибудь спрятаны золотые или драгоценные вещи? У нас имеется особая инструкция: кроме обручального кольца и креста, всё должно быть изъято, – вошла чиновница во вкус.

– У меня больше ничего нет, – решительно ответила я.

– Не стыдно вам у внуков моих отнимать их единственное достояние? Один ещё малолетний, ему учиться надо, не невесте его, так на учение пошло бы.

– Бабушка, Вы не волнуйтесь – сказал молодой человек.

– Это только для учёта, Мамá.

– Хорош учёт, коли себе в сумку кладут, я ведь всё понимаю.

Атмосфера понемногу накалялась и становилась не только нудной, но и отвратительной. Мы все стали уже проявлять нервозность, торговались из-за каждой тряпки, тянули её то к одной куче, то к другой. Чиновник записывал вещи дрожащими руками, лакей изводился и не позволял нам оставлять лучшее бельё, откладывая его для «чека». Наконец, его терпение лопнуло:

– Неужели у вас кроме этих тряпок да дребедени, ничего нет? Ведь это немисливо. Где Ваш муж, где его вещи?

– Мой муж сидит в «чека», и вещи с ним.

– Завязывайте в узел этот хлам, а я пойду по дому посмотреть, наверное, много ещё чего-нибудь найду. Не верю я, чтобы кроме этого барахла так-таки ничего у них не было бы! – воскликнул лакей, обращаясь к комиссии...

– Кто это здесь? Кто смеет красноармейскую семью грабить? – раздался вдруг зычный голос влетевшего, как бомба, Ежова.

– Прошу Вас воздержаться, товарищ, мы по мандату...

– Уж с полчаса как по городу расклеили объявление, что день восстания отменён, а вы всё продолжаете грабить, уже из любви к искусству! У бабушки моей вещей наворотили узел – на что это похоже! Оставайтесь здесь, Ксения Константиновна, а мы с Наталией Артамоновной пойдём тут рядом в дом да позовём, кого нужно! ...

Комиссия стала собираться.

– До свидания, до другого раза. А не миновать вам попозднее ваши вещи нам сдавать, – уходя, едко сказал лакей.

Ежов только смеялся ему в лицо.

– Прощайте, – спокойно сказала я.

Они пошли к выходу. Девушка впереди всех. Ещё мгновение, и она бы ушла.

– А Вы, барышня, всё же мне браслеты отдайте: у меня хлеб вышел, да и мужу послать надо. Вот продадим, так прокормимся.

– Простите, пожалуйста, я забыла про них.

– Конечно, конечно, – успокоила я девушку, когда она дрожащими руками вынимала браслеты из сумки.

– Сорвалось, сорвалось, – шептала мне Ксения, глядя на удаляющуюся комиссию.

Заперев библиотеку, мы все бросились к бабушке.

– Если бы не ты и твои вещи, бабушка, ничего не удалось бы спасти, – сказала, вбежав, Ксения.

– Как я рада за вас, мои дорогие. Но не успокаиваете ли вы меня только, старую? Душка моя Наташа, надо же было тебе, кроме всего, ещё и это дело иметь на плечах! Боже, какое время, какие люди! Но ведь есть же несчастные, у которых успели всё отобрать. Что они теперь чувствуют, чем будут жить?..

Таким образом закончилось роковое утро, принёсшее разорение сотням семейств и не пощадившее даже иностранцев. Так, оставшийся в Одессе бывший там сербский консул, всеми любимый и уважаемый, рассказывал мне впоследствии, как у него и у его слепнувшей сестры комиссия по изъятию излишеств мгновенно выхватила всё серебро и сундуки с вещами и как никакие протесты и уговоры на неё не подействовали. Бесчисленные баулы, сундуки, ящики, корзины и узлы попали в это утро в «чрезвычайку». Правда, к счастью, было ограблено не больше десяти

¹ «Подарки belle soeur» – подарки сестре мужа, А. Н. Лобановой-Ростовской.

процентов всего населения города, но и этого было совершенно достаточно, чтобы заполнить потребительский рынок вещами и, таким образом, сильно понизить продажную стоимость их, что опять-таки больше всего отразилось на буржуазии, жившей исключительно сбытом оставшегося у неё достояния...

Сентябрь 1919 г. День рождения Мамá

Итак, Ксения отлетела от нас. В этот период обладания белыми Одессою, то есть ранней осенью 1919 года, будущее ещё не казалось безнадежным. Чувствительных невзгод мы ещё не терпели, а «рейд» Мамонтова¹ вносил некоторую живительную бодрость и многими рассматривался, как начало освобождения России от большевизма. Потому-то отъезд дочери был замечен, так сказать, лишь сердцем. Кроме нас, её родителей, отсутствие Ксении чувствовалось и бабушкой, с которой внучка была особенно ласкова и предупредительна. Но я знала, что стоит только, не дай Бог, жизни начать выявляться в ненормальном масштабе, как немедленно же все почувствуют, и не одним только сердцем, отсутствие дочери...

Между тем наступил и день моего рождения, особенно заставивший меня вспомнить, как год тому назад я провела его в монастыре, в радости и счастье от близости к благодатному старцу.

Поздравляя меня утром, Мамá передала мне свёрточек в тонкой бумаге, перевязанный розовой ленточкой:

– Вот тебе, моя душка, моя последняя работа. Уже сколько лет для меня было такой радостью готовиться к этому дню, но теперь чувствую, что кончено – зрение больше не позволяет. С очками я даже вижу хуже, чем без них. Никому не отдавай моей работы, сама носи её на память.

Сколько грусти и любви было в дорогих, лучистых её глазах, как трепетно обнимали меня её дрожащие ручки.

Боже, как ждалось моё сердце, как тяжело было сознание, что моя единственная и ненаглядная Мамá стареет, и что каждый час приближает нашу разлуку...

Никто и никогда в жизни не будет меня любить, как она. Только мать одна всё простит, всё поймёт, всегда за всё и перед всеми заступится...

Заметила я, что и с Васей ей уже тяжело стало заниматься. Мальчик своей резвостью и непоседливостью утомлял бабушку, она же не хотела сдаваться и потому не прекращала с ним занятий...

«Небесное извещение о приближающемся конце Мамá»

При таких постоянных треволнениях и неприятностях приблизились праздники. Бабушка частенько стала жаловаться на плохое зрение. Как-то в декабре она вызвала меня к себе в комнату и сказала:

– Кончено, моя душка, не могу, как ни грустно мне, больше заниматься с Васей, – а он сидел у неё за столом и писал, – я уже больше ничего не могу прочесть, надо с терпением понести и этот крест, если так Господу угодно... Другим ещё хуже бывает.

Я принесла Мамá Библию синодального издания с особо крупным шрифтом, но и в этой печати она не смогла разобрать более двух-трёх слов, и то с большим трудом. Пришлось обратиться к окулисту. Варвара Ивановна Каспари указала мне на тогдашнюю знаменитость в Одессе, и мы свезли к нему Мамá.

День был очень холодный, и мы одели Мамá, вышедшую на воздух в первый раз за всю эту осень, в её серую шубку. Профессор-окулист констатировал у моей матери катаракт обоих глаз, но с надеждой, что он созреет через 6-8 месяцев, когда и возможно будет сделать операцию. Мамá мужественно приняла это известие, но я не могла не заметить, насколько оно было для неё подавляюще тягостно: ведь её мать и моя бабушка, скончавшаяся сравнительно недавно на 96-м году жизни, страдала в течение 20 лет «тёмной водой», то есть неудачно оперированным катарак-

¹ 10 августа – 19 сентября 1919 г. 4-й Донской корпус Донской армии Вооружённых сил Юга России под руководством генерала К.К. Мамонтова (Мамантова) совершил конный рейд по тылам красного Южного фронта и взял города Тамбов, Козлов, Лебедянь, Елец и Воронеж, станции Касторная и Грязи.

Сергей Петрович Боткин

знавшей, по-видимому, этой часто встречающейся формы небесного извещения о приближающемся конце. Отец моей матери был моряк и человек исключительной доброты, умер рано от застуженной подагры, был безгранично любим своей дочерью, оплакивавшей его всю свою жизнь. Отход к нему ей был бы, конечно, в радость, но мне было бесконечно скорбно всё это слышать. Слова её рассказа, подобно гвоздю, вбивались в моё сердце, совершенно ясно уже чувствующее хоть медленное, но непредотвратимое приближение роковой развязки...

В красной Одессе

Горечь переживаний обывателей велика: их упования разбиты большевистствующими итальянцами... Несмотря на все события красного оттенка, имеющие место на прибывших военных судах, несмотря на свою полуфранцузскую кровь, Мамá, тем не менее, продолжает быть верна своей любви и к Италии, и к итальянцам:

– Не верю, – говорит она, – чтобы они стали большевиками. Итальянцы, так же, как и все сражавшиеся, приняли с войной много горя. И у них, как и у всех прочих, есть и разорённые семьи, и разбитые жизни. Конечно, всё это вызывает волнение масс, но тысячелетняя культура, ум, вкус ко всему прекрасному возьмут верх и не допустят безобразий грубо разбойнической и хулиганской политики, как у нас. Теперь по их стране несётся вихрь, но он пройдёт. Помни, что по доброте сердца этот народ может только сравниться с русским.

Часто в эти дни вспоминает Мамá про Неаполь её молодости, так мало похожий на теперешний. В 70-х годах это был небольшой город, утопавший в зелени, полный мира, тишины и поэзии. Она рассказывает мне также про Императрицу Марию Александровну (супругу Императора Александра Второго), болевшую лёгкими и жившую в Неаполе одновременно с нею; про профессора Боткина¹, с которым она была очень хорошо знакома; про различные русские семейства, где у неё были близкие и друзья.

¹ *Сергей Петрович Боткин* (1832–1889) – выдающийся врач-терапевт, один из основоположников физиологического направления русской научной клинической медицины, крупный общественный деятель, надворный советник, инициатор общественных преобразований в медицине, профессор Медико-хирургической академии и первый русский лейб-медик (т.е. придворный врач) Императорской семьи; отец прав. страстотерпца лейб-медика Евгения Боткина († 1918), принявшего мученическую кончину вместе с Царской Семьей.

том глаз. Память обо всём этом была ещё слишком свежа у всех нас и не могла не быть сейчас очень горька для Мамá.

– Не говори никому про мои глаза. Там видно будет, – только сказала она мне.

Я поняла, что Мамá боится больше всего слов сочувствия и утешения. Это удесятирило бы её скорбь, и она опасалась дрогнуть в своём стоицизме. Я стала рассказывать Мамá про бесчисленные случаи операций катаракта, – операций, считающихся теперь элементарными, – после которых счастливо прозревают и очень пожилые люди.

– Знаю, моя душка, но не для меня всё это – я ведь не долго теперь проживу. Довольно с меня: я устала жить, ох, как я устала! Я не успела тебе ещё рассказать, какой я сегодня странный сон видела: точно покойный отец мой строил мне дом, а я так обрадовалась папеньке, что стала просить его взять меня к себе, а он мне и говорит: «Погоди немного, видишь, крыши ещё нет... вот, отстрою дом, тогда ты и заживёшь в нём», – что бы это значило, Наташа, как ты думаешь?

Я очень хорошо знала, что это значит. Это предупреждение было скорее для меня, чем для Мамá, не

Эти далёкие, милые картины прошлого не могут умиротворить мою душу, она неспокойна и от городских слухов, и от обывательских разочарований, и от тревог за судьбу Ксении.

Предзнаменование

Как-то раз, когда было ещё очень тепло, Мама́, по обыкновению, пошла в послеобеденные часы посидеть на балконе. Вскоре она задремала, а я воспользовалась этим, чтобы выйти из дому по делу. Вернулась я часа через полтора, когда Мама́ уже проснулась.

– Представь себе, моя душка, кажется, я задремала, а вместе с тем я только что видела бабушку Клару Ивановну¹, и сама не ведаю как – во сне или наяву? Её я не знала. Она скончалась за десять лет до моего рождения, и ей было тогда сорок один год, то есть это случилось почти в расцвете её женской жизни. Погибла она от холеры, которая свирепствовала тогда на юге России, и покосила тогда немало народу и в Хорошеве², где жила тогда бабушка. Это было имение деда, перешедшее потом к моему отцу. Он несказанно был привязан к своей матери и никогда не мог спокойно говорить о её преждевременной кончине. Бабушка Клара Ивановна была очень талантливой и интересной женщиной, окончила с шифром³ Смольный монастырь, и 16-ти лет была назначена фрейлиной, но вскоре же выдана замуж за пожилого адмирала Н.Н.⁴ От него она имела сына⁵, моего отца, а через три года овдовела.

Католичка, дочь русского министра, но француза родом, фрейлина, родители которой прожили несколько лет эмигрантами в Швейцарии, она могла рассказать много интересного про себя, про Двор, про лиц, с которыми встречалась. Ты помнишь, я тебе читала выдержки из её мемуаров с подробностями о смерти Государя Павла Петровича⁶? Он очень любил и ценил моего деда, у которого были наилучшие отношения, как это ни странно, и с Государем Александром I⁷. Я ведь дала тебе бабушкину миниатюру, моя душка. Храни её всю жизнь, как я её хранила. Мой прадед, маркиз Иван Иванович⁸, говорил про мою бабушку, то есть про свою дочь Клару: «Ma fille a volé l'esprit de mes fils⁹. Этим всё сказано. Она была по характеру очень жива, *boute-en-train*¹⁰ всякого общества. Крестьяне её

*Император Александр II с супругой
Императрицей Марией Александровной*

¹ Речь идет об урожденной *маркизе Клер (Кларе Ивановне) де Траверсе* (1785 – 1826), дочери маркиза Жана Батиста (Ивана Ивановича) де Траверсе, адмирала и морского министра.

² Село Хорошево Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии – подлинное название имения Леонтовичей.

³ Окончить с шифром Смольный: каждый год 6 лучших выпускниц, закончивших Смольный институт с отличием получали «шифр» – золотой вензель в виде инициала Императрицы Екатерины II, который носили на белом банте с золотыми полосками. Эта награда давала возможность стать фрейлиной при Дворе.

⁴ Контр-адмирал Леонтович Константин Степанович (? – 1811).

⁵ Лейтенант Леонтович Александр Константинович (26.03.1806 – 1863).

⁶ В результате заговора части дворянской верхушки во главе с графом П. Паленом Император Павел I был убит 11 марта 1801 г. в своей спальне в Михайловском дворце Санкт-Петербурга.

⁷ Заговорщики, готовившие убийство Павла I намеренно сеяли рознь и подозрения между Императором и его сыном, Цесаревичем Александром. Участие Александра в событиях 11 марта 1801 г. до сих пор покрыто завесой тайны. Никаких убедительных доказательств в том, что Цесаревич знал о грядущем убийстве своего отца, не существует. Но Александр всю жизнь испытывал жесточайшие муки совести за происшедшее.

⁸ *Маркиз Жан Батист Прево де Сансак де Траверсе* (в России стал именоваться «Иван Иванович де Траверсе»).

⁹ Моя дочь похитила ум моих сыновей (*фр.*) [*прим. автора*].

¹⁰ Гвоздь общества [*прим. автора*]. Душа компании.

*Шифр, которым награждались
выпускницы Смольного института,
закончившие его с отличием*

обожали, и я знала стариков и старух в Хорошеве, которые со слезами вспоминали её и рассказывали, как она была всегда к ним добра. Так вот, представь себе, полчаса тому назад, увидела я её перед собой так ясно и отчётливо в светло-сером шёлковом гладком платье. Как живая, стоит она и теперь перед моими глазами. Никто мне её не назвал, но я точно знала, что это она, бросилась к ней и говорю: «Бабушка, милая бабушка, возьмите меня с собой». И я стала просить её, обнимать и целовать. А она и говорит мне: «Не могу теперь тебя взять, тебе нужно ещё терпения», и ещё сказала она мне несколько слов, но, как ни люблю тебя, Наташа, но передать тебе их не могу... не должна... Потом я про тебя спросила ещё бабушку. Она мне ответила: «И ей нужно терпения, и ей это будет на пользу. А теперь я пойду к моему Васеньке». И

всё исчезло. Но сколько любви, сколько ласки было в её словах, когда она сказала – «к моему Васеньке», – ведь так она всегда называла моего отца и своего сына. Правда, как всё это странно, и что ты на это скажешь, Наташа?

– Что тебе ещё рано думать нас оставить, дорогая Мамá.

– Ну, а про терпение?

– Вот увидим, что сентябрь скажет.

Я обняла дорогую Мамá, поняв очень хорошо, что и ей, и мне предстояло иметь много терпения в несении какого-то креста, который Господу угодно будет возложить на нас....

Ксения совершает побег с детьми за границу

Что-то отрывается в моём сердце. Рука невольно хочет подняться и перекрестить детей, но падает – что, если увидят и спросят, кого это я крещу и провожаю. С горьким чувством покинутой матери я направляюсь к базару. Но мысль о другой матери, которая также любит и мучается за своё дитя, возвращает мне энергию.

Покупаю, что нужно для обеда, возвращаюсь домой. В моей комнате так пусто и одиноко. Иду к Мамá. Дорогие ручки её меня обнимают и нежный голос говорит:

– Не печалься, моя душка, у Кости им будет лучше. Они могли здесь зачахнуть. Им нужна перемена. Нас с тобой Господь никогда не оставит, и мы ведь будем скоро с ними.

Так она ищет меня утешить, меня ободрить и залечить своею любовью мою печаль.

Я целую её ручки, рассказываю ей об отъезде детей, а затем принимаюсь за уборку комнат, за посуду и обед, чтобы хоть работой прогнать тяжёлые мысли...

Высокие ботинки от Мамá

Погода окончательно портится: идут холодные осенние дожди, и в наших комнатах становится как-то промозгло и сыро. Одновременно возникают два трагических положения, которые следует разрешить немедленно же, именно – чем и как отапливаться, и что мне надеть на ноги?

Первое затруднение уже почти мною устранено: как-то встретив меня у ворот, смотритель двора предложил купить за 12 тысяч рублей печку, порученную ему на продажу съехавшей из нашего двора жиличкой. Но второе – вопрос обуви – разрешить гораздо труднее.

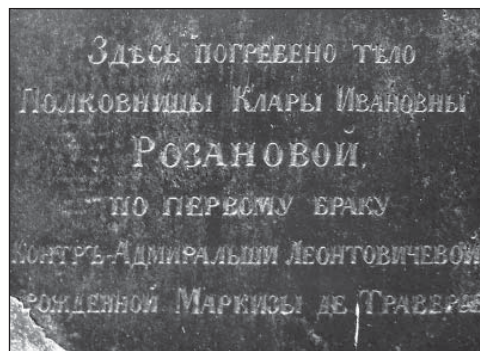
Пара новых высоких кожаных башмаков с хорошими подошвами стоит 60-70 тысяч рублей – капитал для меня недостижимый. Низкие же, тоже кожаные, башмаки ценятся лишь на 10-15 тысяч дешевле, но при отсутствии чулок они для зимы непригодны. Итак, я уже слепила какое-то подобие их из чёрных лоскутков, но эта конструкция уже еле держится на ногах, а единственная моя обувь – чёрные суконные туфли на верёвочных подошвах уже давно пропускают воду. Переменить мне нечего, и ноги ломят не переставая.

Сердце матери, хоть и глаза её не видят, давно догадывается о положении вещей, и вот она как-то посвящает несколько часов таинственной и поспешной разборке своих вещей в сундуке. На другой

день, утром, как только я принесла кофе, она подходит ко мне и, заложив свои дорогие ручки за спину, говорит:

– А я тебе приготовила сюрприз, моя душка. Это не так-то красиво, но очень полезно. Ты меня не брани, я знаю, что и настоящие их владельцы на меня не рассердятся за то, что я эти вещи взяла для тебя. Ведь ты зябнешь, но молчишь, я это знаю и мучаюсь за тебя.

И Мамá подаёт мне превосходные, совсем новые, высокие ботики чёрного сукна с резиновой подошвой. Правда, они старомодны, с острыми носками и без каблуков, но это последнее именно и является необходимым, чтобы надеть их прямо на ногу. Я в восторге, и сразу придумываю комбинацию: устраиваю подобие обмоток и бинтую ими ноги до верха. Они увеличиваются сильно в объёме и, без башмаков, наполняют ботики. Я целую ручки Мамá и признаюсь ей, что она, поистине, вывела меня из безвыходного положения. Радости её нет границ...

Надгробие на могиле Клары Ивановны, ур. де Траверсе Смоленское лютеранское кладбище Санкт-Петербурга

Конец 1920-го – начало 1921-го. Рождественский сочельник

Ударил колокол. Я пошла в церковь помолиться за всех отсутствовавших, зная, что в Женеве и Костя с детьми тоже пойдёт в церковь и будет молить Господа вернуть ему нас. Когда я возвратилась домой, меня сразу обдал чудный еловый запах. Лампада горела. Я затопила печь, поставила всё приготовленное на стол и пригласила Мамá к ужину. Мне особенно памятен этот рождественский вечер, проведённый вдвоём с матерью. Было тихо, тепло и уютно. Крошечная лампочка озаряла чудное по своему выражению лицо старушки, надевшей к преддверию праздника белый чепчик и лиловое платье. Она смотрела на свою немолодую уже дочь глазами, полными бесконечной любви.

– Нас только двое, моя душка, а я сегодня так счастлива, как, кажется, никогда не бывала. Только в детстве ты мне так принадлежала, как теперь. Уедем мы отсюда, нам будет лучше, но я лично никогда уже не буду иметь тебя для себя самой так много, как в настоящее время. Как люблю я этот праздник. Сколько времени прошло, а всё помню, как дивно было хорошо Рождество в Хорошеве, у нас в имении. Отец устраивал в зале огромную ёлку, до самого потолка. Приходили дворовые дети, и отец был так счастлив одарить их. Все святки ходили к нам ряженые: как плясали, как остроумно представляли. Ты не можешь себе представить, сколько они проявляли наблюдательности, чувства меры и тонкого юмора. Да, чудесно справляли праздники Рождества в Малороссии, и две недели Святки проходили, как один день.

Отца все чрезвычайно любили: он был необыкновенно добрый человек и умел помогать нуждающимся. В случае пожара или какой-нибудь беды у вольных ли, крестьян, или у однодворцев, отец давал не рубль и не два, чтобы отделаться от просителя, а входил в его положение: помогал, например, ставить избу, купить лошадь или корову, ежели у кого пала. Любил он и выводить в люди из своих же крепостных, кто был поталантливее. Его вообще мало обманывали, но, если когда-нибудь это и случалось, то, бывало, он собственными руками спускал виновного с лестницы. Он был очень горяч и обладал громовым голосом. Государь Николай Павлович особенно любил слушать его командование, а адмирал Лазарев говорил про него: «Человек с душою и любит море». Это была его высшая похвала моряку.

Однако, тридцати пяти лет отроду, имея перед собой блестящее служебное будущее, командуя уже бригадом, отец полюбил Мамá и бросил всё. Морской министр говорил про него: «два чувства не могут уместиться в его сердце». Действительно, женившись, он прожил только год в Петербурге, а затем переехал с молодой женой в Хорошево, где и зажил, занимаясь хозяйством. Он построил прекрасный дом, отличавшийся не роскошью, а удобством, поместительностью и крепостью.

Его мать, моя бабушка, Клара Ивановна, тогда уже умерла. Она скончалась на 41 году от холеры, всю жизнь оплакиваемая своим единственным сыном. Таким образом, я никогда не видела бабушку, хотя много слышала от помнивших её помещиков и крестьян, какой она была прекрасной личностью. Как француженка, бабушка была католичкой, у меня хранится французский катехизис,

Няня Маша

по которому она учила своего сына. Отец был истинным христианином и относился равно ко всем людям. От его наблюдательности не укрылась, например, бедность фактора, еврея Бродского, жившего в Хорошеве.

– А что такое фактор, Мамá?

– В то время в каждом почти большом селе, как, скажем, наше, жило одно или два еврейских семейства. Глава семейства занимался обычно факторством, то есть комиссионерством, исполнением всякого рода поручений, где требовались ум и сметливость. Так вот, фактору Бродскому, по его просьбе, отец дал 2.000 рублей. Для комиссионера это была огромная сумма и многие упрекали отца за такое доверие. Но Рара, зная честность, способность и трудолюбие фактора, не ошибся: Бродский отдал деньги в срок, хотя и не давал расписки. С тех пор он стал на ноги и всю жизнь был искренне благодарен отцу. В нашем округе евреи благоговели перед отцом и называли его «Король», за красоту, за голос и доброту. Отец, хотя и был очень богатым человеком, но не любил швырять деньгами и считал это большим проступком. Не любил он также оставлять деньги незапертыми, считая великим грехом вводить людей в соблазн. Он был большим патриотом, но, как ни рвался присоединиться к товарищам в Севастополь-

скую кампанию, подагра приковала его к креслу, а потом и доконала. Ведь он умер ещё не старым человеком – ему было всего 57 лет, но сегодня я не хочу об этом вспоминать.

Перед моими глазами проносятся другие картины: вот, садятся за ужин в Сочельник. Чего-чего только не было на столе – и описать трудно... И маринованная осетрина, которая у нас вообще не переводилась, и заливное из рыбы, и рыба жареная, и пирог с белыми грибами, и пирожки с капустой, с яблоками и с маком. А какая кутья – мягкая какая-то, с тех пор я не едала такой, в ней грецкие орехи, цукаты, мёд, маковое молоко. Какие узвары: бывали с вишнями, с персиками, с абрикосами. Об яблоках и грушах и говорить нечего. Работало у нас два повара.

Семья наша была невелика, но отец был хлебосолом и много принимал. Сам он не курил, не пил и в карты не играл. Дал в этом слово бабушке и всю жизнь крепко его держал. Терпеть не мог он пьяниц, и пьяному лучше было на глаза ему не показываться. Любил отец хорошо угостить и умел это сделать, но достатков своих не уменьшил, а только умножил. Обед обыкновенно у нас в Малороссии подавался в час дня и состоял из пяти блюд. Без рыбного, хотя рыба была привозная, мы за стол не садились. К супу обязательно подавались разного рода пирожки. Если не было гостей, обедом и заканчивалась работа поваров. В обыкновенное время, к восьми часам вечера, только подогревалось то, что оставалось от обеда. Отец не любил накладывать ненужной работы на людей и желал, чтобы они имели свободное время для себя. Но он хотел, вместе с тем, чтобы повара не забывали своего искусства, а потому требовал от них тщательного отношения к делу.

Хорошево находилось в 45 верстах от города и, когда погода была ведренная, а покупок крупных не было, за почтой два раза в неделю ходил скороход. Он делал это в два дня и одновременно исполнял в городе и многочисленные мелкие поручения. Этим он и жил. Человек он был вольный, непьющий, необыкновенно смиренный и честный. Теперь *emploi*¹ скороходов совсем вывелось, трудно себе даже представить, что в то время это было своего рода ремесло.

С какой любовью вспоминаю я старых слуг: няню Марию Афанасьевну, экономку Фиону Ивановну – это были чудные праведницы... Старинные слуги, в моё время, бывали часто подвижниками, не говоря о том, сколько у них часто было своеобразного ума и талантливости. Ты помнишь ли, например, мою няню Машу? Ведь её за ум все люди «министром» называли, а была она еле грамотна. Смотрю я на нашу советскую лампочку, и вспоминается мне, как няня Маша рассказывала нам, детям, чудесные сказки, а сама, нет-нет и снимет нагар со свечки ножницами. Такие серебря-

¹ Занятие (фр.) [прим. автора].

ные ножницы, с особым загнутым выступом на одном лезвии, лежали во всех комнатах, – помнишь, у меня пара пропала в Тихом? Тогда горели сальные свечи и выделяли их в имениях. На званых же вечерах зажигали в люстрах парафиновые и восковые свечи. Потом пошли масляные лампы, и назывались они «карсельскими»¹. Ты помнишь, у нас было две таких лампы, саксонские *oignon*²? Уже много позже познакомились мы с керосином...

Так вспоминала Мамá о старине. Затем перешла на моё детство, не забыла и о заветном, шоколадном башмачке, который я получила на ёлке и которому я тотчас же откусила каблук. Мне было тогда всего три года, а Мамá спрятала этот сапожок и хранила его всю жизнь, равно как и мою первую куклу, и первое платье, ею самой сшитое. Всё это погибло в Тихом.

Затем вспоминали мы уже вместе наши петербургские ёлки, моего незабвенного Бореньку и всех, кого не было с нами. Хотя память об отошедших и отсутствовавших и резанула сердце, но душу сейчас же наполнило бодрое и сладостное чувство: «С нами Бог³, во веки, аминь»...

*Тетя Александрин Княжевич,
супруга «зятя князя Рокотова»:
Николая Максимовича Княжевича*

Весна 1921 г. Перед побегом. Воспоминания Мамá

В последние дни укладки я была так занята, что уделяла лишь очень мало времени моей дорогой матери. Только вечером я могла до известной степени это восполнить. Тут-то, при горящей лампаде, в тишине, Мамá начинала рассказывать о старине, как будто она спешила запечатлеть в моей памяти все картины своего прошлого. Они так вырисовывались передо мной, точно я видела всё это собственными глазами. Вероятно, это происходило от необыкновенной правдивости и чистоты самой рассказчицы.

Вот – вижу Мамá маленькой девочкой. Она живёт в широте и довольстве тогдашнего малороссийского быта, в селе Хорошеве, главном имении отца. Родители её молоды и так красивы. Но девочка мала и многого себе не уясняет. Помнит она, как чудесно справляли Рождество, Пасху, семейные праздники, как легко жилось в этом привольном крае, о котором она вспоминает с такой радостью.

Потом, внезапно, жизнь эта оборвалась. Она помнила, что её долго, долго везли в дормёзе⁴ в северное имение деда, князя Рокотова⁵, где царствовали роскошь и богатство, но не было настоящей хозяйки, так как бабушка умерла от чахотки 26 лет от роду⁶. Домоправительницей была недобрая молодая тётка, гроза всего живого. Родители оставили дочь на попечение деда, а сами уехали за границу, для лечения матери. Такие поездки в 40-х годах прошлого столетия были длительными предприятиями, производились в дормёзах, с остановками по всем почти городам для отдыха и еды.

Таким образом, несчастная девочка попала в руки злой родственницы и много пролила горьких слёз в своей золотой клетке. Началась трагедия детской души. С бесчеловечной жестокостью недобрая женщина обрушилась всей своей злобой на беззащитного ребенка: почему так трудно рас-

¹ *Карсельская лампа* – фарфоровая ваза на массивной бронзовой подставке, масло поднималось в горелку при помощи насоса, приводимого в действие часовым механизмом; в 1800 году изобрел швейцарский мастер Карсель.

² Саксонские лампы *oignon* (фр. лук) – лампы немецкой фарфоровой мануфактуры Мейсен (мейсенский фарфор) с «луковичным декором» – синяя (кобальтовая) роспись по белому фону с мотивом, изображающим экзотические фрукты, цветы и листья. Узор произошел от китайского декора, при копировании которого экзотическим фруктам была придана более привычная для европейцев форма, напоминающая луковицу. Декор также имел название «синий лук».

³ Слова из торжественной песни пророка Исаии, которая поётся во время всеобщего бдения праздника Рождества Христова.

⁴ *Дормез* – истор. (франц. dormeuse, от dormir – спать) дорожная карета, устроенная так, чтобы в ней можно было бы лечь во весь рост и спать.

⁵ Фамилия вымышленная, ибо князей Рокотовых не было. Дедушка «Прасковьи Васильевны» (Ольги Александровны, ур. Леонтович), отец ее матери (Ольги Ивановны Леонтович, ур. КН. Кропоткиной) – князь Кропоткин Иван Алексеевич (1777–1866).

⁶ Наталья Артамоновна Кожина.

«Дядюшка Бутурлин»:
Николай Александрович Бутурлин

чесать волосы девочки (они вились у неё густыми локонами); почему девочка в саду, а не дома; почему дома, а не на воздухе; почему со стола пропал червонец? То и дело слышался крик: «Засеку». Действительно, била и секла без конца. Червонец нашёлся через год, когда перестилали пол в комнате тётушки: он, видимо, закатился в щель. Дом велик, истязаний не видно и не слышно, никто из слуг не смеет доложить деду. Подробности были так ужасны, что Мамá, вспоминая их через 75 почти лет, вся трепетала от одной мысли о них. Мне же так больно было слушать, что я принимала все меры, чтобы рассказ перешёл скорее на другую тему.

И вот я знаколюсь с другими лицами: маленькую девочку любил очень её дядя, *Николай Максимович К., зять князя Рокотова, её деда. Дядя – крупное административное лицо в губернии, облегал, как мог, горькую долю девочки, и хоть немного скрашивал чёрные дни её сиротливого детства. От него не отставали две подвижницы дома: старушка няня и экономка, как и добрейшая мадемуазель Корбо, швейцарка-гувернантка, к сожалению, скоро покинувшая дом по случаю своего замужества.

Предо мною проходит вся родня, и более знатные, и победней, вся прислуга, по рангам: вот приказчик Клим, со всеми своими особенностями, вот и старик дворецкий, вот и карлы и карлицы, уже доживающие свой век. Вижу мастериц, ткачих, кружевниц и всяких других специалистов и специалистов.

Из родни особенно памятен Мамá был её дядюшка *Бутурлин, которого сажали всегда за отдельный стол, с вырезом для его полноты. Ему подавали ту же еду, что и всем, но на особом блюде: пол-осетра было его порцией, остальное шло в том же количестве. Он был добродушен и щедр. Слуги его любили.

Наоборот, общей антипатией как господ, так и слуг, пользовалась пожилая девица-княжна, 70 лет, сестра хозяина дома. В занимаемых ею комнатах наверху, всегда томился в углу, на горохе, личный её казачок. Его жалела и о нём плакала только одинокая девочка, знавшая по горькому опыту всю мучительность этого наказания. И молодая тётка-домоправительница, и пожилая гранд-тант¹ могли в жестокости соперничать друг с другом.

Иногда к деду наезжал его добрый младший брат, которого в семье не особенно жаловали: он был невелик в чинах и в делах своих незадачлив. Но именно он особенно умилял несчастную девочку. Как-то, на Рождество, он подарил одинокому ребёнку плитку шоколада, обернутого в бумагу с картинкой, изображавшей корабль, сказавши: «Возьми это, Пашенька. Корабль для тебя: на нём едет к тебе папенька».

Эти простые, но ласковые слова девочка запомнила на всю жизнь, на десятки лет, даже в старости согреваясь памятью о них.

Мамá рассказывала о жизни в великорусской деревне, на чудесном, лесистом берегу одной из больших судоходных рек, в живописной усадьбе вельможи-дедушки, служившего ещё Матушке-Царице². На зиму дедушка со всеми домочадцами переезжал в город. И это была своего рода жизнь в усадьбе, только меньших размеров. Обыкновенное число всех живущих в доме было свыше 40, в праздничные же дни превышало 60.

Как-то, на Рождество, приехала из Петербурга погостить красавица *графиня Ольга Ржевская³, двоюродная сестра дедушки. Она уже не была молода, но очень ещё хороша собой и, что лучше всего, была чрезвычайно приветлива. Насмотревшись на тяжёлую долю своей племянницы, она сейчас же написала об этом её отцу.

¹ Двоюродная бабушка.

² Императрица Екатерина II.

³ Польский дворянский род *Ржевских* впервые упоминается в документах в сер. XVI в., в роду известны старосты, воеводы, офицеры и епископы. Со временем фамилия стала писаться *Ржевуцкие*.

Наконец, явились и родители. Не было конца счастью девочки: она предчувствовала своё освобождение. Действительно, хоть ей и неизвестно было, что говорили между собою взрослые, но одно ей было ясно: её увозят в Хорошево. Вскоре оттуда обожаемый ею отец повез её в Киевский институт, где ей предстояло пробыть, по тогдашним правилам, безвыездно целых восемь лет.

Новые картины рисуются предо мною:

Вот «Мамáн», величавая начальница, старинная бабыня, с важными приемами, очень строгая, но добрая и справедливая.

«Фельдфебель, подай розог», – эта угроза часто слышится из её уст, но, конечно, никогда не осуществляется. Верно, и она-то, бедная, повторяла её лишь потому, что в далеком прошлом приходилось слышать этот выкрик, может быть, не один раз.

Нашей новенькой институтке всего десять лет. С уже потрясённым здоровьем вошла она в новую жизнь и потому чувствует себя неважно. Вскоре её помещают в лазарет. Когда она приходит в себя и ей становится лучше, она силится разобрать смысл надписи над своим изголовьем: «Фебрис нервоза»¹, и никак не может понять её значения. Ласковая няня рассказывает про её болезнь и выздоровление, которое, как видно, наконец, послал ей Господь. Она всё же так слаба, что ещё не имеет сил, чтобы встать.

Между тем, в лазарете движение, чувствуется радостный подъем. С маневров приезжает изумительный красавец. Ему все делают реверанс, называют «Величеством»². Он ласков и обворожителен, прямо идёт к больной девочке, садится на кровать и, улыбаясь, говорит: «Покажи мне язык».

Со страху она показывает только кончик. Начальница и доктор тут же, и недовольны этим. Девочка вытягивает всё, что может, – все смеются. Красавец же, с косою чертою загара на лбу, гладит ребёнка по голове, читает надпись и идёт дальше. Девочке никогда уже не забыть ни этого несравненного величия, ни этой исключительной красоты. Только «Мамáн», хоть и старушка, одна лишь может сравниться с ним по величавой манере. Государь, в палате же, прощается с нею, благодарит и целует руку.

– Рада я, Государь мой батюшка, что тебе наши порядки понравились, – помнила девочка на всю жизнь важный и степенный ответ начальницы.

Это происходило в 1850 году, когда начальнице *Ниловой³ было за 76 лет. Недолго прожила она после этого радостного посещения.

Ей на смену была назначена *Голубцова, рождённая *графиня Толстая. Пошли иные порядки и иные веяния. Новая начальница была утончённого воспитания, с её уст простых слов никогда не

«Отец Прасковьи Васильевны»: Александр Константинович Леонтович

¹ *Febris nervosa* – лат. букв. нервная лихорадка, колебания температуры тела, связанное с потрясенным состоянием нервов. Синдром проявляется помрачением сознания

² Император Николай I.

³ «Первою руководительницею по воспитательной части в Киевском Институте была жена действительного статского советника П.М. Нилова, назначенная начальницею этого заведения при самом его открытии: Прасковья Михайловна Нилова, урожденная Бакунина, руководила Институтом 13 лет, с 1838 по 1851 год. Любимая племянница певица Екатерининских времен – Державина, она была воспитана и провела молодость среди преданий той замечательной эпохи, когда основатель наших женских учебных заведений, известный Бецкой, положил их целью – стремление создать «новую породу людей», которыми надеялся перевоспитать прежнее общество и воспитать в новом духе грядущее поколение. П.М. Нилова строго держалась этой системы и по закону, и по личному убеждению. Принимая ребенка в Институт, Прасковья Михайловна старалась создать для него мать в себе – и находила для этого верное средство в своей одаренной истинно материнскою добротою душе». *Захарченко М.М.* История Киевского Института Благородных Девуц 1838–1888. Киев, 1889.

См. <https://duchesselisa.livejournal.com/174544.html>

Начальницы Киевского института благородных девиц:
П.М. Нилова и Е.Д. Голубцова

срывалось, да и по-русски она говорила далеко не так, как её предшественница. Институтки утверждали, что, когда начальница говорила по-французски, то она очень умна, а когда по-русски, то менее. Время, однако, доказало её питомицам, что Голубцова была не только образцом светской дамы, но и добрая и чуткая¹ «Мамá»².

Летят годы, наступает Крымская война, приходит весть о смерти красавца-Государя³; кругом слёзы и плач, особенно тех, кто лично знал его.

Опять летит время. Я знакомлюсь со всеми преподавателями и классными дамами, со всеми красавицами-институтками того времени. Я знаю темы сочинений, кто и как успевал в них. Приближается выпуск. Бедная девочка так уже сроднилась и полюбила новую семью, что детские годы, проведённые у деда и расстроившие её здоровье, кажутся, в сравнении с институтской жизнью, страшным сном. Господь наградил её чудным слухом и бархатным голосом. Я знакомлюсь с преподавателем пения, мосье Роллином, который к выпуску разучивает с ученицей арию пажá из «Гугенот»⁴, и другую из: «Гацца-Ладра» (Сорока-воровка)⁵. Он все повторяет: «Il est vrai qu'il ne faut pas étre coquette, pourtant il le faut un tout petit peu, mademoiselle Pauline»⁶.

¹ Ср. «П.М. Нилову сменила вдова генерал-майора Е.Д. Голубцова, назначенная Начальницею Института по высочайшему повелению от 25 июля 1851 года и занимавшая эту должность до последних дней своей жизни, т. е. до начала 1871 года. Екатерина Дмитриевна Голубцова, урожденная графиня Толстая, принадлежала по роду и образованию к высшему кругу нашего общества Александровской эпохи. По роду же и воспитанию она не была призвана к этой трудной обязанности, которую исполняла 20 последних лет жизни. Не школа, но горький жизненный опыт приготовил эту женщину к вполне достойному выполнению священных обязанностей воспитательницы. Систематического образования она не получила, и никогда притязаний на всезнайство не объявляла, но за то у нее было сердце, истинно любящее, материнское сердце, которое заменяло ей подчас недостаток познаний». Там же.

² Начальница привилегированного женского закрытого учебного заведения в Российском государстве до 1917.

³ Крымская война (1853–1856) закончилась подписанием в марте 1856 г. Парижского мирного договора, по которому России было запрещено держать военный флот на Черном море. Потрясенный неудачами в войне, Император Николай I умер 18 февраля 1855 г. Прощаясь с семьей и старшим сыном Александром Николаевичем, он сказал: «Мне хотелось, приняв на себя все трудное, все тяжелое, оставить тебе царство мирное, устроенное и счастливое. Провидение судило иначе. Теперь иду молиться за Россию и за вас. После России я вас любил более всего на свете. Служи России».

⁴ Гугеноты (фр. Les Huguenots) опера немецко-французского композитора Джакомо Мейербера по мотивам романа Проспера Мериме «Хроника царствования Карла IX».

⁵ Опера итальянского композитора Джоакино Россини.

⁶ Правда, не нужно быть кокетливой, мадемуазель Полин, а всё же нужно ею быть немного [прим. автора].

Мать «Прасковьи Васильевны»: Ольга Ивановна Леонтович, ур. княжна Кропоткина

Князь Илларион Илларионович Васильчиков

Девушка, почти дитя, плохо понимает значение этих слов, пока ей не приходится участвовать солисткою на выпускном институтском вечере. Генерал-губернатор, князь *Васильчиков¹, вся высшая администрация, нобили города и родители воспитанниц налицо. Горят огни, шумит ульем большой институтский зал. Горят лица и глаза юных артисток. Начинается акт. Всё стихает. Чередуются чтение официальных отчётов, краткие речи, раздача шифров, медалей, наград и аттестатов. Молодая солистка, блестяще учившаяся словесным наукам, всегда была слаба по математике и потому награждается лишь книгою с гравюрами.

Но она не занята книгой. Она поглощена ожидаемым выступлением. Наступает самая интересная часть вечера – дивертисмент. Слышатся прелестные арии из «Гугенот» и «Сороки-Воровки». Очаровательно звучит голос нашей солистки. Её окружают, восхищаются её талантом. Она начинает понимать советы мосье Роллина, а князь Васильчиков нагибается к её матери, сидящей рядом с ним, и делает комплименты по адресу дочери.

Начинается балет. Все в белом, белокурые головки повязаны голубыми лентами, тёмные же, как наша солистка, – розовыми. В соответствии по цвету – у всех пояса и шарфы. Переливаются, соперничая в грации, милые видения, переплетается белый, голубой и розовый газ. Все молоды, свежи и полны надежд.

Но близится конец фееричному празднику. Гости приглашаются в соседнюю залу, где сервируется чай. За ним следует разъезд.

На следующий день наступает прощание с институтом. Сын начальницы приезжает к бабушке и просит руки её дочери. Полин не хочет об этом слышать, и мать не настаивает.

Как ни жаль оставить стены института и любимые лица, но Мамá спешит увидеть отца, мыслями о котором она постоянно жила. Во время дороги ей никак не удаётся добиться подробных сведений о нём у матери. Но вот Полин дома, она вбегает к отцу: он лежит разбитый параличом. Рано начинает нести тягости жизни бедное юное создание. Смерть отца уже не за горами.

Лето в деревне проходит очень печально, и Полин не глядит даже на двух-трёх соседей, что приезжают её сватать: все её помыслы об отце. К осени его везут за границу. Едут в *Оберметовской

¹ Князь Илларион Илларионович Васильчиков (1805–1862) – генерал-лейтенант, генерал-адъютант, киевский генерал-губернатор в 1852–1862 гг., с 1861 член Государственного совета Российской Империи.

Графиня Прасковья Петровна Кутайсова
(ур. Светлейшая княжна Лопухина)

Граф Павел Иванович Кутайсов

карете¹, приспособленной для жизни в дороге. В ней можно даже лежать. Состояние больного, однако, ухудшается. Полин не отходит от отца. Его везут в Мариенбад, а затем в Дрезден на консультацию врачей.

Там живёт старая тётушка, *графиня Кутайсова, рождённая *княгиня Лопухина². Она ласкает свою племянницу и всячески старается её развлечь. Ей идёт восьмой десяток, силы уже многого не позволяют ей. Когда-то она блистала своей красотой и была выдана замуж 15-ти лет, по приказу Государя Павла Петровича. За нею ночью из дворца была прислана карета и она была взята от родителей в чём была, то есть в пудермантеле³, как рассказывала мне о том моя бабушка – её двоюродная сестра. В том же наряде трепещущая девочка и была немедленно обвенчана в дворцовой церкви с любимцем Государя, графом Кутайсовым.

Когда Полин была в Дрездене, то есть в конце 50-х годов прошлого столетия, у графини Кутайсовой были две красавицы-воспитанницы, сёстры *Чулковы, бывшие киевские институтки, чрезвычайно обрадовавшиеся неожиданной встрече со *своей младшей подругой по учебному заведению, где они провели безвыездно столько лет. Было им о чём вспомнить и о чём поговорить...

Впоследствии одна из сестёр вышла замуж за князя Апахидзе и была известна в Петербурге 80-х годов своею *maison de couture*⁴. Действительно, мастерская её была очень хороша и выпускала прекрасные вещи. На смену ей явилась Ламанова⁵, настоящая художница своего дела, одевавшая Государыню Александру Феодоровну и всю петербургскую и московскую знать.

¹ М.б. в *Аберметовской карете*? Вильгельм Яковлевич Абермет, немецкий подданный, Императорский германский вице-консул, инженер, жил в Екатеринославе (в Екатеринославской губернии имение отца Матá, Хорошево), контора «Абермет Вильгельм Яковлевич» занималась торговлей английскими станками и инструментами, германскими сельскохозяйственными машинами.

² *Светлейшая княжна Прасковья Петровна Лопухина* (в зам. графиня Кутайсова; 1780–1870) – дочь Светлейшего князя Петра Васильевича Лопухина, чья сестра – Вера Васильевна Лопухина – была прабабушкой «Полин», матерью ее мамы (Натальи Артамоновны Кожиной).

³ Накидка, надевавшаяся при пудрени лица и головы.

⁴ *Maison de couture* (фр.) – швейная мастерская, Модный дом.

⁵ *Надежда Петровна Ламанова* (1861–1941) – выдающийся художник одежды; «Поставщик Двора Ея Императорского Величества»; ее творчество повлияло на коллекции французского модельера Поля Пуаре, в которых впервые появились приметы «русского стиля»; в советское время художник по костюмам МХАТ.

Сестры Чулковы.

Слева: княгиня Апахидзе, основательница Модного дома в Петербурге.

У графини Кутайсовой Полин видит причуды XVIII века, так знакомые ей по воспоминаниям детских лет, проведённых у деда Рокотова: тут и попугаи, и карлы, и масса крепостных людей...

Отцу Полин делается всё хуже, наконец, его везут в Теплиц, где он вскоре же кончает свои дни. Лучшая пора жизни Полин завершилась. Проведя ещё год за границей, мать и дочь возвращаются в Россию. Но не радостно было это обратное путешествие.

Полин рассчитывала по приезде в Россию выйти замуж за молодого русского профессора, которого она встретила за границей, мать же всячески препятствовала этому. Молодой учёный принадлежал к прекрасной помещичьей среде, имел очень хорошие средства и приехал в Мариенбад из Англии, куда ездил, как и в Америку, на съезды по своей специальности. В Мариенбаде состоялось знакомство молодых людей, чему способствовала курортная жизнь, и, в конце концов, они полюбили друг друга глубоким и возвышенным чувством. По отъезде избранника своего сердца Полин начала с ним переписываться, «до востребования». Так продолжалось около двух лет, кроме летних месяцев, когда профессору удавалось приезжать и устраиваться по соседству с Полин, которую он считал своей невестой.

После многих трагических перипетий, Полин, по выбору и по воле матери, была выдана замуж не за профессора, а за соседа-помещика и местного предводителя дворянства. Он с 8 лет был круглой сиротой и воспитывался опекунами. Выйдя из училища гвардейских прапорщиков в один из славных Петровских полков, он прослужил в нём недолго, переехал в деревню, стал заниматься хозяйством, значительно расстроенным опекуном, и начал служить по выборам. Незадачлива была его жизнь с самого начала: рано лишился он ласки и любви родителей, ничто в жизни ему не удавалось, несмотря на всеми признанные выдающиеся ум и красоту.

Спустя много лет у них родилась дочь Наташа, которая одна только скрашивала потёмки жизни своей матери.

В таких рассказах проходили наши вечера.

Мы обе в это время уже лежали; тихо, гармонично раздавались звуки голоса Мамá, и в старые годы сохранившего свои прелестные модуляции. Слушая мою мать, я лишь старалась направлять её рассказы в спокойное русло и избавить её от волнующих и тяжёлых воспоминаний. Как памятно мне её слова:

*Дмитрий Иванович Калиновский,
муж «Прасковьи Васильевны»:*

*Ольги Александровны Леонтович и отец
автора романа «Наташи Артамоновны»:
княгини Веры Дмитриевны Лобановой-
Ростовской*

возражения, Наташа, но для меня они неубедительны. Я всё видела, всё испытала; всё для меня понятно, все душевные изгибы мне ясны, тем тягостней мне смотреть, или скорее чувствовать, творящееся кругом. Как устала я жить, Наташа. Да и как не устать: подумай только – при мне расцвела и померкла культура огромной страны. Я видела в детских сальные свечи, на смену им пришли стеариновые. Я танцевала при карсельских лампах¹, видела начало керосинового освещения и электрического, чтобы вновь вернуться к ночнику нянюшек и деревни. Так и в людях произошла перемена. Я видела духовное величие своего народа, видела его безверие, надеюсь – только временное, его разврат и падение. Ничем не могу помочь, никого не могу удержать, и это бессилие горше всего. Тебя только мне будет жаль покинуть, Наташа, так как более преданного человека тебе не удастся иметь на земле. Нельзя больше любить тебя, чем я люблю тебя, моя душка, но Сам Господь будет печься о тебе!

Так-то, в таких тонах и разговорах коротали мы наши вечера. Каково же было мне утром вновь переходить из этого мира в другой, полнейший ему антипод, смотреть подчас на умирающих от голода людей и животных, видеть безобразные картины ужасного быта советской России...

Побег. «Мы едем...»

Мы едем по городу молча – боязнь всё время не оставляет нас. Но сидение из-за плетёных веревок мягко; солнце светит ярко, воздух, очищенный ливнем, – чудесен. Мамá рада, видно, и теплу, и чему-то, хоть неизвестному, но новому. Погода настолько мягка и тиха, что я расстегиваю под сестринской косынкой ворот моего пальто. Проходит четверть часа; жуткое чувство, видимо, покидает нас.

– Какая погода, Наташа, для нашей поездки. Не удивительно ли это после того, что было в полдень? – проговорила Мамá.

¹ Карсельских масляных [прим. автора]. Карсельская лампа – дорогая фарфоровая ваза на бронзовой подставке; масло поднимается в горелку при посредстве насоса, приводимого в действие часовым механизмом; в 1800 году изобрел швейцарский мастер Карсель.

– Да, и я в себя прийти не могу. Хотя уже во время молебна, когда читали: «Да не смущается сердце ваше, веруйте в Бога и в Мя веруйте»¹, – сразу охватила меня надежда на помощь Божию, – ответила я.

– Да, моя душка, но самое тяжёлое не позади, а впереди нас. Сегодня ночью...

В лодке

Но Филиппа и Савку ничто не могло остановить, и со всё возрастающей быстротой они влекли Мамá к берегу. Вот они у лодки, хватают Мамá, сажают на скамью, кричат мне: «Прыгайте!», напирают на лодку, сталкивают её в воду и вскакивают в неё сами. Савка с шестом становится на корму и ловко отчаливает. Филипп сидит у вёсел напротив меня и гребёт. В два-три удара мы уже далеко от берега. Мамá сидит очень высоко на носу, ко мне лицом. Между нами Филипп. Она одна. Боже, как бы не упала. Но она дочь моряка и отважного командира. Кровь говорит в ней, и она держит себя героем, в 81 год сидит прямо, как тростинка, хотя лодку и бросает из стороны в сторону. Волна очень сильна и лодка протекает. Я сижу в её центре, и мне это очень чувствительно. Около меня громадный ком сетей с кое-где ещё застрявшей рыбёшкой... Долго шли мы таким образом; наконец показались первые камыши...

– У меня ноги перекручены. Я сижу, как меня посадили. Тяжело мне. Помогите мне встать на минуту, да поправить их. Я сама двинуться не могу. Что-то мешает, – проговорила Мамá, не решавшаяся долгое время никого беспокоить.

– Бабушка, потерпите маленько, теперь до румынских вод недалеко: боюсь погони на парусах. Я сам на веслах умаялся. Нутренность мою так и палит.

– Мамá, посмотри, как это красиво, – постаралась я отвлечь внимание дорогой старушки, указывая на огромное зарево направо в камышах. По своей яркости оно было доступно зрению Мамá... мы скоро увидели зажжённые на берегу костры и возле них натянутые на шесты сети. Двигавшиеся перед ними люди казались какими-то чёрными, сверхъестественными силуэтами на багрово-красном фоне огня. Картина казалась страшной и зловещей, точно изображение ада, но была полна эффекта, красочности и невольно притягивала внимание зрителя. Мой мозг тем временем сверлила мысль, как бы переложить ноги Мамá...

– Парус, парус! Ниже голову, Наталья Артамоновна, – вдруг послышался встревоженный голос Филиппа.

– Ноги мои, ноги! Наташа, помоги, голубка! – молит Мамá.

Она не слышит, что говорит мне Филипп, и не видит опасности. Я же не могу остановить работы вёсел и ей помочь. Её силуэт, к счастью, не виден за спиной Филиппа.

– Сейчас, сейчас помогу, ещё потерпи минуту, дорогая.

– Тише, держите голову ниже, чтобы не видно было, что тут женщины, – с отчаянием в голосе просит Филипп. Он спешно достаёт револьвер и кладёт его рядом с собой на скамью.

– Наташа, я боюсь, мне делается дурно от боли. Мне сводит судорогой ноги. Наташа, ради Бога, помоги, – стонет Мамá.

Господи, вызволи, Господи, спаси! Ещё усилие, ещё несколько последних страшных минут. Филипп уже выбивается из последних сил. Ещё несколько ударов вёсел, и мы входим в румынские воды. Рыбаки снимают шапки и крестятся...

«Наташа», «Наталья Артамоновна»: Вера Калиновская (в замужестве Лобанова-Ростовская) в возрасте 2-х лет. 18 августа 1873 г.

¹ Ин. 14, 1.

На другом берегу

– Поздравляем, сестрица, мы спасены. Бабушка, вот Вам и берег! – облегченно вздыхая, говорит Филипп...

Лодка наша упёрлась в песок. Самостоятельно встать Мамá не могла. Ноги её были скручены среди каких-то наваленных шестов и канатов. На руках снесли мы её на берег и посадили на кочку. Ноги её настолько онемели, что она едва их чувствовала. Надо было только удивляться терпению, с коим выносила она около трёх часов такую муку.

Мамá обнимает меня, и сколько тихой радости было в пожатии её руки, и сколько тепла в словах, обращенных к рыбакам:

– Ну, спасибо вам, Филипп и Савка. Вы нас спасли. Я никогда не забуду, как вы работали эту ночь.

В эмиграции

...меня ошеломила Никита, невольно приковав всё моё внимание своим замученным видом: его контуженная голова причиняла ему порой нестерпимые муки, доводившие его до потери сознания, его нервная система была потрясена. Я его не узнавала. Что с ним стало? После невероятных трудностей эвакуации он проживал сначала в Константинополе, в этом человеческом водовороте, а затем в столицах Запада, с их шумом и суетой в то время, как ему были нужны санатории и особый режим, но это мы поняли только впоследствии...

«И сколько ещё жертв дала эта бойня белых и красных!»

Для замученной души Никиты требовалось водительство и окормление особого свойства. Три года он провёл в кровавой бане, многократно был ранен, находился несколько раз в плену у большевиков, столько же раз стоял у «стенки» и, хотя каждый раз и бывал чудесно спасаем, но потрясения всё же не избежал. Болел он и сыпным тифом; ещё не долеченный пошёл в бой, страдал последствием отмороженных ног после того, как красные гнали его без сапог на расстрел по снегу, когда, уже падая от изнеможения, он был отбит подоспевшим отрядом белых. И опять кровь, кровь и кровь! Вот какой сплошной мукой была жизнь моего сына в возрасте от 19 до 22 лет. Результатом всего этого был припадок бурного умоисступления и гибель Никиты в августе 1921 года.

Мы с мужем потеряли второго сына¹. Что я вынесла, знает Один Господь Бог, допустивший этот страшный удар. И сколько ещё жертв дала эта бойня белых и красных. Одни погибали вскоре же после Никиты, другие протомились дольше, а многие томятся и по сей день, измученные туберкулезом, неврастенией, полной инвалидностью и прочими недугами.

Число этих страстотерпцев нам не перечсть...

«Что вы молитесь о нём? Это он молится о вас»

Приближалась первая годовщина со смерти Никиты. Как я ни молила Господа, но мне ничего не было открыто о судьбе его. Тогда я обратилась к моему небесному заступнику, Батюшке Серафиму Саровскому, надеясь опять получить от него утешение, как это было уже в 1904 году². Я умоляла Преподобного тем или иным путём открыть мне о загробной участи сына. Отправляясь к обеду, я зашла к Мамá.

– Я помню, Наташа, сегодня первая годовщина по Никите, и ты идёшь в церковь, – сказала она. – Я тоже помолюсь о нём, сидя у себя. Господь не взыщет за это с меня, я так стала слаба. Христос с тобой, моя дорогая.

Когда я вернулась, Мамá заметила:

¹ Не выдержав непереносимой головной боли, застрелился в Булонском лесу под Парижем. См. Лобанов-Ростовский Н.Д. Эпоха. Судьба. Коллекция. М., Русский путь, 2010, с. 383.

² Речь идет о смерти маленького сына Бориса, мучениях матери и обращении к святому.

– Теперь мы все будем вместе. Пойдём в столовую. Но, когда у тебя будет свободная минутка, Наташа, зайди ко мне: мне нужно тебе лично что-то сказать.

Приблизительно через час мы остались одни с Мамá в её комнате.

– Послушай, Наташа, – заговорила она, – какой странный случай был сегодня со мною: все ушли, а я стала молиться о Никите. Так прошло некоторое время. Вдруг я почувствовала что-то необыкновенное в сердце: точно оно силилось мне сказать что-то. Я мгновенно перестала молиться и вся обратилась в слух. В сердце моём послышался тихий, отчётливый голос: «Что вы молитесь о нём? Это он молится о вас». Затем всё стихло. Что бы это значило, Наташа? Никогда ничего подобного со мною раньше не было.

– Как я счастлива, Мамá. Мне трудно даже выразить тебе это словами. Нам с тобою оказана величайшая милость. По моей просьбе Батюшка Преподобный Серафим умолил Господа открыть нам о загробной участи Никиты – он получил дерзновение молиться о нас. Значит, Господь внимает его мольбам. Значит, он спасён! Подумай только, Мамá, об этом непостижимом

милосердии Божиим! А ты за свою чистоту, смирение и кротость получила свыше подавание Духа Святого в сердце твоё. Теперь тебе должно быть понятным, что обозначает выражение – «самодействующая сердечная молитва», о которой аскеты, ведя страшную внутреннюю борьбу с собою, молят Господа и которая открывается в них после стольких трудов. А как только откроется молитва, утихают и страсти человека, он начинает всех любить, по примеру Господа, Который *дождит на добрых и злых*¹. Он облачается в белые ризы непорочности и уподобляется человеку в раю. Тогда повинуются ему дикие животные. Он созерцает видимый и невидимый миры, постигает тайны мироздания, получает видение и разумение прошедшего, настоящего и будущего, и потому уже здесь, на земле, начинает жить, как на небе. Таков был Преподобный Серафим Саровский, Сергей Радонежский, Преподобный Иоанн Рыльский чудотворец² и сонм святых, блистающих в Небесной Церкви. Теперь тебе немного приоткрылось значение таких выражений Священного Писания, как например: *Даждь ми твое сердце*³, *Обручение духа в сердцах наших*⁴ и многих других, говорящих об особенном значении сердца в высочайшей области общения Бога с человеком. Всё это подробно разъяснено и разработано в «Добротолубии», сборнике аскетических поучений V – XIII веков, который, вместе с тем, служит пояснением к таинственному пониманию Библии, имеющей прямое значение для обыкновенных людей и сокровенное – для ищущих высшего.

Я умолкла: я боялась, что утомила Мамá. Нет, она вся обратилась в слух. По дороговому лицу её текли слёзы. Она молча обняла и поцеловала меня...

«Никита»: князь Никита Иванович Лобанов-Ростовский

¹ Ср.: Мф. 5, 45: *Он повелевает Солнцу Своему восходить над добрыми и злыми и посылает дождь (дождит) на праведных и неправедных.*

² Упоминание прп. Иоанна Рыльского († 946) наряду с великими русскими святыми неслучайно. После побега из России семья Лобановых-Ростовских поселилась в Болгарии, в Софии. Поэтому, конечно, прп. Иоанн Рыльский, уроженец болгарского селения Скрина близ города Средца (ныне София), основавший монастырь в болгарской Рыльской пустыни (крупнейший на сегодняшний день в Болгарии, центр духовной жизни), был особо почитаем в семье.

³ Притч. 23, 26.

⁴ Ср.: 2 Кор. 1, 22.

Серебряная монетка на память. Светлая кончина Мамá

Наступил последний год земной жизни моей матери. Она видимо начала слабеть. С приближением своего переселения в вечность, у неё открылся дар прозрения: стоило ей невзначай высказать какое-либо предположение, суждение или определение, как всё вскоре же неукоснительно исполнялось. Потому-то мне особенно было дорого её сообщение об усопшем внуке, и вполне было понятно, почему оно было получено ею, а не кем-либо другим.

Подошёл и Рождественский сочельник, зажгли мы маленькую ёлку, положили у дерева свои подарки. Вот подошла ко мне Мамá и, передав замшевый кошелёк, как-то тихо, проникновенно, слышимо только мне одной, произнесла:

– Тут мой полтинник, Наташа, он мне больше не нужен. Возьми его на память.

Эта редкая серебряная монета в 50 копеек, чеканки 1839 года, то есть года рождения Мамá, была дана ей моим дедом, её отцом, на память. Когда случалось Мамá показывать мне этот полтинник, она говорила, что сохранит его всю жизнь, а перед смертью передаст его мне.

Мгновенно вспомнив всё это, я стала тихо и незаметно для всех отстранять кошелёк, но мать ещё настойчивее мне повторила:

– Теперь он твой, Наташа, он мне больше не нужен.

Серьёзность тона исключала возможность какого-либо противоречия. Я уступила. Всё это было особенно трагично тем, что, сообщая иносказательно о своём близком конце, Мамá была ещё на ногах и принимала участие в общей жизни семьи.

Через три недели она действительно слегла, чтобы больше не подняться, и последние 10 дней своей жизни провела в полном сознании. К матери была приглашена сестра милосердия из бывших фельдшерниц, не молодая, но очень деятельная женщина, соединявшая огромный опыт с удивительной сердечностью. Своей добротой и распорядительностью она облегчила мне эти тяжёлые дни. Мамá совсем лишилась сна, только изредка и на короткое время погружалась в дремоту. Её часто мучила мысль, что сестрица утомлена, и потому она каждый день уговаривала её пойти отдохнуть, а однажды, не зная уже, как выразить свою благодарность за уход и простить за беспокойство, поцеловала ей руку. Сестра вся затрепетала, глаза её наполнились слезами, она прильнула к ногам матери. А потом мне сказала:

– Никогда я не встречала такой кротости, доброты и терпения, а также такого отношения к людям, как у Прасковьи Васильевны. Легко ей будет предстать пред Господом. Не печальтесь о ней: она уже совсем готова и дольше пяти дней нам не удержать её. Как я Вам благодарна, что Вы меня позвали. Я увижу, как отходят праведницы, а то на моём веку много я слышала в таких случаях криков нетерпения и даже озлобления.

Как-то в один из этих дней на меня нашла такая грусть, что я не выдержала, заплакала и припала к руке Мамá. Она стала гладить меня по голове и сказала:

– Не плачь, Наташа, там я буду ближе к тебе, чем здесь. Теперь земля и земное нас разделяет, а тогда я буду всегда с тобой, буду молиться о тебе. В память обо мне читай почаще молитву Ефрема Сирина: «Господи, Владыко живота моего» – я особенно люблю её и читала всю мою жизнь.

За три дня до смерти я видела сияние глаз Мамá в последний раз, когда она, вся просветлённая и с радостной улыбкой, говорила доктору, сидя у себя в кровати:

– Не уверяйте, дорогой доктор, что мне лучше, что я поправлюсь; этого требуют Ваши правила. Я же знаю, что это начало конца. Я его ожидаю, и я счастлива, что ухажу, что могу ещё поблагодарить Вас за Ваши заботы обо мне.

Когда же я осталась одна с доктором и стала спрашивать его сделать всё возможное, чтобы отдалить конец, он мне заметил:

– Очень сожалею, но ничем не могу больше помочь Прасковье Васильевне: дыхательные центры её не могут служить более двух-трёх дней. Ведь ей пошёл 86-й год, она очень слаба, и жизнь её похожа уже на еле струящийся ручеёк. Достаточно малейшей причины, чтобы он остановился.

Бесконечно горько было всё это слушать. Дыхание Мамá по ночам было затруднено, и мы стали давать ей кислород, но днём она опять оживала и даже, чтобы развлечь сестру, родом южанку, потихоньку напевала ей малороссийские песни: «Був Грицько мудрый, родом з Колонии», «Виють витры, виують буйны» и многие другие.

Всё это указывало, с каким спокойствием, с какой ясностью души Мамá уходила от нас. Вместе с тем, лет 20 до того, когда матери моей не было более 65 лет, она мне говаривала:

– Je ne crains pas la mort, je crains le saut dans l’au-de-là¹.

Но теперь и этого совершенно не замечалось, и брненное тело её настолько утончилось, что дух победил его всецело. В последнее время я часто слыхала от Мамá следующие мысли:

– Надо так жить, чтобы не бояться умереть. Как я благодарю Бога, что меня обижали люди, а не я их. Каково уходить с этим сознанием! Люди ненавидят друг друга, клеветуют и обманывают, а затем, пред смертью, зовут: «Скорее, скорее священника, не упустить бы...» Да разве покаяние под страхом конца и расплаты может осушить слёзы обиженных и пострадавших? Господь – сама Любовь и Судья нелицеприятный, и: *каждый* получит *по делам его*².

В течение своих последних десяти дней Мамá приобщалась два раза, а также соборовалась. В день её кончины меня неудержимо потянуло в храм помолиться о ней, а также исповедоваться и приобщиться, чтобы в большей чистоте присутствовать при её отходе. Несколько успокоенная, я вернулась от ранней обедни домой к 9 часам утра.

– Что, как Мамá? – был, разумеется, первый мой вопрос.

– Всё о Вас Прасковья Васильевна спрашивала и беспокоилась, – ответила мне сестра.

– Ты вернулась, Наташа, как я рада; всё тебя поджидаю; без тебя я уйти не могу, – уже слабеющим голосом сказала мне Мамá.

Днём она простилась со всеми, благословила внуков, а за полчаса до смерти, когда говорить уже не могла, всё ещё пожимала мне руку.

В шестом часу вечера, окружённая семьёй, Мамá отошла ко Господу так тихо, что горевшая в её руках свеча не дрогнула. Случилось это в день памяти Преподобного Ефрема Сирина³.

В сиянии света

Бессонные ночи, утомление последних дней и напряжение нервов были настолько сильны, что после кончины Мамá я пошла к себе, чтобы хоть несколько минут провести в одиночестве.

Перед моим мысленным взором всё стояла моя покойная мать, друг всей моей жизни.

Прошло некоторое время. Внезапно мой мозг пронизала мысль, пришедшая извне: «Десять лет тебе будет очень тяжело, а потом исполнится то, что ты давно ожидаешь».

Мамá знала, что, действительно, я с верой ожидала исполнения того видения 1904 года, о котором так часто говорила ей, да и сама думала о нём непрестанно, особенно после смерти Никиты. Знала я также по опыту, что пронзившая меня мысль, пришедшая извне, непреложна, и осуществление её наступит в означенное время неукоснительно.

Прошло с полчаса. Я вернулась к Мамá. Её одевали последним земным одеянием во всё то, что было на ней в день свадьбы Ксении, как она этого сама пожелала. Лицо дорогой усопшей носило ещё на себе следы борьбы брненного тела со смертью.

После панихиды я осталась с Мамá до часу ночи; дольше не хватило сил. Тихо раздавалось чтение Псалтири, когда я уходила к себе.

В 7 часов утра я опять была на ногах и опять пришла к усопшей. Но что вижу: предо мной лежит молодая красавица с крепко сжатыми губами. Прелестный овал точно мраморного лица приковывает взор выражением неземного умиления. Мамá знала мою невольную слабость к красоте и форме и точно хотела меня утешить тем и другим. Шли панихиды. Мы с сестрой лили тихие слёзы. На другой день, вечером, Мамá навсегда покинула наш дом. Её перевезли в храм, где служили по ней парастас⁴.

Наступил день похорон. Несмотря на конец января, солнце блестело и грело совершенно повесенному. Ввиду праздничного дня храм был полон молящимися. Нерусские прихожане, не знав-

¹ Я не боюсь смерти, но лишь физической стороны ее [прим. автора]. – Буквально: Я не боюсь смерти, боюсь прыжка туда.

² Ср.: Рим. 2, 6; Откр. 2, 23.

³ Память прп. Ефрема Сирина († 373–379) празднуется 28 января / 10 февраля.

⁴ *Парастас*, или Великая панихида (греч. «ходатайство») – заупокойная всенощная; более полное заупокойное богослужение в отличие от панихиды, которая есть сокращенный парастас.

шие меня, смотрели на покойную – с прелестным лицом, убранную белыми кружевами и подснежниками; многие из них выражали сочувствие мне, пожилой матери, провожающей в последний путь свою молодую дочь. Я никого не разубеждала, я слишком была поражена всем этим. Удивил внешний вид моей матери и обоих здравствующих и поныне священнослужителей, и весь клир. В тяжёлые моменты прощания с усопшей, опускания гроба и возвращения в опустевший дом, сестра милосердия была глубоко трогательна и значительно поддержала меня. Она же осталась со мной и на весь сорокоуст, исключительно по доброте своего сердца.

На другой день после похорон, по окончании заупокойной Литургии, ко мне подошла древняя нерусская монахиня, прислуживавшая в храме, и рассказала на своём языке следующее:

– Вечером после парастаса, когда все уже разошлись, я помолилась у гроба Вашей покойницы, потушила свечи, поправила лампы, обошла церковь, заперла её и пошла к себе в сторожку. Вскоре я стала перед киотом на вечернее правило и начала молиться. Прошло немного времени. Вдруг замечаю: мои образа и комната исчезают, а я опять стою перед гробом. В нём лежит Ваша покойная мать с огромной свечой в руках, пламя которой высоко поднимается к небу. Долго смотрела я на эту картину. Затем, так же неожиданно, как появилась, так она и растаяла, а я вновь увидела себя пред киотом, у себя в комнате. Не случалось со мной раньше таких видений, и я поняла, что мне была открыта небесная участь рабы Божией, горевшей всё время своей земной жизни свечою пред Господом. Вам нечего беспокоиться об её участи: она жила и умерла праведницей. Дай, Милосердный Боже, и нам удостоиться того же.

Так закончила свой рассказ набожная старушка.

Она жива и до сих пор¹, согнулась почти до земли под бременем лет, но хорошо помнит ещё своё видение и каждый раз, когда видит меня, вспоминает о нём.

В довершение всех знаменательных случаев, связанных с отшествием моей матери, не могу не упомянуть и о том, что было со мною. В течение последней половины моей жизни я с ужасом помышляла о неминуемой разлуке с Мамá и содрогалась уже только при мысли об этом. Но вот она скончалась. Её похоронили. Её уже нет в доме, где она столько лет была духовным стержнем, поддерживающим своим примером всю семью, а всё же жгучей скорби у меня не было. Наоборот, кто-то точно вырвал скорбь из моего сердца. После первых дней печали мне точно сделалось стыдно грустить о Мамá, зная, что она отошла в сияние света.

Моя мать была удивительным соединением чистоты, любви, кротости, большой культурности, стойкости и твёрдости в своих нравственных идеалах, вместе с редким мужеством и терпением в несении жизненных испытаний.

Итак, и старца не стало, и Мамá отошла ко Господу. Теперь бабушкой сделалась я сама, а образец того, кем она должна быть, стоял, как живой, пред моими глазами. Стоило только брать с неё пример и стараться следовать ей во всём.

Не успел закончиться сорокоуст, как я уже почувствовала тяжесть надвигающихся испытаний, так красочно изображённых видением 1904 года, а потому и не требующих много пояснений. Отмечу лишь то, что блистательный белый цвет второй и третьей виденной мною картины означает не чистоту поступков или непорочность отдельных лиц, а лишь место, где должны были протекать события и где признаются идеалом основы христианской морали.

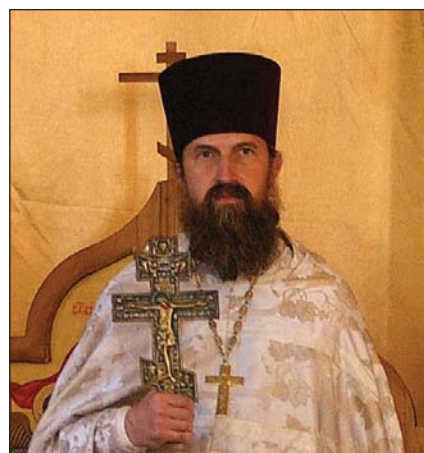

¹ † в 1938 г. Отпевание было особенно торжественно в присутствии нескольких иерархов, отметивших праведность усопшей [прим. автора].

Берега истории

Георгий Бирюков, протоиерей

Родился в 1961 году в Рязани. Окончил ленинградское Высшее военно-морское училище имени Фрунзе. Служил на Балтийском флоте. Капитан-лейтенант запаса. С 1992 года – священник Русской Православной Церкви. Настоятель одного из приходов Черняховской епархии, штатный помощник командира одной из частей Западного военного округа по работе с верующими военнослужащими. Занимается исследованием истории Православия на Калининградской земле, событий Первой мировой войны на территории Восточной Пруссии и действий российского Балтийского флота в водах Южной Балтики. Член общества развития русского исторического просвещения «Двуглавый орёл»

Из истории деяний русского флота в прусских водах

В марте 1743 года жители шведской столицы были потрясены известием о появлении в Гданьском заливе русских кораблей. Горожане без устали обсуждали слухи о том, как два русских фрегата захватывают шведские суда, доставлявшие из Гданьска в Швецию продовольствие и прочие необходимые для продолжения войны товары. Швеция испытывала серьёзную зависимость от подвоза продовольствия. Во время войны эта зависимость от внешней торговли вполне могла стать причиной поражения. А Швеция как раз воевала с Россией. Разбитая в свое время Петром Великим, потерявшая Эстляндию с Ревелем, Лифляндию с Ригой, Ингерманландию с Выборгом, Швеция жаждала реванша. Реваншистскую войну готовила так называемая партия «шляп», пришедшая к власти на риксдаге 1738–1739 гг. Реваншистские настроения шведов активно поддерживались Францией. Не то, чтобы французское правительство особенно сочувствовало шведам и, напротив, особенно не любило русских. Отнюдь нет! Оно просто хотело, готовясь к предстоящей борьбе за австрийское наследство, связать Россию войной в северной части Европы, чтобы та не помешала Франции разрушить австрийскую монархию и прибрать к рукам часть её земель. Поэтому Франция в октябре 1738 года заключила со Швецией договор о дружбе, в рамках которого в течение трёх лет выплачивала Швеции субсидии в размере 300 тысяч риксдалеров в год. Средства эти, естественно, пошли непосредственно на подготовку к войне против России.

Особый расчет у шведской партии «шляп» был на ослабление российской верховной власти. 17 октября 1740 года скончалась российская императрица Анна Иоанновна. Императором был провозглашен двухмесячный младенец Иоанн VI Антонович при регентстве герцога Курляндского Бирона. Среди высшего российского дворянства недовольство Бироном было чрезвычайно велико. Уже 9 ноября в результате дворцового переворота Бирон арестовали, а регентом была объявлена Анна Леопольдовна, родная мать младенца-императора. Государственными делами при ней заведовал сначала Миних, затем Остерман. При этом в российской столице уже зрел новый заговор в пользу дочери Петра Великого Елизаветы. Дипломатическую и финансовую поддержку этому заговору обеспечивал французский посланник маркиз де Шетарди. Французское правительство не устраивало то, что Остерман твёрдо держался австро-русского альянса. Накануне войны за австрийское наследство Франция хотела разрушить австро-русский союз. Французы делились со шведским правительством информацией о заговоре. Ну, а шведы, естественно, предвкушали возможность воспользоваться неразберихой в России в случае нового государственного переворота.

Тайком подталкивал Швецию к войне с Россией и прусский король Фридрих II Великий. У него был свой интерес. Пруссия также хотела принять участие в борьбе за австрийское наследство, претендуя конкретно на Силезию. Поэтому Фридрих II хотел нейтрализовать Россию, бывшую в союзе

с Австрией. Для этого он предложил России свой союз. Союзный договор Пруссии и России был подписан в Санкт-Петербурге 16 декабря 1740 года. В тот же день 16 декабря Фридрих II во главе 25-тысячной армии вступил на территорию Силезии, начав войну с Австрией. Российское правительство оказалось обманутым. Заключив союзный договор с Пруссией, оно теперь не могло заступиться за Австрию. При этом прусские дипломаты продолжали тайно убеждать Швецию начать войну с Россией.

Не утерпев, 28 июля 1741 года Швеция объявила-таки России войну. Причиной войны официально было названо вмешательство России во внутренние дела королевства, запрет вывоза хлеба в Швецию и убийство шведского дипломатического курьера Синклера. Конечно, всё вышеперечисленное следует считать не причиной, а поводом. Подлинные причины войны можно понять из содержания инструкции, составленной шведами заранее для ведения будущих мирных переговоров. Условием мира в этой инструкции было названо возвращение всех отошедших к России по Ништадтскому миру земель, а также передачу Швеции территории между Ладогой и Белым морем. Таким образом, причиной войны была страстная жажда реванша, а повод для неё, естественно, нашёлся.

Быстро победить в войне Швеции не удалось. Кампания 1741 года не стала для шведской армии удачной. Уже 23 августа русские одержали значительную победу при Вильманстранде. Война затянулась... Наконец, 25 ноября 1741 года в России произошёл очередной дворцовый переворот, в результате которого на престол была возведена дочь Петра Великого – Елизавета Петровна. Однако надежды шведов на неразбериху в российском руководстве не оправдались. Напротив, верховная власть в России стала крепче. В ходе кампании 1742 года русские войска очистили от шведов всю Финляндию. При этом русский галерный флот активно поддерживал приморский фланг наступавшей русской армии.

В ходе кампании 1742 года русскому командованию стала очевидна исключительная роль, которую играл город-порт Гданьск в снабжении Швеции продовольствием и иными, необходимыми для продолжения войны с Россией товарами. Догадаться было несложно. Эту роль Гданьска обнаружил ещё Пётр Первый во время Великой Северной войны. Пётр приложил большие усилия, чтобы перекрыть этот важнейший канал снабжения Швеции. И вот, осенью 1742 года Адмиралтейств-коллегия (высший орган управления военно-морскими делами в России; президентом её с 1733 по 1744 гг. был Николай Фёдорович Головин) также решила отправить к Гданьску военный корабль с целью перерезать вражеские коммуникации. 18 октября 1742 года Адмиралтейств-коллегия определила для этой цели 12-пушечный пакетбот «Меркуриус». Командовать им назначили лейтенанта Фёдора Валуева. Началась подготовка к походу.

Пакетботом в те времена называлось сравнительно небольшое двухмачтовое судно, которое применяли для перевозок почты и пассажиров морским путём. В своё время начальник почтового управления генерал-почтмейстер Пётр Павлович Шафиров доложил Петру Первому о возникшей у него идее перевозить почту за границу на парусных судах. После одобрения этого предложения Петром два старых фрегата «Святой Яков» и «Принц Александр» были переоборудованы для почтовых рейсов и стали именоваться почтовыми пакетботами. 3 апреля 1724 года пакетбот «Святой Яков» вышел из Кронштадта и взял курс на германский порт Любек. Так была открыта регулярная линия почтово-пассажирских морских перевозок Санкт-Петербург – Любек. Двух переоборудованных фрегатов для обслуживания этой линии было мало. Поэтому ещё 7 февраля 1724 года Пётр Первый дал указание Адмиралтейств-коллегии построить для морских почтовых перевозок восемь пакетботов и назвать их «Почт-Горн», «Почт-Ваген», «Флигель Дефам», «Куриер», «Постильон», «Меркуриус», «Фортуна» и «Ласка». Суда строились на Олонецкой верфи мастером Андреем Кузьминым. По мере готовности пакетботы включались в почтово-пассажирские перевозки. К линии Кронштадт-Любек добавилась линия Кронштадт-Гданьск.

Интерес к российским пакетботам сразу проявило правительство Пруссии. Прусский посланник в Санкт-Петербурге Мардефельд в 1728 году от имени своего короля начал переговоры с тогдашним российским генерал-почт-директором Остерманом о расширении географии почтовых перевозок. Мардефельд предлагал сделать дополнительный остановочный пункт для русских пакетботов в Кёнигсберге или хотя бы в Пиллау. Предложение пруссаков было отклонено. Ни Кёнигсберг, ни Пиллау не могли сравниться по своему значению с Гданьском и Любеком, а любой лишний заход пакетбота в какой-нибудь порт нарушил бы график движения судов на линии.

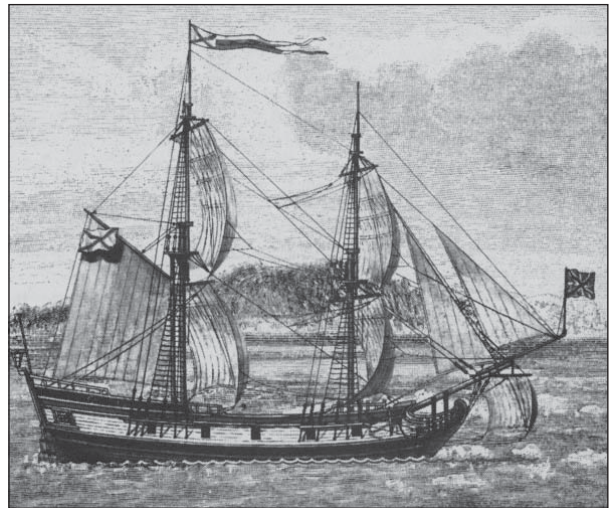
Подчеркнём, что гражданскую почту обслуживали российские военные моряки. Командирами пакетботов назначались офицеры российского флота. Обычно они имели звание лейтенанта. Сами пакетботы использовались фактически в качестве учебных судов. Весной их экипажи комплектовались из новобранцев. К концу навигации эти новобранцы становились опытными моряками. Пакетботы имели на вооружении от 12 до 16 орудий малого калибра, и в случае войны без дополнительного переоборудования становились боевыми кораблями, пригодными для дозорной, разведывательной и посыльной службы.

Пакетбот «Меркуриус», о котором пойдёт речь, был заложен на Галерной верфи Санкт-Петербурга в июле 1731 года. Строителем его был Василий Соловьёв, известный не только как кораблестроитель. Соловьёв построил Исаакиевский наплавной мост через Неву, прослуживший до 1916 года! В сентябре 1732 года пакетбот «Меркуриус» был спущен на воду и вошёл в состав Балтийского флота. Своё название он получил в память о пакетботе «Меркуриус», построенном по указанию Петра Первого в 1724 году и разбишемся на скалах в 1732 году. Таким образом, погибшие пакетботы сразу заменялись новыми, а названия кораблей стали передаваться «по наследству». Чертежи, сметы и ведомости пакетбота «Меркуриус» позднее были использованы для строительства в Охотске пакетботов «Святой Пётр» и «Святой Павел» Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга.

Использовался новый пакетбот «Меркуриус» довольно интенсивно. В 1733, 1736–1739, 1741 годах он поддерживал почтовое сообщение между Кронштадтом, Гданьском и Любеком. В 1734 году участвовал в боевых действиях в районе Гданьска. В мае 1734 года «Меркуриус» перешёл из Кронштадта к Пиллау, доставив депеши графу Миниху, а затем присоединился к эскадре адмирала Гордона, также пришедшей к Пиллау. В конце июня вместе с ней вернулся в Ревель, а затем с отрядом кораблей крейсировал в Финском заливе между Ревелем и Рогервиком. В мае 1735 года пакетбот перевозил провиант из Ревеля в Кронштадт, летом снова вышел на почтово-пассажирскую линию между Кронштадтом, Гданьском и Любеком. В 1736 году ходил с почтой в Стокгольм. В мае 1741 года оказал помощь шняве «Фаворитка», севшей на камни у острова Торсон. С началом войны со Швецией принял активное участие в боевых действиях. В мае 1742 года сопровождал галерную эскадру при походе в Биорке-зунд, а затем в составе эскадры контр-адмирала Калмыкова крейсировал в Финском заливе. Можно не удивляться, почему именно пакетбот «Меркуриус» был назначен для ответственной операции вдали от российских берегов.

Подготовка к походу заняла некоторое время. Следует учитывать и то обстоятельство, что в зимние месяцы в Балтийском море появляется морской лёд, способный в суровые зимы ограничивать судоходство. В конце февраля 1743 года пакетбот «Меркуриус» ещё стоял в гавани Ревеля. 22 февраля пакетбот вытянулся из гавани и стал на якорь в заливе. 23 февраля он снялся с якоря и вышел в море, имея приказ находиться в районе Гданьска и препятствовать шведской торговле. 3 марта «Меркуриус» подошёл к Гданьску и встал на якорь напротив входа в порт. 5 марта с пакетбота было замечено идущее с моря шведское транспортное судно – галеот. «Меркуриус» снялся с якоря, подошёл к шведскому галеоту и взял его в плен. На борту шведского судна оказался груз трески и сельди. Через некоторое время факт появления русского корабля на рейде Гданьска и захвата им шведского судна стал общеизвестным. В течение нескольких дней Валуеву не удавалось обнаружить шведских судов. Возможно, шведы быстро узнали о появлении «Меркуриуса» и стали задерживать рейсы судов в Гданьск.

Лейтенант Валуев скоро убедился, что захваченный галеот является ему обузой и будет мешать в дальнейших активных действиях против шведского судоходства. Поэтому, назначив на пленённый галеот своего штурмана Рентеля и шесть человек команды, он отправил 17 марта призовое судно в Пиллау. Рентель благополучно привёл пленённый пакетбот в этот прусский порт и отшвартовался в гавани.

Пакетбот «Святой Петр» (рисунок XIX века), прототипом его был «Меркуриус»

*Пакетбот XVIII века
на советской марке 1987 года*

Отношения России с Пруссией оставались сложными. Хитрость пруссаков с подписанием союзного договора 1740 года забыта не была. Затем, когда Швеция объявила войну России, русское правительство обратилось к Пруссии с призывом выполнить союзнический долг и принять участие в войне против Швеции. Король Фридрих II отказался. Отказ был мотивирован тем, что Россия является могучей державой и может справиться со Швецией самостоятельно. Фридрих же был занят завоеванием Силезии. Накопившиеся противоречия привели к появлению теоретической возможности русско-прусского вооружённого противостояния. Несколько позже, в 1756 году, теоретическая возможность станет реальностью: Россия и Пруссия столкнутся в Семилетней войне. Пока же Фридрих II, занятый присоединением Силезии и стремившийся союзным договором с Россией удержать другие державы от выступления против Пруссии в австро-прусской войне, решил воспользоваться сменой власти в России и предложил ей заключить новый договор. Переговоры шли долго и трудно, так как Россия уже не доверяла Пруссии. Однако в конце 1742 года императрица Елизавета Петровна направила Фридриху II орден святого Андрея Первозванного, а Фридрих в ответ направил русской императрице орден Чёрного орла. Это сказалось благотворно на переговорном процессе, и 16 марта 1743 года в Санкт-Петербурге был заключён новый союзный договор между Россией и Пруссией. Этот договор не привёл к действительному сближению двух держав, но лишил Фридриха II возможности оказывать какую-либо помощь Швеции в продолжавшейся русско-шведской войне. Таким образом, трофейный пакетбот нашёл в Пиллау вполне надёжное убежище. Шведам пруссаки его теперь не выдали бы.

22 марта «Меркуриус» захватил на рейде Гданьска очередное шведское судно. На сей раз это была яхта «Юнгфрау-Катарина» с грузом железа, оцененного в 600 талеров. Призом стали также 110 талеров медной монеты наличности. В шведской столице тем временем паника усиливалась. Согласно дошедшим до Стокгольма слухам, судоходство у Гданьска было полностью парализовано двумя русскими кораблями. Некоторые утверждали, что русские корабли были фрегатами. Командование шведского флота срочно направило в сторону Гданьска целую эскадру в составе двух фрегатов

Изображения пакетботов «Святой Пётр» и «Святой Павел», были построены по чертежам, сметам и ведомостям «Меркуриуса», на них совершалась экспедиция Беринга

и двух бригав с задачей уничтожить русские корабли и обеспечить подвоз продовольствия и необходимых товаров военного назначения в Швецию. 3 апреля шведская эскадра подошла к Гданьску. Обнаружив первый идущий со стороны моря шведский фрегат, Валуев принял решения укрыться в устье реки Висла. Ему удалось быстро сняться с якоря и ввести «Меркуриус» сначала в канал, а затем и в саму Вислу. Яхта «Юнгфрау-Екатерина» не успела войти в канал и была захвачена шведами. Таким образом, одно пленённое судно шведы отбили.

Однако, с самим пакетботом «Меркуриус» шведы ничего сделать не могли. Русский корабль, зайдя в Вислу, оказался на территории Речи Посполитой. Войти самим в Вислу и устроить сражение на территории суверенного государства шведы были явно не готовы. Да и использовать своё преимущество в артиллерии в бою на реке шведам не удалось бы. В конечном итоге шведская эскадра осталась на рейде Гданьска, сторожа русский корабль. Валуев не мог вывести свой пакетбот из Гданьска, но и шведы не решились войти в Вислу. Таким образом, пакетбот «Меркуриус» не только остановил снабжение Швеции через Гданьский порт, но и отвлек на себя целую эскадру из двух фрегатов и двух бригав. Шведская эскадра оставалась у Гданьска вплоть до окончания войны.

Ещё в январе 1743 года между Швецией и Россией начались мирные переговоры, которые шли в условиях продолжавшихся боевых действий. Эти переговоры шли долго и трудно. Только 17 июня 1743 года был подписан так называемый «Уверительный акт». В нём шведскому риксдагу рекомендовалось избрать наследником престола регента Голштинии Адольфа Фридриха. Швеция уступала России небольшую территорию и крепость Нейшлот, что укрепляло безопасность Санкт-Петербурга. Россия возвращала шведам занятую в ходе войны Финляндию. Швеция подтверждала условия Ништадтского мирного договора 1721 года и признавала за Россией все её приобретения в Прибалтике. 23 июня 1743 года риксдаг избрал наследником престола Адольфа Фридриха. Одновременно с этим было объявлено о мире с Россией. Узнав о заключении мира, шведская эскадра ушла. При этом шведы почему-то оставили в порту Гданьска яхту «Юнгфрау-Екатерина», на которую лейтенант Валуев сразу предъявил свои права. 29 июля мичман Алашев принял яхту у городского магистрата.

Задача, поставленная Адмиралтейств-коллегией, была выполнена. Война закончилась. Пакетбот «Меркуриус» собрался в обратный путь. 4 августа пакетбот вытянулся из Вислы в канал, а 5 августа вышел на рейд и, подняв паруса, вместе с пленённой яхтой направился в сторону Пиллау. В Пиллау пришли 11 августа, но пленённый галеот здесь уже не застали. Штурман Рентель тоже узнал о заключении мира и решил идти в Гданьск, чтобы соединиться там с «Меркуриусом». В море суда разминувшись. Валуев решил в Гданьск не возвращаться. 14 августа «Меркуриус» с трофейной яхтой вышел из Пиллау и 22 августа благополучно прибыл в Ревель (ныне – Таллин).

Трофейный галеот, разминувшись в море с отрядом Валуева, прибыл в Гданьск. Оценив ситуацию, Рентель решил идти в Россию самостоятельно. 18 августа он вышел из Гданьска, однако уже 21 августа судно попало в сильный шторм. В трюме появилась вода. Когда уровень воды поднялся на 2 фута, Рентель повернул судно назад к Гданьску. Но было поздно. Вода поднялась выше балласта, балласт сместился, и галиот затонул. По всей видимости, это произошло неподалеку от берегов Пруссии. Спаслись сам штурман Рентель и 4 матроса. Позднее им даже удалось поднять с затонувшего судна такелаж. В исторических источниках название трофейного галеота отсутствует. Современные авторы называют его «Меркуриус». Очевидно, они ошибочно переносят на трофейный галеот название захватившего его пакетбота.

Дальнейшая судьба Рентеля мне неизвестна. Однако позже на Балтийском флоте служил офицером некий Владимир Евдокимович Рентель (1769–1829). Он участвовал в ряде военных кампаний, в том числе и в Отечественной войне 1812 года, дослужился до контр-адмирала. Его военная судьба оказалась связана с Кёнигсбергом. Зимой с 1813 на 1814 гг. капитан-лейтенант Рентель провёл в этом городе вместе с отрядом канонерских лодок, которым командовал. Возможно, он был потомком или ближайшим родственником того самого российского штурмана, проводшего с трофейным судном несколько месяцев 1743 года в Пиллау.

Действия русского пакетбота «Меркуриус» в 1743 году в Гданьском заливе являются одной из ярких страниц истории Балтийского флота. Лейтенант Фёдор Валуев командовал этим кораблем до июня 1744 года. Сам пакетбот ещё несколько лет служил на Балтике. Был разобран после 1755 года.

Берега Новороссии

Александр Морозов

Родился в 1969 году в городе Дебальцево Донецкой области. Член правления ВТС «Конгресс литераторов Украины», член Межрегионального союза писателей Украины и Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Лауреат литературных премии «Бориса Винниченко», «Владимира Сосюры», «Свой вариант», «Серебряный стрелец», ряда международных и республиканских фестивалей и конкурсов в номинации «Поэзия». Организатор Всеукраинского песенно-поэтического турнира «Рыцари слова», основатель литературной серии «Творческие силы Украины +». Автор слов гимна г. Дебальцево. За вклад в развитие русской литературы в 2010 г. награжден медалью Шолохова. Публиковался в газетах, журналах, альманахах и в коллективных сборниках. Увлекаюсь краеведением. Изданы книги «Дебальцево. Взгляд сквозь годы» (В двух томах). В августе 2015 г. в Издательском доме Олега Федорова вышла книга публицистики «Дебальцево. На линии огня». В сентябре 2015 г с группой писателей Донбасса был приглашен в Москву для участия в презентации книги «Строки мужества и боли», а в октябре того же года участвовал во Всероссийском совещании писателей, пишущих на военные темы.

В августе 2015 г. в Издательском доме Олега Федорова вышла книга публицистики «Дебальцево. На линии огня». В сентябре 2015 г с группой писателей Донбасса был приглашен в Москву для участия в презентации книги «Строки мужества и боли», а в октябре того же года участвовал во Всероссийском совещании писателей, пишущих на военные темы.

Дебальцево (ДНР) – Островец (Беларусь)

О ПОЭТАХ

Посмотри, какое полнолуние!
Слышен у палаток звон гитары.
Для кого-то я, конечно, юный,
Для кого-то я ужасно старый.

Рассуждать о степени таланта
Очевидно нужен дар особый.
В чём-то я похож на дилетанта,
Ну, а в чём-то я поэт матёрый.

Чтоб попасть на «верх» не лез из кожи,
Получалось жить не сильно гладко.
Не старался быть для всех хорошим,
По ночам кропал стихи в тетрадку.

В лабиринте жизненных вопросов
Зыбко всё и неопределённо...
Для кого-то я поэт-философ,
Для кого-то – белая ворона.

Государства – это те же зоны,
Бьют порой по темени копытом.
Я не собираю стадионы -
Не предпринимал таких попыток.

Если б замолчали в мире пушки
От моих простых стихотворений...
Кто-то усмехнётся: «Да, не Пушкин».
Кто-то прочитав, воскликнет: «Гений!»

Хоть былые раны кровоточат,
Но упорство нам дарует силы.
Снова мы проходим тест на прочность -
Не сломались, не сложили крылья.

Наступает новый понедельник,
Дорожают перья и бумага...
Кто-то скажет, что поэт – бездельник.
Нет, скорее пахарь-работяга.

Километры строчек за плечами,
Ничему нас жизнь, увы, не учит...
Для того поэт не спит ночами,
Чтобы сделать мир немного лучше.

* * *

Разве город мой обитаем -
Где теперь вы, мои друзья?
Как давно я не видел чаек,
Да и моря не видел я...

Вырван с корнем, повсюду лишний
Хоть, казалось бы, сыт и пьян,
Словно нищий, который ищет
И находит в судьбе изъян.

Он исправит его, быть может,
И иные найдёт пути...
Каждый крест свой несёт и должен
До конца его пронести.

Не прошу ничего у Бога –
У него без того хлопот...
Вдаль уходит моя дорога
И обратно меня зовёт..

По дороге метёт поземка -
Замела бы мои грехи...
За спиной у меня котомка,
А в котомке лежат стихи

О ДЕТСТВЕ

Достались мне в наследство
Веснушки на носу.
Я не впадаю в детство,
И ересь не несусь.
За юность мне не стыдно.
Несется время вскачь...
Я стал большим и видным,
И тёртым, как калач.
А раньше, было дело,
С ватагою ребят
От сторожей я бегал,
Что охраняли сад.
В саду, презрев опасность,
Порхал среди ветвей.
Болталось яблок счастье
За пазухой моей.
Хранили мы секреты,
Не ведали преград,
Огромные портреты
Тащили на парад.
Тогда ещё не знали
Ни горя, ни беды.
В стаканы наливали
С сиропом газводы.
Мы в фантики играли,
И в знамя, и в футбол,
О жизни узнавали
От старших пацанов.
Катались на вагонах,
Ловили пескарей...
Я не скажу плохого

О юности моей.
Она была такая,
И нет возврата к ней.
Хоть не было «вайфая»,
Но пруд пруди друзей.
Они будили свистом.
Мы не разлей вода.
Не знали вкуса чипсов,
Но это ли беда?
Присядем на дорожку,
А после в лес пойдём.
Печёная картошка,
И сало над огнём.
Хлеб сахаром посыпал,
И нет его вкусней.
Сейчас полно призывов
Отречься от корней.
Мол, всё, что было – плохо.
А жизнь – ни дать ни взять.
С экранов модно охать
И грязью поливать.
Я не воспринимаю,
Кто б что ни говорил,
Страна моя большая
От Крыма до Курил!
Великое наследство
Вернуть мне не дано...
Я помню наше детство -
Счастливое оно!

ЛЮБИМОЙ

За окошком рассвет умывается ливнями,
На поляне лесной серебрится роса.
Сколько б ни было лет – мы весною наивные,
Свято верим в любовь и творим чудеса.

Пусть клубится туман над болотными кочками,
И пускай нам не двадцать и не сорок пять.
Я тобой буду пьян, и лесными цветочками
Терем нашей любви будем мы украшать.

Обновилась земля после зимней усталости,
Возвращаются птицы к гнездовьям домой.
Есть любовь у меня и, не ведая старости,
Сохранится она до доски гробовой.

Упаду на траву в миг, судьбою очерченный,
И раскроет врата небосвод голубой...
Не напрасно живу, если лучшая женщина
Путь земной столько лет разделяет со мной.

АНГЕЛ

Жил он тихо, спокойно и просто,
Слыл философом и брадобреем.
Был направлен сюда в девяностых,
Чтобы мир стал мудрей и добрее.

Он мирил враждовавших соседей,
Помогал старикам, если надо,
Градус мог понижать у беседы,
И свистки вырезал пацанятам.

А бывало, пускался вприсядку,
Чтоб не выть от тоски и бессилья -
Ныл безудержно шрам на лопатках,
Там, где некогда хлопали крылья...

И во взгляде – вселенскую тайну
Он хранил до скончания века.
Умирал обескрыленный ангел,
Навсегда становясь человеком.

О ДЕРЕВЕНСКОМ ВОЗДУХЕ

Опять стихи пишу в тетрадь,
Привязан к детям и деталям...
Мне трудно взять – легко отдать,
С годами стал сентиментален.

В деревне дел невпроворот -
Колю дрова, верстаю книжки.
Не сильно, но растёт живот,
И появляется одышка...

Я обустроиваю дом
И бетонирую дорожки,
Уже который год живём
На молоке и на картошке.

А в город не одну версту
С утра протопаешь по тракту,
Как не расти здесь животу
Без пестицидов и нитратов?

Размерен быт спокойный здесь
И в летний зной, и в холод зимний.
Тут можно вообще не есть -
В деревне воздух калорийней.

Понятно это и ежу,
Да что ежу – любому зайцу!
Вот так семью перевозжу
На натуральное хозяйство.

ДЕРЕВЕНСКОЕ

В столицах всё всегда отлично.
И день, и ночь снуёт народ.
Нам дела мало до столичных -
Спешим то в лес, то в огород.

К тому же здесь мощнее травы
И ярче первая звезда,
Хоть, может, в чём-то вы и правы,
Кто уезжает в города...

За жизнью лёгкой и весёлой
Спешат, покинув отчий кров,
Но, кто-то остаётся в сёлах,
Растить хлеба, доить коров.

В морозный день, по солнцепёку -
Все от земли и от сохи...
Деревня всё же ближе к Богу,
Здесь чище люди и стихи.

ОПТИМИСТЫ

Читаю « Маленькие радости » и ощущаю со-
звучие мировосприятия

«Как же чист неисписанный лист...
Каждый миг нашей жизни бесценен.
Я по жизни такой оптимист,
Как поэт Татибана Акэми.»

Автоцитата

Хорошо, если помнят друзья,
Хорошо, если книги читают,
Хорошо, что есть ты и есть я.
Хорошо: есть сухарики к чаю.

Хорошо, что сегодня зима,
Снег идёт по хорошим приметам.
Хорошо, что вокруг кутерьма,
За весной будет жаркое лето.

Лишь бы были здоровы родные,
Лишь бы мир на Донбасс мой пришёл.
Не нужны мне дворцы золотые -
У меня всё и так хорошо.

ДОРОГА К ХРАМУ

Идут дожди, метёт пурга,
Ухабы, ямы.
Дорога эта не легка -
Дорога к храму.

Вверх по брусчатке в гололёд,
Шагать не просто.
А у распахнутых ворот
Стоит апостол.
Война идёт который год.
Бои без правил...
У райских врат апостол Петр
А рядом Павел.
Хватает ложной красоты –
Вокруг химеры.
Важны для Бога не кресты,
А крепость веры.
И потому-то не проста,
Крута дорога.
Для тех, кто верует в Христа,
Кто верит в Бога.

НОГИ...

Было это в ноябрьскую среду
(Хоть уже не припомню всего).
Хоронили безногого деда,
А потом поминали его.

В огороде воронка зияла,
Полстены разнесло в ноябре.
Завернули дедка в одеяло,
Чтоб придать его тело земле.

Повезло, что собаки и волки
Не добрались до трупа пока.
Отодвинув с прохода осколки,
Понесли в огород старика.

Вязок воздух от чада и гари,
И от поднятой взрываю земли.
Ну, а ноги... мы долго искали,
Но найти их никак не могли...

От того на душе беспокойно -
Как ему на том свете без ног?..
Ночью снова приснился покойник:
«Ты принес бы мне ноги, сынок»...

Я ДЕБАЛЬЦЕВСКИЙ ПОЭТ

Я равнодушен к регби и футболу,
С женою сериалов не смотрю.
Мой младший сын уже закончил школу,
А старший сын создал свою семью.

Живу в деревне в деревянном доме,
Дойдёт когда-то и сюда прогресс.
Лежат сейчас в полях тюки соломы,
Шумит за огородом древний лес.

Из янтаря в лесу лисичек россыпь,
Опята крУгом на трухлявом пне,
Здесь небо ниже и сильнее грозы,
И дом родной всё чаще снится мне.

Меня судьба хранила не напрасно,
Хотя хлебнул и горя я и бед...
Я был и остаюсь певцом Донбасса.
Я русский, я – дебальцевский поэт!

Берега Новороссии

Ната Игнатова

Ната Игнатова – писатель, журналист, член МСП, член СП ДНР. Автор художественной и прикладной литературы: более 25 книг, выходящих в разное время в издательствах: АСТ, ЭКСМО (Москва), ИП «ЦСО», изд.: «Донеччина», Донецк: Сталкер, Донецк: Мультипресс и другие.

Публикации в литературных журналах и альманахах: «Артбухта», «Белая скала», «Берега», «Донбасс – лит.ру», «Крым», «Литературный Крым», «Литературная Горловка», «9 Муз», «Северо-Муйские огни», «Новый горизонт», «Часовые памяти» и другие.

А ночь закончится рассветом непременно!

Поэма

... Рассвет разбудит город мой. Приветливо мне машет лето.

– Привет!

– Привет...

С утра звонят колокола. Щебечут птицы. И грустный клён, поникнув головой, уносится мечтами в небо.

Порывы ветра. Степь. Колышется ковыль. А там пшеница, словно золотые волны. И в этом море острова-дома и пирамиды-терриконы.

Проснулся город. Дребезжит трамвай. Гудит завод, дымит, как пароход. Спешит народ привычно на работу...

Июнь. Жара, который год...

Ах, мысли мои где-то там. За синими морями!

... День обещает суету и сутолоку, маету. А мне давно пора в дорогу, чтобы осуществить мечту! Поплывать в тихом Тихом океане. Но всё никак не соберусь в дорогу, ведь летом в отпуск отпросись, попробуй.

... Я мимо парка, не спеша, пойду, чтобы побыть наедине с природой. Вдыхая трав и листьев аромат, иду аллеей я тенистой и строгой.

Вернуться бы на много лет назад, хоть ненадолго, в детство, поскорее.

Туда, где каждый день, как новый аромат! Полёт за неизведанным! Так жить, поверьте, веселей. Там, где со Сказкою случайно ты встречаешься. Где за порогом приключенья ждут. И подвиги легко свершаются. А дома любят, баловство простят, и всё поймут. От радости там часто сердце бьётся (и некому пока нам разбивать сердца). Там просто и легко живётся. Обиды забываются. И чудеса ждёшь постоянно, а не только под вечер в старый Новый год. Ведь только в детстве, если очень хочешь, то встретишься ты с Золотою Птицею, приручишь журавля и познакомишься с синицею, что песни звонкие в саду поёт.

Ах, детство! Всё впервые. Это так. Рассвет, зима и дальняя дорога. А сколько тайн задалось на крыльце! Они зовут нас от порога и обещают много разных встреч. Там каждое знакомство так случайно, непосредственно, необычайно.

– Как хорошо всегда вначале!

Из детства в юность так спешим. Затем об этом мы жалеем. Наивным быть, поверьте, веселее, когда влюблён взаимно в целый мир!

...Кружит планета голубая. Проходит час, день, месяц, год.

За детством юность к нам идёт. Такая беззаботная, нахальная, шальная! Примчится, приукрасит всё вокруг, устроит кавардак, перевернёт с ног на голову мир вокруг и незаметно так промчится.

Мы повзрослеем от забот. Тихонько выйдем из родных ворот, а впереди? Что нас там ждёт? Какая дальняя дорога приключится? И угадать не пробуй! Теперь другие правила игры. Нас окружают не друзья – тревоги. И попадаете всё чаще чёрный кот на пыльной и пожизненной дороге.

... Ну, вот. Рассвет и детство позади. Нас только иногда туда увозят мысли-поезда: невидимые, добрые, немного безрассудные, щемящие, как в горле горький ком. Скучаем. И с родителями встречи ждём, хотя бы в выходные. Обнимет мама – и уйдут печали.

... Идут года, часы, минуты.

Давно мы позабыли волшебные слова: «Как будто...

– Давай играть, как будто мы короли. У каждого свой замок!

– Нет. Мореплаватели мы и земли новые нашли во славу всей державы!

– Пилоты. В небо поскорей мы устремляемся отважно. Скорее в Арктику! Скорей. А остальное всё неважно...

– Эх, размечталась что-то я!

Но настоящее всегда приводит чувства все в порядок и по местам нас расставляет в ряд: работа, налоги, штрафы, дефолты, квартплата, другие тревоги.

– Как я устал!

– Как я устала! Опять сначала. Белке в колесе, и той легче.

Всё реже с друзьями детства встречи.

Взрослеют дети...

Дорога. Светофор. И красный свет. Спешат троллейбусы, авто. Стою и жду. Чего? Не знаю. Зелёного, наверно, и разрешения идти. Ну, а пока поразмышляю: «Ах, иногда так хочется остановиться! Застыть на всём ходу. Обернуться. Осмотреться. Задать вопрос: «Куда иду?» И обо всём неторопливо поразмыслить...

Эх, время то, что прошлым мы зовём!

Там нет войны.

И города не сожжены.

Цветут сады.

И мы совсем другие.

Ещё все верят в доброту.

Родители ещё живые.

Мир и Согласие – царят, а не решают деньги всё и связи.

Там не толкнут вас как бы ненароком из князей в грязи. Пусть и лечебные...

Морока. Политика. Реклама. Статус. Амбиции. Зачем? Пустое это самолюбование.

Взрослеть не хочется теперь, но, сколько не стучи, закрыта в детство дверь. Утерян ключ. Остались лишь воспоминанья...

Как жаль, что минули давно уж времена, когда цветок любой был драгоценностью великой. Шалаш – дворцом. Обёртка от конфеты – золотым кольцом. Соседский мальчик был заморским принцем. А танцы под гитару на бульваре нас запросто на бал всех отправляли.

Тогда звучал осенний вальс-бостон, мы целовались в ливень под мостом. Романтика!

Частенько в планетарий мы сбегали. Там звёзды в телескопы наблюдали. Стремилась к ним...

Но взрослыми вдруг стали.

– Зачем хотели старше стать скорей? И почему мы не ценили каждое мгновение?

Вопросы...

А ответы?

Их нет.

Мы поспешили повзрослеть! Рвались корнями в жизнь враспи покрепче, побыстрее. От дома убежать стремились мы, как можно дальше. И верили, что на пути не встретим лжи, предательства и фальши, что ждут друзья, любовь, свершения великие...

Что непременно мы сыграем роль в Эпохе Человеческого Возрождения и Развития!

И вот итог.

2014 год.

Война, разруха, и разъехались родные.

И только в творчестве живёшь и созидаете, создаёшь – не этот мир, ДРУГИЕ.

2015-й.

Короткое такое перемирие. Затишье небольшое. И надежда, что всё. Конец войне. Нет, не конец, а продолженье. Ну, что ж! Такое наше положение дел, виновны мы без преступления...

Живу.

Творю.

Мгновеньем каждым дорожу.

Уже нисколько не спешу.

Осмысливаю и пишу.

И постепенно становлюсь историей...

От этого грущу немного.

Всё больше философствую, но делать выводы, поверьте, не спешу.

Дышу.

Вперёд шагаю.

Наблюдаю.

И от несправедливости... страдаю.

2016-ый.

– Ах, мой рассвет! Ах, детство! Где же ты? – кричу, а отвечает эхо: «Где ты, где ты...»

«Я здесь, – машу рукой, шепчу: – Здесь. Рядом. Сейчас. Теперь. Тут. Живая маленькая точка на планете.

Тик-так!

Спешат часы.

Отсчитывают ход:

– Так-так. Вот-вот.

– Мой день? Мой суматошный день, наполненный заботами и мыслями. Такими добрыми и чистыми...

«Как мчится жизнь! – всё чаще слышу я. – Мы повзрослели. Дети наши выросли. Промчался день, и пробежала жизнь».

...Смеркается.

Уж вечер на дворе Вселенной, оставив нам заботы бранные.

Усталый вечер, чуть сутулый, но озорные у него глаза да изредка хрустальная слеза скатится по щекам, когда сгустятся думы грозовые...

И жизнь прошла, как день.

А на дворе 2017-й год. Замедляют стрелки ход. В этот год меня почти убили. Потери. Как их пережить? Усталость. Нежеланье жить. Но надо... А вдруг ещё смогу исправить этот мир. Нельзя сдаваться. Стой, Удача! Ты не смотри, что часто плачу. Вода, хрустальная слеза...

Рассвет, день, вечер, после полночь, ночь.

Перелистаю снова я страницы знакомого альбома...

Рассвет мой – это детство, где радость, доброта, наивность, вера в лучшее, заветная мечта.

День, наполненный заботами, паденьями и взлётами, как юность – весела и озорна. Так переполнена она эмоциями: горестными, страстными! Открытиями: добрыми, прекрасными. Смешалось всё: учёба, сессия, любовь. Экзамен, дружба и тревоги. Проект дипломный. Дальняя дорога. Общение в пути. Разлука. Слава, блеск! Победы, поражения – всё здесь. Богатство, зависть, бедность, новая работа. Предательство, падения и взлёты. Ты на охоте. Ты добыча. На тебя охота, позабыв приличье. Иль неохота?

Новая работа. Никак не выспаться. Ну, это что-то! Когда же выходные? Отпуск? Пенсия?

Не скоро.

Пока весь день проходит в делах, общении, проектах и заботах.

А вечером приходится сидеть одной или в интернете за философскими беседами о смысле жизни нашей в беспокойном мире, или с любимой книгой под луной.

– Как незаметно Вечер наступил!

– Не поздно спохватились? – смеётся жизнь. – Всё время суетились и позабыли, что такое: просто жизнь. Ну, то есть я. Твоя! Единственная и неповторимая...

Листаем дальше наш альбом: малышка с бантиком, девчоночка с хвостом, подстригла чёлку, волосы в причёску собрала. Ну, это замуж, наконец, решилась, и пошла...

– Ой, нет! Пора остановиться. Да сколько можно мчать, спешить, лететь, скакать, бежать...

Пора расслабиться немного, но внезапная война разожжена! И нет в альбоме снимков. Тут не до фото. А что фиксировать? Как город мой пылает? Как народ страдает? Грохочут «Грады». Вокруг всё затянуло серой дымкой. И сладко даже слово: ти-ши-на... Осталась лишь Надежда нам, последняя. А ещё всех гложет неуёмная вина, что не предвидели подобного мы даже. И всё становится неважным, когда убийство нормой стало. Здесь, на Аллее Ангелов, был каждый. И сердце обливалось кровью не однажды. А оправданье этому – война?

Другие. Мы теперь другие. Такие, вроде, как на довоенных фото. Немного старше. Но в глазах мелькает изредка такое что-то. И не описать. Понять, прочувствовать всё это можно здесь.

– А смысл?

– Наверно, где-то есть. Но не в убийстве, а в рождении. Родного края возрождении...

2018-й.

Живём на войне.

О мире пока одни разговоры.

Надоели эти споры, кто прав, кто виноват.

Довольно!

Мёртвым не надо наград.

Им бы жизнь, да сначала!

Чтоб в рассвет с головой окунуться и в детство вернуться, где любят и ждут. Где всё объяснят и поймут. За ошибки простят. Где можно многое исправить.

Сейчас так важно остановить войны. Прекратить убийства! Хотя бы научиться предвидеть последствия.

Вечер. Он, как наша зрелость. Задумчивый и томный, немного грустный, растерянный и философский. Вот, вроде, пожил, но многое так и не понял? Чем больше знаешь, тем больше вопросов. И чувствуешь себя, как в детстве – почемучкой! Только отвечать уже некому...

И всё же выпадают изредка такие вечера, когда становится, как прежде. Тогда жива ещё надежда.

Усталый вечер входит в дом.

Уютно в нём.

И стол накрыт для чаепитий.

Не для застолий, воспеваний, излияний.

Для чаепитий. Ведь чай – это настолько личное. Выпьешь горячий напиток задумчиво, мечтами рванёшь к облакам разноцветным и...

... вот уже всё у тебя отлично! Чай – это личное.

И улыбаешься невольно тому, что собрался у тебя на кухне вечером избранный круг – друзей и подруг!

Все те, кому не помешали ни время, ни расстоянья, ни взлёты, ни падения, ни другой какой-то вдруг...

... Те, с которыми жизнь позволила остаться верными друзьями.

Те, которых не отсеяло время.

Те, которые помнят всё!

А Ветер за окном шепчет звёздам сказки.

Ночь гуляет по бульварам.

Дождь танцует осеннее танго.

С кем?

С красавицей Весной. Она такая, что даже убелённый сединами улыбкой расцветает. Холодное сердце от взгляда растает.

Весна танцует. Лёд в сердце тает...

А в это время в Горловке грохочут миномёты. Там у меня коллеги и друзья. Как беспокойно на Душе. Понурила голову я, но рядом со мною друзья. Мы вместе. Нас так мало, но мы здесь и сейчас...

... сидим очень близко и общаемся.

Всё понимаем с полуслова.

...И прошлое неслышно возвращается. Тихонечко стирается та временная грань, где мы не вместе.

Но бьют часы двенадцать.

Мы прощаемся:

– Как жаль, что редки стали радостные встречи.

– Переоцениваешь жизнь под вечер.

– Ну, а мечты?

– Которые сбылись, уж больше не мечты.

– Бывай!

– Надеюсь, встретимся ещё...

– Был повидаться рад.

– И я.

– И мы.

– И ты... не забывай.

– Я помнить буду: улыбку, яркую строку...

А в городе моём такая ночь!

Порывы в ней весны и горький привкус непрошенной войны, горячие объятия тишины, и соловей...

Живёт теперь он на берёзе, во дворе. В лесу нельзя! Война: обстрелы, взрывы, грохот, мины. Сбежали жители полей, лесов сюда. Они искали понимания, защиты. Ну, и остались навсегда...

Прекрасна и сурова ночь! Что принесёт она? Пока не знаю. Хотя могу предположить: ночь принесёт отдохновение от суеты, забот дневных и планов утренних. Наверно...

– А удача?

– Придёт. Я верю. Непременно! Как звёзды и Луна вдруг озаряют небосвод. Так и Удача. Обязательно придёт. А ночь закончится рассветом непременно!

Мир без границ

Берега Республики Сербской

Юлия Воинова-Жунич

14 сентября 2018 года, в день Церковного Новолетия, в кинозале Центра Омладины города Баня Луки (Республика Сербская) прошла премьера документального фильма «Я тоже РУССКИЙ. Две мечты сербского поэта» – очерк о жизни творческого человека, рожденного на Сербской земле, для которого второй Родиной стала Россия... В России для всех он был сербом, а на Балканах уже вроде как не совсем серб, а отчасти русский... Но, для Любомира неважно, кем его воспринимают окружающие, он убежден: главное, что мы все – Православные, подобно нашим предкам должны стоять за свою Веру и Отечество земное и Небесное. Не принципиально, каким образом расположены три цвета на флаге – снизу вверх или сверху вниз.

Автор и режиссер фильма – Юлия Воинова-Жунич – рассказывает о фильме и о работе над ним.

О фильме «Я тоже русский. Две мечты сербского поэта»

Немного о работе над фильмом...

У нас с Любомиром было 7 – 8 съёмочных дней (неполных, по несколько часов). Снимали с первого раза, без дублей. Некоторые ограничения, личного характера, от нас не зависящие, присутствовали. Простите, причину раскрывать не стану. Каждый раз съёмка происходила по завершению Божественной Литургии, в основном, по воскресным дням.

Не успели мы запечатлеть лишь один, но значительный эпизод – Крестную Славу Любомира. Крестная Слава у сербов – это прославление, празднование памяти святого в тот день, когда племя той или иной семьи приняло Таинство Святого Крещения.

Крестная Слава нашего героя – день Святого Игнатия Богоносца (празднование второго января). Особо почитаемые у сербов святые: Св.Сава сербский, Св.Ап. Стефан первомуч., Свт. Николай Чудотворец, Св.Пр. Иоанн Креститель, Св.Ангелина Сербская, Св.Георгий Победоносец, Св.Кн. Лазарь, Св.Петка... Встречала я среди братьев и тех, кто, не взирая на родовое прошлое, стал славить дни памяти Святого Русского Царя – мученика Николая II, из-за того, что лично испытали его великую помощь и покровительство небесное.

Согласно древней традиции, семья, которая празднует Славу, должна участвовать в Божественной Литургии и принять Святые Дары Христа (это в идеале, сейчас далеко не все этого золотого правила придерживаются). Необходимо освятить коливо и славский калач (тесто правильно замешивать на святой воде).

После Литургии священнослужитель читает особую молитву, вознося украшенный калач к небу. Члены семьи, священники становятся в круг и раскручивают кулич на пальцах с песнопением. Очень трогательно... После действие переносится в дом. Подобно тому, как Господь Иисус Христос служил ученикам, хозяева служат пришедшим гостям (сколько бы человек ни прибыло). Сами же не смеют присесть за стол, пока гости в доме.

Вернемся к фильму. Трудилась я как автор, режиссёр и ассистент режиссёра, администратор, и за мной ещё музыкальное оформление... Были порой нелёгкие моменты. Однажды языковой барьер немного замедлил процесс работы. Мы снимали эпизод возвращения Любомира. А извозчик издала меня почти не слышал, но и не всегда понимал, что я говорю, из-за моего русского акцента.

Снимая эпизод войны, мы попали на колоритный такой объект (полуразрушенный фундамент дома), поначалу думая, что он заброшенный. Оказалось, что территория принадлежит мусульманину, а у них там претензии к сербам многолетние... Если бы он вызвал полицию, у нас могли бы возникнуть проблемы... Господь миловал.

По завершению съёмок я стала задумываться о том, кто бы мог смонтировать фильм? И тут на моём жизненном пути появился монах, который и предложил свою помощь в монтаже. Этим смельчаком оказался иеромонах Роман Кропотов – насельник Боровского монастыря. Итак; он – в Калужской области, а я на Балканах. Но что нам расстояния? На выручку пришёл интернет. Я отправляла батюшке монтажные листы и отснятое видео, иеромонах изучал материал, но ему было легче, когда я рядом, поэтому я руководила всеми процессами при помощи скайпа.

В основном, мы трудились поздним вечером или ночью, освободившись от дневных трудов. Отец Роман внёс немало прекрасных предложений, которые мы использовали. Надо отметить, ранее у меня никогда не было такой слаженной и комфортной работы в процессе монтажа. Слава Богу, просто прекрасный тандем сложился!

Работа со звуком фильма велась буквально под обстрелами в Донецке. Именно в таких условиях трудился мой коллега и друг – звукорежиссер Василий Копьев.

Схимонах Юстин Годич из Валево (Сербия) осуществил перевод текстов фильма на сербский язык. Вскоре фильм будет переведён на английский и немецкий языки для того, чтобы мог пройти с миссией по странам Европы.

О герое фильма немного...

Главный герой фильма немногословен, его поэзия рисует картину его бурных внутренних переживаний при кажущемся внешнем спокойствии. Переживаний оттого, что неспокойно в мире. Имея высокое чувство долга и ответственности, он чётко осознает собственную миссию на земле, которую должен выполнить, несмотря ни на что. Ведь слово поэта является мощным оружием против зла, обличает беззаконие...

В герое заложена любовь к миру, как к состоянию спокойствия и гармонии, любовь к Отечеству Небесному и Земному, любовь ко всему Русскому... Это в самом имени поэта – Любомир...

Удивительная личность: воин, патриот, способный защитить и защитивший свое Отечество и веру Православную в годы гражданской войны. Слегка наивный, доверчивый, романтичный, рассудительный человек... Наш герой – собирательный образ человека, нашего современника. В общем, герой нашего времени! Ведь вокруг нас немало высоко нравственных, способных на подвиг и жертвенную любовь.

В фильме Любомир не играл, а был самим собой – помотавшимся по свету, видевшем европейские страны с их «ценностями». Старушка Европа, «изгнавшая Христа», не прельстила его. Более двадцати лет прожил в России, и именно там он преобразился... Настолько, что когда вернулся в Сербскую Республику, его стали воспринимать больше как русского, чем как серба. Первое, что я от него услышала: «Девушка, Вы – русская? Я тоже русский!!! Я из Рязани!!!» Меня это просто поразило.

Отмечу, что любовь сербов к нам генетическая, восторженная, искренняя...

Никогда не забуду мой приезд в Ниш, незнакомый мне тогда город, в котором прожили свои подвижнические, земные дни святые равноапостольные Цари Константин и Елена. Первая базилика, воздвигнутая Константином, остатки бывшего роскошного дворца... Необыкновенные, притягательные места. По завершении Божественной Литургии представитель епархии познакомил меня с некоторыми своим друзьям – прихожанами. Немного пообщавшись, мы отправились в путь, чтобы я успела увидеть достопримечательности. Предстоял небольшой подъём в гору, мы продвигались вперёд, и тут я услышала, что кто-то окликнул меня сзади по имени. Обернувшись, я увидела незнакомую мне женщину, которая бежала нам вослед. Обняла меня крепко и произнесла: «Я волим Русию! Я волим святог Царя Николая» (глагол «воleti» – любить). При виде меня, сербка не могла сдержаться, выразив таким образом свою горячую любовь к России-Матушке и к Русскому Царю Николаю II. Это всё я и попыталась показать в картине.

Любомир пишет в целом около сорока лет. Самый первый его сборник вышел в 1982 году. А буквально несколько дней назад в Донецке увидел свет новый поэтический (коллективный) сборник «Божественный струится фимиам» под редакцией Александра Яковлевича Гросова. Книгу открывает именно поэзия Любомира. Двенадцатого октября в г. Баня Луке состоится презентация его новой книги на русском и сербском языках «Как ни крути». Третьего ноября презентация пройдет в г. Прнявор (Республика Сербская). Думаю, будет очень интересно! Участником события являюсь

и я. Мною были переведены на русский язык некоторые из его произведений. Любомир ждёт, что я продекламирую их.

Надо сказать о том, что подготовка к изданию этой книги тоже сыграла большую роль в рождении фильма. Поэт поделился со мною своим замыслом: начитать стихи на камеру, чтобы после сделать подарочный вкладыш DVD диска в книгу. Поскольку других профессионалов рядом с ним не было, конечно, я предложила свою помощь.

Интересный момент: ещё в 2010 году, совершенно неожиданно я получила благословение русского монаха помогать сербам. Вот с того самого момента Сербия и сербы вошли в мою жизнь. Начала что-то публиковать в интернете, поднимая острую сербскую тему. Основала несколько дружественных русско-сербских групп в социальной сети FB («Русь и Сербия Воскреснут», «Живела», и др.). Мы очень плотно общались в чате. С окормлением священников (духовников групп): протоиерея Константина Кобелева, иеромонаха Никиты Зверева.

Все больше запросов в друзья мне поступало от сербов, они писали мне в «личку». Внимая сербским словам, я умилялась необыкновенно красивой, древней речи. Она, подобно утренней росе, орошала душу... Душице, Зорка, Весна – народные имена, связанные с природой... Я читала сербские письма, поначалу при помощи «гугл»-переводчика или новоявленной сербской сестры милой Душицы. Я буквально ощущала любовь и молитву, заключённые в смысле сказанных выражений или написанных слов. Так я стала изучать сербский. Хотя на выговор он оказался грубее для слуха (по сравнению с мелодичным русским). Вероятно, здесь кроются – элементы воинствующие, племенные. Надо отметить, что в этом краю народ владеет невербальной коммуникацией, свободно читая по мимике и жестам. Никакие исторические реформы не смогли разорвать крепкой нити, связующей современный сербский со старославянским языком (праотцом русского и сербского).

В 2012 году, создавая свой авторский фильм «Вечные Пастыри» (мой самый первый по уходу с Донецкого государственного телевидения, а это был ещё и мой операторский дебют), я использовала цитаты Свт.Николая (Велимировича), еписк. Охридского и Жичского из его книги «Моления на озере». Вскоре, вдруг, я – донецкий режиссёр – оказалась на Балканах, совершенно неожиданно. Но там, где я, там – Русь, я носитель нашей культуры, но и сербы такие родные... И мне искренне жаль тех, которые никогда не были в России, они много потеряли. Если выразиться точнее – не установили, не нашли, не осознали своей идентификации, самоидентификации. Но мне кажется порой, что нас – русских – они уважают сильнее, чем мы себя. А, возможно, это их тяга к великой России-Матушке.

Мы приступили к съёмкам, вначале не подозревая, что наш труд перерастёт в фильм. И уже после я вспомнила о полученном в 2010 году благословении и задумалась о том, что я ведь все эти годы его неукоснительно, исполняю.

На премьеру фильма меня благословили известные старцы: схиигумен Илий (Ноздрин) – духовник Святейшего Патриарха Кирилла и Оптиной пустыни и схиархимандрит Власий (Перегонцев) – духовник Боровского монастыря. По всему свету молились как рядовые священники и монахи, так и митрополиты и епископы... Как сказал церковный историк игумен Петр Драгойлович: «Премьера фильма «Я тоже РУССКИЙ. Две мечты сербского поэта» – значительное событие, как и освящение фундамента и закладка камня храма Святым Царственным мученикам Романовым в Бана Луке. Это всё – знамение времени. Приznak того, что славяне сближаются. Нас объединяет главная идея, единые корни, ещё со времен Страбона, Плиния – Православная вера».

Вообще, этот проект и всё, что с ним связано, изначально сопровождается всевозможными чудесами... Это подтвердили и гости, прибывшие на премьеру из России, Сербии, Сербской Республики, Сербской Краины, Швейцарии.

Пришло время консолидации славян. Можно смело утверждать, что Отец наш Небесный желает нашего крепкого объединения, верует в нас и ждёт...

Я давно задавалась вопросами: откуда такая невероятная, можно сказать, на генетическом уровне любовь между нами? Есть исторические свидетельства о том, что русский и сербский народ жили когда-то на одной территории. Что же произошло после? Что и кто нас разделил? Когда мы разгадаем эту тайну?» И в вечер премьеры мы получили ответы на некоторые из них. Отец Петар Драгойлович (игумен монастыря Пиносава, Шумадийской епархии), специально приехал для того, чтобы

осветить эту тему. Заданные ему вопросы были частью сценария мероприятия, подготовленного автором фильма и «Содружеством деятелей искусств и ценителей художеств» Сербской Республики, г. Прнявор.

Партнерами мероприятия выступили Русский Центр фонда «Русский Мир» в Баня Луке и Содружество ветеранов Республики Сербской. Патриотический творческий проект поддержала местная власть в лице руководства города Прнявор (его начальника Дарко Томаша и заместителя Славиши Миланковича), обеспечив проживание гостей в гостинице).

Помимо фильма и исторической части, не менее важная составляющая торжества – небольшой телемост с Донецкой Народной Республикой. На той, горячей стороне, собралась творческая элита Донецка, и для того, чтобы выразить своё мнение о фильме и значимости подобных мероприятий, и чтобы повидаться с сербскими братьями (к сожалению, война помешала прилететь дончанам на Балканы).

Как отметил руководитель российской ветеранской делегации, прибывшей на премьеру фильма Вячеслав Калинин: «Премьера фильма «Я тоже Русский...» собрала вместе настоящих патриотов сербского и русского народа, желающих мира своим народам, а также единению ветеранов наших стран. Мы благодарны нашим сербским друзьям, а также гостеприимной земле Республики Сербской, за прекрасную возможность прикоснуться к культуре и истории, внести свою небольшую лепту в дело укрепления дружбы, сотрудничества, а также расширение культурных и гуманитарных связей между нашими народами».

Очень важным моментом является посещение мероприятия официальной делегацией русских ветеранов.

Делегацию из России возглавил руководитель «Братства зелёных беретов», главный редактор ИА «Ветеранские вести» Вячеслав Калинин, член Президиума «Братства зелёных беретов», сопредседатель Движения «Хранители России» Владимир Каширов, член Президиума «Офицеров России» и «Боевого братства» Москвы Александр Суслонов.

Создателям фильма и организаторам мероприятия были вручены высокие общественные награды Московской городской организации Союза писателей России, «Союза десантников России», «Офицеров России», «Боевого братства», «Братства зелёных беретов», Движения «Россия Православная», Информационного агентства «Ветеранские вести».

Памятные медали и благодарности были также вручены ветеранам и деятелям культуры Республики Сербской, Сербской Краины, Сербии, Болгарии. Среди награждённых есть имена ветеранов и деятелей культуры Новороссии и России.

Автор фильма награждена медалью от Лиги писателей Евразии «Литературный Олимп», этой же высокой награды удостоился Александр Яковлевич Гросов (писатель, краевед, общественный деятель из Донецка).

Председатель Содружества деятелей искусств и ценителей художеств, а так же: иеромонах Роман Кропотов (смонтировавший фильм), герой фильма (поэт Любомир Попович), Асим Сарван (известный, ещё со времен Югославии сербский музыкант), Бранкица Радонич (писательница, руководитель детского самодеятельного театра), Славица Рачевич (дизайнер), дончанка Алевтина Михайловна Ворожцова (журналист и режиссёр, посвятившая более пятидесяти лет служению на Донецкой областной государственной телерадиокомпании), киевлянка Неонилла Пасичник (журналист и режиссёр), Тамара Михайловна Лобова (писатель, краевед из г.Кисловодска) были отмечены высокой наградой от Союза писателей России медалями имени А.С.Пушкина.

«За други своя» – медаль от Общероссийского движения «Россия Православная» были удостоены: игумен Шумадийской епархии Петар Драгойлович и схимонах Иустин Годич из Валево (Сербия).

Братислав Живкович (командир сербских четников, защитник Крыма, Новороссии и Косово) отмечен медалью от Ассоциации ветеранов боевых действий МВД России «За мужество и гуманизм». Правда, получить сам лично не смог, поскольку не так давно был задержан в Сербии. Доказательной базы не существует, однако, возможности свободного перемещения он временно лишён.

Медаль от Российского совета ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск «100 лет советской милиции» награждены: Драган Кукач (Министр Внутренних дел Республики Сербской), полицейские: Желько Биланчич, Бранислав Окука, Бранислав Поневич, Симо Поневич (посмертно).

«За верность десантному братству» медаль от Союза десантников России получили: Александр Недич, подполковник Александр Николаевич Прасол. Герой Сербской Краины – Вукашин Шошкочанин (посмертно).

Посмертно награжден медалью «Генерал армии Маргелов» герой Республики Сербской – Велько Миланкович, возглавлявший Первый ударни батальон «Вукови с Вучияка (Први ударни батальон «Вукови с Вучијака).

Обладателями ножа спецназа «Гюрза» с сертификатом от «Братства зеленых беретов» стали: Душко Вукотич (Председатель Содружества Ветеранов Республики Сербской), Небойша Увалич (майор Регулярного войска Республики Сербской, атаман Балканского казачьего войска).

От Российского информационного агентства «Ветеранские вести» были выписаны благодарности (как сербам, так и русским).

Более трех сот грамот от «Братства зеленых беретов» были подготовлены для награждения ветеранов последних балканских войн. В большем числе для «Волков са Вучияка». Ведь, именно благодаря их героизму родилась армия Сербской Республики, мужественные волки составили ее костяк.

Игумен Петар Драгойлович:

«Что касается премьеры фильма «Я тоже РУССКИЙ. Две мечты сербского поэта», это – один из сотен тысяч шагов в направлении сближения и близкого познания нами друг друга (двух братских народов русского и сербского). Мы веками жили на одних территориях, мы практически один народ. Как говорит св.Петр Цитинский – чудотворец: «Русские нам – единокровные, единовольные, единокровные братья». Сербы и русские – это два имени одного и того же народа. Неудивительно, что первый знаменитый историк святой Нестор Киево-Печерский летописец повествует в «Повести Временных лет» о том, что предки киевских русов пришли из Балкан. Древнее название – Илирик (лат. Illiricum – Илирикум)...

Премьера фильма – значительное событие, как и освящение фундамента и закладка камня храма Святым Царственным мученикам Романовым в Бая Луке, которое прошло в эти же дни. Это всё – знамение времени. Приznak того, что славяне, православные сближаются. Их объединяет главная идея, единые корни – Православие – вера, ещё со времен Страбона, Плиния...

Этот фильм – один маленький камень в огромном фундаменте среди тысячи заложенных камней любви и дружбы за все время всей нашей общей истории.

Все слова автора фильма о нашей дружбе – звено золотой неразрывной цепи, которая длится 2000 лет между нами. Я очень рад, что побывал на премьере фильма, рад что мы прекрасно провели время и вместе на Литургии в храме Святых апостолов Петра и Павла по благословению Преосвященнейшего Ефрема Бая – Лукского. И это – моя первая Литургия в этой части Балкан... Ещё я получил медаль «За други своя» от ветеранов из России... Благодарим всех людей из России, причастных к награждению, которые понимают, насколько это важно для нас. Прекрасно и то, что после Божественной Литургии мы все вместе общались в епархиальном доме с.Палачковцы в гостях у священника Мичо... И импровизированный концерт, где пели вместе и дружили и радовались и русские и сербы...

Мы сербы говорим, что «Россия – Мама», и это не просто фраза, это глубокая истина, заложенная внутри нас. Мы говорим это как – «Добрый день». Вечная истина... Если у России проблемы мы её не осуждаем. Как мы можем осуждать мать, если у неё проблемы? Придёт время (это повторялось много раз в истории), как например в 1914 году...

Святитель Николай (Велимирович), епископ Охридский и Жичской

«Может народ быть должен народу, и человек человеку, но тот долг, который мы задолжали Русскому Царю – мученику Николаю Романову, который вошёл в войну, чтобы нас защитить, мы не можем отплатить ни веками, ни поколениями». Мы вечные должники Русскому Царю, династии Романовых, а если хотите и Рюриковичам... Они защитили нас от пропасти. Если б не Русский Царь, нас бы уничтожили...

Мы вечные должники как Святому Царю Николаю, так и нынешней России, которая блюдет международный порядок.

Русские принесли миллионы жертв за наш народ. Мы благодарны России и сербский народ и наша Сербская Православная Церковь. И сквозь все эти новые искушения в Украине, мы за Предстоятеля Украинской Православной Церкви Московского Патриархата Митрополита Онуфрия, мы его поддерживаем. Понимаем всю глубину этой проблемы, поскольку прошли нечто подобное тут, на Балканах. И ещё раз благодарю группу создателей фильма что своей любовью и жертвами ещё больше укрепили наши связи. Фильм будут смотреть здесь, и в Луганске и Донецке, в Москве и Шумадии, Белграде... Везде, где живут русские и сербы. Для русской – сербской дружбы нет границ, так и для фильма, созданного с любовью не существует никаких границ».

Владимир Владимирович Лебедев,

Советник мэра Москвы, директор Московского Дома соотечественников:

«... Юлия Владимировна, Вы – профессионал, о чем говорят дипломы и богатая фильмография, которая, кстати, подтверждает поступательное движение Вашего творчества. Тот, кто работает в документальном кино, не может «скрыться» за красиво выстроенным кадром. Хроника – вещь конкретная. События жизни диктуют сюжеты – и вот многонациональная творческая команда создаёт фильм, в котором сербский поэт обрёл вторую Родину – Россию. Три цвета на флагах наших государств и вера и язык – всё по-братски связано в тесный узел. И прожил большую часть своей жизни не где-нибудь, а на Земле русского поэта Сергея Есенина. Жизнь героя картины как бы переплетает судьбы двух стран-сестёр (Сербии и России).

Что свято для серба и русского: стоять за своё отечество Небесное и Земное. Но, думается, что фильм будет понятен не только славянам, а всем тем, кто предан Родине, какую бы веру они не исповедовали. Успехов Вам, новых творческих находок!»

Мир без границ

Берега Республики Сербской

Неонилла Пасичник

Любомир из Рязанского края...

*Размышления после просмотра сербской документальной авторской картины
«Я тоже русский. Две мечты сербского поэта», автор Юлия Воинова-Жунич, 2018 г.*

Чинно чередуются кадры с видами вечернего мегаполиса. На их фоне оживает портрет несколько небрежно-богемного человека.

Имя героя Любомир после просмотра картины воспринимается более чем говорящим!

Продолжим повествование о человеке, беззвучно шевелящем губами, растворившемся так же незаметно, как и появился в сменяющих друг друга кадрах, но уже словно где-то в поднебесье.

Крыло самолёта возвращает из миражных макропланов воздушных масс к щемящей реальности. Просёлочная дорога указывает на то, что путь из Белграда пролегает в город с поэтическим названием Баня Лука, тот самый, где был сформирован 1-ый Краинский корпус Войска Республики Сербской. Далее – в боснийский сербский городок Прнявор, а, затем – в деревушку Палачковцы, где родился поэт.

По ней уходит вдаль одинокий странник с чемоданом-тележкой, послушно катящейся вслед.

Мы хорошо знаем, что православный народ, отделенный от Великой Сербии – боснийские сербы – составляют почти половину территории Боснии и Герцеговины и образуют Республику Сербскую – государственное образование сербов. Босния и Герцеговина появились в результате расчленения многонациональной Югославии.

Когда рядом с киногероем оказывается красочная телега с парой лошадок, путник рад взобраться на «попутку». Лошадки, словно задев копытом звучащие в наполненном первым морозцем воздухе струны, нетерпеливо порываются мчаться вдаль!

А вот и деревенский радостный праздник: священник завершает молебен, а прихожане, срезав сухие ветки упавшего дерева, разжигают костёр. На душе, как и в воздухе, становится совсем тепло...

В особенности, когда мы видим в ожившем портрете реального человека – поэта Любомира Поповича. «Род Поповичей значит – чего стоит один только космонавт, носящий эту фамилию!» – напоминает герой картины.

Вслушиваемся в неспешное, словно поэтический верлибр, повествование поэта о себе и осознаем, что содержание сказанного понимаем и разделяем, потому что титры идут на русском и сербском языках, да и без них сербский понятен всякому славянину.

Герой говорит по-русски, но с сильным сербским акцентом. Как бы ни было удивительно, речь ясна! Неужели за четверть века, проведенные в России, Любомир не приобрел чистоту речи? Или напротив, сохранил её древнюю сербскую самобытность?!

Словно ощутив, что его неспешное повествование заинтриговало зрителя, поэт его прерывает... уводя нас к старинному каменному храму – в своё детство.

Когда-то, – Любомир помнит, что это было 27 января, – батюшка раздавал детям стихи и просил декламировать их наизусть. Поэт не позабыл четверостишия, доставшегося ему более полувека назад и, словно воображая себя батюшкой из глубины детских видений, торжественно, как проповедь, с паперти храма декламирует врезавшиеся в память строки...

Храм сейчас закрыт, но, заглянув в окошко, мы, словно в глубину колодца, погружаемся в события последнего десятилетия прошедшего века.

Сейчас это уже история, которую изучают специалисты. Заглянем в доступную Википедию:

«Боснийские сербы были одной из противоборствующих сторон в ходе гражданской войны 1992–1995 годов, стремясь к сохранению единой государственности с Сербией».

Многие военные лидеры боснийских сербов были осуждены Международным трибуналом как, якобы, военные преступники, коими на самом деле они не были...

Их лидер Радован Караджич и командовавший войсками боснийских сербов генерал Ратко Младич арестованы в Сербии по прошествии более 15 лет после окончания гражданской войны и переданы Международному трибуналу...

Читаем дальше в Википедии: «В конфликт были вовлечены армия Хорватии, добровольцы и наёмники со всех сторон, и вооружённые силы НАТО».

Это было следствием падения Берлинской стены в 1989 году. Тогда и начались процессы распада государств, искусственно созданных после исчезновения в 1918 году трёх европейских империй: Российской, Германской и Австрийской. Обострились межнациональные конфликты, ранее мирно сдерживаемые любимыми народом монархами...

В марте 1989 года кризис в Югославии усугубился после принятия поправок к конституции Сербии, позволивших правительству республики ограничить автономию Косово и Воеводины. Эти автономные края имели по голосу в югославском президиуме. Таким образом, Сербия под руководством Слободана Милошевича получила в общей сложности три голоса в югославском президиуме. Также с помощью голосов от Черногории Сербия могла задавать тон при голосовании. Это вызвало раздражение в других союзных республиках и призывы к реформе федерации.

После отделения Словении и Хорватии от Социалистической Федеративной Республики Югославии в 1991 году настал черёд многонациональной Социалистической Республики Босния и Герцеговина, в которой проживали главным образом босняки мусульмане, православные сербы и хорваты католики. Референдум о независимости республики прошёл в феврале 1992 года без участия боснийских сербов. Его результаты были отвергнуты лидерами боснийских сербов, которые создали свою собственную республику. После провозглашения независимости разгорелась война, в которой боснийские сербы получили поддержку от правительства Сербии, возглавляемого Слободаном Милошевичем, и Югославской Народной Армии. Вскоре боевые действия разгорелись на территории всей республики и начались первые этнические чистки... В той войне велись ожесточённые боевые действия, беспорядочные обстрелы городов и сёл, массовые изнасилования, геноцид. Осада Сараево и резня в Сребренице стали печально знаменитыми событиями той жуткой народной бойне.

Война была прекращена после подписания Общего рамочного соглашения о мире в Боснии и Герцеговине в Париже в декабре 1995 года. Мирные переговоры велись и в Дейтоне, штат Огайо, и завершились в декабре 1995 года подписанием документов, известных как Дейтонское соглашение.

Зритель знает об этих официальных сводках и потому «тихий» эпизод фильма о войне, где все события оставлены «за кадром», говорит ему о многом.

А в кадре 1992 год: «Здесь шли бои», – поэт примостился у развалин мощной некогда каменной стены, так напоминающей тот самый отрезок в 1,3 км, оставленный в Берлине как памятник одному из самых известных символов холодной войны.

Но в Сербии война была горячее – как следствие разрушения тремя годами ранее той самой стены, отделяющей Запад от Востока. Разделительная линия протяжённостью около 45 км проходила прямо по улицам и домам, каналам и водным путям города. Официально действовал 81 уличный пропускной пункт, 13 переходов в метро и на городской железной дороге. Кроме того, существовали сотни нелегальных путей. Ежедневно границу между обеими частями города пересекали по различным причинам от 300 до 500 тысяч человек.

В Берлине герой фильма не бывал. Он отправился в совершенно противоположном направлении. Но разделённая колючей проволокой граница с мусульманской территорией Боснии – совсем рядом... Словно Берлин, сам наступающий поэта в этой отдалённой и покаянно притихшей глуши.

В ночном бою 25 лет назад ополченец Любомир не зря брал свой Берлин! Поэт печален, спокоен и словно умиротворен. А ведь он сам был участником той ночной битвы, когда погибли 20 человек из близлежащих деревень, возможно, его друзей детства, которым тоже доставались от батюшки стишки для заучивания.

Тогда раненый серб выносил на плечах неприятеля хорвата из кровавого месива бойни... Выжить! Только бы выжить! Кто кого и куда выносил и спасал, тогда понять было трудно.

А через какое-то время здесь и появилась эта граница – колючая проволока: словно материализовались те натянутые в морозном воздухе струны предстоящей встречи с малой родиной. Вместе с родной Сербией пришли и страшные воспоминания о той ночи. Сам Любомир всё простил, но не забыл. Ночная бойня превратилась в битву с самим собой и длилась четверть века в России, куда уехал православный серб по зову сердца и в поисках защиты от обидчиков.

Для Любомира не важно, кем его воспринимают окружающие – русским ли, сербом. Его влекли Есенинские места близ Рязани, где поселился и задержался на долгие годы! Там родилась дочь.

В картине внезапно появляется авторский комментарий! Кто это? Дочь ли повествует об отце? Жена ли? Мать?

Всё раскроется лишь к финалу! Мы узнаем, чем древняя Сербия была для России и почему в 1914 году царь Николай II вступает за Сербию. Мятушаяся, ищущая душа привела поэта в Сибирь.

Он сохранил благодарственные и почетные грамоты от мэра города и предприятия. Фотопортрет дочери всегда рядом на письменном столе – её профессиональные графические рисунки-иллюстрации вдохновляют поэта.

Два года назад Любомир приехал из России и понял, что обязан остаться: «Что так часто ходишь на дорогу в старомодном ветхом шушуне?» Эти есенинские строки Любомир воплотил в реальность. Умиротворённое лицо матери за рукодельем – следствие поступка сына...

Каково предназначение поэта? «Глаголом жечь сердца людей...» Стал ли пророком поэт, носящий священническую фамилию? Но жечь сердца людей поступком – православному христианину можно и должно наравне с глаголом.

Мир без границ

Берега Литвы

Владимир Вахрамеев

Редакция журнала «Берега», его авторы и читатели с огромной радостью поздравляют Международную Ассоциацию писателей и публицистов в Литве с 10-летием! Желаем процветания и развития, новых творческих достижений, новых проектов и их воплощения, новых читателей и блестящих авторов альманаху «Ступени»!

Член Союза журналистов России, Международной Ассоциации писателей и публицистов, ветеран Вооружённых Сил СССР и Войск ПВО страны. Является автором сотен статей, очерков, рассказов, обзоров в периодических СМИ России и зарубежья, трилогии «Опалённые ложью» и ряда других книг. Одну из них в соавторстве с известной русской поэтессой Литвы Эльвирой Поздней, посвятил своему другу актёру и поэту, режиссёру и сценаристу Валерию Петровскому. По материалам сборника «Я не хотел бы всех печалить...» актёрами Калининградского областного музыкального театра и Вильнюсского русского театра драмы был поставлен спектакль «Письма, рифмованные любовью». Имеет свыше двух десятков государственных и правительственных наград СССР, РФ и ЧССР, Кавалер Нагрудного Знака главных редакторов «Четвёртая власть. За заслуги перед прессой», лауреат премии «Журналист-2014».

10 лет Республиканскому обществу Международной ассоциации писателей и публицистов (РО МАПП) в Литве

По давней журналистской привычке, приступая к очередному повествованию, просмотрел немалое количество книг и периодических изданий, в которых упоминаются будущие герои и литературные персонажи. Прежде всего, моё внимание привлекли книги и сборники из серии «Библиотека МАПП». В одной из них, посвящённой 5-летию Республиканского общества Международной ассоциации писателей и публицистов (РО МАПП) «МАПП. 5 лет в Литве», с немалым интересом прочитал предисловие, подготовленное президентом Республиканского общества МАПП Львом Месенгисером (Вильнюс, Литва). В нём автор отразил этапы организации и становления литературной структуры ныне объединяющей писателей и поэтов, публицистов и журналистов десятков стран и регионов. В своём предисловии президент РО МАПП упоминает имена «ветеранов», стоявших у истоков создания этой ныне известной и уважаемой Ассоциации, в том числе Э.Поздней, И.Мастерман, Е.Шермет, Г.Почуева, Л.Антоновой и других, а также президента МАПП, секретаря правления Союза писателей России, члена ряда зарубежных академий, талантливого журналиста и писателя Марата Каландарова. Необходимо заметить, что талантливый журналист и опытный менеджер, продолжавший активно работать в тот период над созданием Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП), основной задачей считал не только объединение русскоязычной пишущей братии за рубежом, но и повышение их профессионального уровня и критического подхода к творчеству.

Со статьями М.Каландарова – выпускника факультета журналистики МГУ и спецкора газеты «Советская молодёжь» (Латвия), автора репортажей, очерков и нескольких документальных повестей – мне посчастливилось познакомиться ещё в 80-е годы предыдущего столетия, когда

проходил офицерскую службу в частях Войск ПВО страны, дислоцировавшихся на территории Латвии и Литвы.

Единственная наша встреча произошла в Риге осенью 2002 года на деловом форуме журналистов, где мне посчастливилось побеседовать с мэтром военной журналистики.

Трудно вспомнить сегодня все темы и нюансы той давней беседы, ибо за незначительное время общения мы успели коснуться проблем и русскоговорящих граждан в бывших прибалтийских республиках СССР, и падения морально-нравственного уровня молодёжи; обсудить проблемы создания новых русскоязычных изданий и разрыва привычных журналистских связей; выслушать размышления Марата Ахмедовича о работе по созданию Международной ассоциации писателей и публицистов. В те минуты нашей встречи и непродолжительного общения невозможно было предположить, что это будет первая и последняя встреча, а через год после его смерти я буду принят в члены Международной ассоциации писателей и публицистов, созданной им, и стану полномочным представителем МАПП в Янтарном крае. Более того, что Академический Совет Европейской Академии Искусств и Литературы, созданной по инициативе М.А.Каландарова, и первым президентом которой он станет, наградит доктора гуманитарных наук, поэта Эляну Суодене; талантливую русскую поэтессу Литвы и эссеиста Эльвиру Позднюю, а также меня, литератора Владимира Вахрамеева, дипломом European Academy of Arts and Letters (EAAL) и удостоит звания «Золотое Перо». Мои впечатления от той спонтанной нашей встречи противоречивы и поверхностны. Куда более точное отражение таланта нашего героя можно найти в стихотворении члена МАПП и СПР, поэта Елены Шеремет, которая также награждена дипломом «Золотое перо» EAAL: *«Он был другим: без строчки не жил дня – / Взмывал ли ввысь, иль достигал до дна; / Дарил улыбки, строил ворох планов, / Жил для людей, не видя в них изъянов. / И, не щадя себя, преодолеть не смог / Ещё один, ведущий вверх, виток...»* (стихотворение «Он был другим...»).

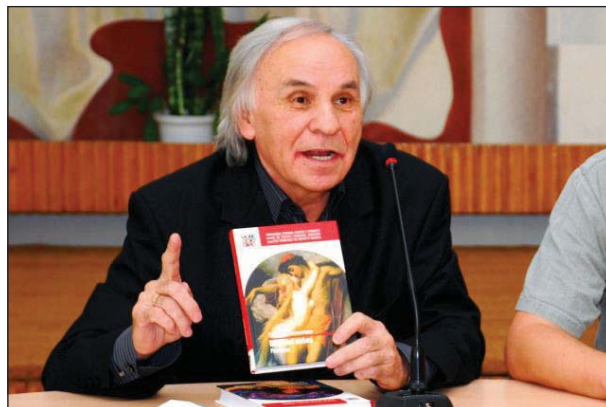
Как известно, профессионалы – психологи и педагоги, воспитатели и писатели, публицисты и поэты, изучающие сущность личности, взаимоотношения людей, знают, что чаще всего первое впечатление о человеке бывает самым верным и точным. Об этом невольно подумал, когда слушал воспоминания известной русской поэтессы Литвы Эльвиры Поздней о Марате Каландарове: «Это был уникальный человек – труженик, принимавший смелые решения и мастерски претворявший их в жизнь. Уже во время первой нашей встречи в Риге, куда меня направил инициатор создания отделения МАПП в Литве Георгий Деканидзе (в будущем – первый президент РО МАПП в Литве), меня поразило его умение не только выслушать, но и мгновенно тактично развить тему разговора, определить возможности для реализации высказанной идеи. Трудно забыть, как он, получив в Москве новые книги или газеты «Российский писатель» и пр., обязательно свой маршрут возвращения в Ригу прокладывал через Вильнюс. Более того, при каждой встрече с членами ассоциации он делился результатами работы, новостями и своими планами, честно и откровенно отвечал не только на вопросы, связанные с работой МАПП, но и интересовался личными делами и проблемами, старался тут же помочь в разрешении возникших трудностей и неурядиц».

Тёплые дружеские и творческие отношения сложились у М.Каландарова и Г.Деканидзе с первых дней их встречи. Вот как описывает одну из таких встреч Марат Каландаров в своём очерке «МГНОВЕННЫЕ ИСТИНЫ или последний диалог с поэтом»: «Мы шли по лесной тропинке и говорили о литературе. Мой собеседник – литовский поэт и общественный деятель Георгий Деканидзе. Был жаркий августовский день, и пейзаж радовал глаз разноцветьем: бронзовые стволы сосен, холмы в буйной зелени, живописный берег озера, искрящаяся бесчисленными бликами вода, силуэты современных коттеджей... Созерцая этот сказочный пейзаж, я подумал, что именно тут сам Бог велел черпать вдохновение и творить. Георгий словно уловил мою мысль и с теплотой заметил:

– В этом райском уголке плодотворно пульсирует творческая мысль. Я люблю сочинять под покровом темноты. Ночью выйдешь на причал: озеро распростёрлось перед тобой загадочное, безликое и немое, окутанное тайной. Из чёрной бездны выплывает шёпот, будто невидимая русалка подсказывает строчку или рифму. Этот шёпот касается твоей души и улетает к звёздам...

– В общем, по Канту, – заметил я, – самое удивительное в мире – это звёздное небо над нами и моральный закон в нас.

– Вот-вот, – улыбнулся Георгий. – Великий немец очень точно обобщил... Вот послушай-

те, что рождается под звёздным небом в бессонные ночи. Я так и назвал одну из своих книг «Ночи без сна».

Известный журналист и публицист не приводит стихотворные строки, которые читал поэт... Вполне возможно, что это было стихотворение «Мне бы...», написанное Георгием Деканидзе в ноябре 1997 года, которое он завершает следующими строками: *«Я о прошлом совсем не тоскую – / Ведь былого никак не вернуть. / Мне бы только печаль сплошную / В морду сукиным детям плеснуть. // Мне бы в детство ещё вернуться – / В детский дом, в тот голодный год, / Босиком по траве прошивырнуться / Да по Волге прогнать свой плот, // С пацанами б излазить сады и / Картошку сырую жрать... / Чтобы рожки не видеть «святые», / Я готов на колени встать»*... (Георгий Деканидзе «Ночи без сна» СС т.1, стр. 400, издатель SIA «МАПП», тип. «Zelta Rudens», 2010).

В современную поэзию и прозу Георгий Деканидзе вошёл в начале 90-х годов прошлого столетия и сразу привлёк внимание поклонников поэзии. Его песни зазвучали со сцены Вильнюсского Русского драматического театра в спектакле «Ночи без сна» в исполнении знаменитого музыкального коллектива Литвы под названием «Купе», в репертуаре которого исполнялась песня «Любовь» со строками: *«Мечтал о жизни я – о будущей, возможной, / Мечтал о женщине, о счастье, о семье. / Не думал никогда, что будет сложно / Пройти по человеческой тропе...»*.

На той встрече в августе 2009 года в чарующем литовском Тракае они обсудили те достижения, которые к очередной годовщине МАПП достигло Литовское Республиканское общество и вся МАПП. Обоим этим энергичным и настойчивым в достижении намеченных целей было о чём побеседовать, что обсудить и какие задачи наметить. За год РО МАПП не только выросло численно, но и был создан коллектив единомышленников, увлечённых идеей сплочения русскоязычных творческих людей, решены многочисленные организационные вопросы и проблемы, создан фонд развития и поддержки, укреплена редакционно-издательская база.

Однако, УВЫ, через месяц президент МАПП скажет, что он не подозревал, не мог представить себе, что та августовская встреча в Тракае и тот «творческий диалог на фоне сосен и живописного озера был последним, и что мы больше никогда не встретимся. Он скончался 15 января 2010 года». Вскоре после смерти президента РО МАПП и поэта Георгия Борисовича Деканидзе в серии «Библиотека МАПП» по инициативе, активном участии Марата Каландарова и друзей поэта выйдет двухтомник его собрания сочинений «Ночи без сна» и «Ледяной крест».

А 21 февраля 2013 года на одной из станций московского метрополитена перестанет биться сердце и Марата Каландарова...

В международном литературно-публицистическом альманахе «Ступени» – 2015 (Вильнюс, ответственный редактор Э.Поздняк) поэт Андрей Корсаров опубликует стихотворение «Знак», посвящённое памяти Марата Каландарова: *«Перед Вечностью – все равны: / И великий и неприметный, / Что простак, что герой страны – / Одинаково не бессмертны... // И неважно, когда и где / Ты родился, прожил и умер – / Только память среди людей / Ставит точку твою мирскую. // А над точкой – или вопрос / Изогнётся в нелепой прозе, / Или знак – словно в Вечность гвоздь – / Восклицаний – в стихах и прозе!»*. Именно Андрей Корсаров после смерти Марата Каландарова примет бразды правления МАПП. Кажется, нет ничего проще, чем сохранять и развивать сложившиеся традиции, продолжать работу по сплочению и оказанию помощи членам МАПП. Тем более что многие перспективы раз-

вития Ассоциации Марат Каландаров изложил в статье «Новая Мекка русской поэзии зарубежья» («Литературная газета» № 9 от 2012 г.), в которой предупреждал руководителей структур МАПП от искушения превратить «литературное сообщество единомышленников» в элементарную коммерческую структуру. Проблемам наличия в русских литературных изданиях зарубежья низкопробных произведений и повышению профессионализма, качества произведений и более строгого подхода к приёму в члены МАПП много внимания было уделено в июне 2010 года на первом Международном Европейском литературном форуме «Reading Europe («Читающая Европа», прошедшем под эгидой МАПП.

Как укажет президент РО МАПП Лев Месенгисер на страницах альманаха «Ступени»: «За 10 лет созданное в Литве в 2008-м году Маратом Каландаровым Республиканское общество МАПП (РО МАПП) в Литве значительно выросло, пополнив свои ряды не только профессиональными писателями и журналистами, но и молодыми талантливыми поэтами и прозаиками. Неоценимый вклад в становление и развитие РО МАПП внесли: доктор гуманитарных наук Э.Суодене (автор идеи фестиваля «Балтийский гамаюн»), зам. председателя правления по связям с общественностью Э.Поздняя (ответственный редактор альманаха «Ступени»), секретарь РО МАПП Е.Ахтаева (редактор альманаха «Ступени»), издатели сборников стихов «Ледяной крест», «Ночи без сна» и книги «МАПП. 5 лет в Литве» Е.Шеремет и С.Шеремет, консультанты С.Лавров и А.Тураносова-Абрас, которая также была редактором третьего альманаха «Ступени».

На протяжении этих лет члены МАПП приняли участие в работе международных форумов и фестивалей: литературного форума «Reading Europe» («Читающая Европа», Рига), форума славянской поэзии (Москва); фестивалей «Славянские объятия» (Варна) и «Многоречивая Вилия» (Вильнюс), фестиваля духовной поэзии «Покрова» (Каунас), фестиваля литературы и искусства (Лондон) и др.

Е.Ахтаева и Э.Поздняя стали дипломантами конкурса русской поэзии «Под небом Балтики» (Таллинн), А.Долгушин – лауреатом премии этого конкурса, а А.Тураносова-Абрас – лауреатом фестиваля «Славянские объятия». Э.Ашурбекова за поэму «Белая голубка» получила Гран-при на литературном конкурсе Северо-Кавказского федерального округа. Значительным событием в литературной жизни Литвы стало присуждение престижных литературных наград России (Москва) за участие в Международном конкурсе «Литературная национальная премия «Золотое перо Руси». По итогам этого конкурса Э.Поздняя стала обладателем премии и звания «Серебряное перо Руси» (2016), а Э.Суодене – «Золотым лауреатом» (2017)».

С 2015-го года силами РО МАПП выпускается ежегодное издание – Международный литературно-публицистический альманах «Ступени» (400 стр.). Автор проекта – президент РО МАПП Лев Месенгисер, ответственный редактор альманаха – Эльвира Поздняя; макет, редакция и корректура Евы Ахтаевой. Издание освещает поэзию, художественную прозу, публицистику, переводы, фантастику. В нём принимают участие авторы из многих стран мира. На сегодняшний день альманах «Ступени» является единственным регулярным русскоязычным печатным изданием в Литве. Он запрашивается библиотеками, русскими школами, профессурой Вильнюсского университета Литвы для студентов кафедры русской филологии и любителями современной русской литературы из разных стран.

Остановить бег времени невозможно, и каждый последующий год отделяет нас от дня создания Международной ассоциации писателей и публицистов. Именно поэтому и возникло желание вспомнить знаменательные даты в жизни Ассоциации и тот огромный вклад, который внесли в его создание и развитие первые руководители. Тем более что 2019 год – это юбилейный год для основателя МАПП (80 лет), известного журналиста, писателя и военного историка, основателя и главного редактора нескольких периодических изданий, секретаря Союза писателей России, академика Марата Ахмедовича Каландарова, вся жизнь которого – это известное латинское слово, стоящее после подписи художников: *FECIT* (сделал)!

(По материалам новой книги В.Вахрамеева «Мы не аристократы в литературе»)

Мир без границ

Берега Литвы

Эляна Суодене

Редакция журнала «Берега», его авторы и читатели с огромным удовольствием поздравляют Эляну Суодене с юбилеем! Желаем доброго здоровья, благополучия и творческих свершений. Пусть мир и согласие, любовь и забота всегда живут в Вашем доме! Счастья Вам и дальнейших творческих свершений во благо родной культуры!

Эляна Суодене родилась в 1958 году в Минске в профессорской семье. Отец – профессор физики, мать – профессор биомедицины. Дед по материнской линии – Заслуженный деятель искусств Литвы, прадед по отцовской линии – священник. В 1975 году окончила десятую среднюю школу в городе Каунасе, в настоящее время – Каунасская гимназия имени А. Пушкина. В 1981 году окончила Вильнюсский Университет по специальности «Русский язык и литература».

В 1990 году защитила диссертацию на тему «Анафора в поэзии Марины Цветаевой (стилистический аспект)» в Белорусском государственном университете. Эляна Суодене – доктор гуманитарных наук, автор пятнадцати поэтических сборников. Автор проекта Фестиваль Православной поэзии «Покрова», литературного альманаха «Океанус сарматикус»

В поисках точки опоры

«Мы живём во время компьютеризации, которая, наряду с очевидными достижениями, мощным информационным потоком снижает возможности человечества к адаптации, человечество, в общей своей массе, явно утрачивает способность самостоятельно мыслить, о чём давно предупреждают учёные, а выработанные в течение тысячелетий способы выживания в резко изменившейся ситуации попросту не работают.

Но русский человек не может сохранить душу, если не будет постоянно задавать себе один и тот же вопрос, блестяще сформулированный классиком: «Тварь я дрожащая или право имею?» Ведь с давних времён было заведено, что русский мужик, вместо того, чтобы вставать и идти работать в мечте о благосостоянии своём и своей семьи, просыпаясь, свешивает ноги с кровати, задаётся вопросом: «Зачем я живу?»

Все мы живём в постоянно вибрирующем, изменяющемся, спектрально-волновом поле, все мы – приёмники и датчики, вибрируем сами, зависим от вибрации других, зависим от случайности, от эффекта полёта бабочки («Если бабочка поднимает крылья в Калифорнии, то снег может выпасть в Аляске»), а сегодня неопределённость и неустойчивость особо ощутимы: земля перешла из системы Рыб в систему Водолея по восточным учениям.

Где в этой постоянной магнитно-волновой вибрации, подверженности чужим влияниям найти точки опоры, чтобы сохранить свою душу? Чтобы в этой постоянной борьбе за прожиточный уровень не забыть, что все мы, прежде всего, – духовные существа, что совесть, sąžinė – это категории одного ряда, это способность принять весть, žinija – оттуда, от источника гармонии, добра и красоты, и только в постоянном взаимодействии с голосом своей совести можно сохранить свою душу: «Спасите наши души!».

И только сохранение нравственного чувства в себе даёт надежду на сохранение собственного лица, собственного «я» в любых предлагаемых обстоятельствах. Господь вложил в нас эту необыкновенную матрицу – нравственное чувство – которое мы должны держать неприкосновенным.

Стремление общества к унификации, к обретению одного и того же внешнего инструментария, чтобы быть признанным, а значит включенным в коммуникативный акт, чтобы соответствовать определённому коду, вызвало в лучших умах философов XX века обеспокоенность, и в массовое сознание стали всё активнее внедряться такие понятия, как «толерантность» и «терпимость».

Во весь голос философы заговорили о необходимости формирования в общественном сознании уважения к иному, к инаковости. Ибо, хотя планета действительно оглохла от хороших слов, мир един в своём многообразии.

Человечество переживает глобальный нравственный кризис, люди ищут нравственной опоры, когда общепринятые ценности девальвированы. Смысловый код нашей жизни: Сотрудничество, Сотворчество, Содружество, Сочувствие, Сопереживание, Сострадание, Соборность.

ПАМЯТИ ИВАНА ИЛЬИНА

(1883–1954)

«Неволю нашего рассеяния»
Мы вновь, как тяжкий крест, несём,
России таинство священное
Храним, как святости исток.

Быть русским – дар, обетование,
Призвание и Божья благодать...
Страна наша многострадальная
Прекрасна светом Бытия...

Мы ей духовно присягаем,
И наша жизнь освещена
Её священными дарами
И осмысленьем её тайн.

Сегодня снова современно
Всё то, о чём писал Ильин...
Мы всем грядущим поколениям
Вверяем свет её святых...

В чём русскость русского? Какие
От благодати её ключи?
В духовности её посылы
Открыты к Божеству пути.

Мир без границ

Берега Польши

Болеслав Тейковский

Болеслав Тейковский – Председатель Польского Славянского Комитета со штаб-квартирой в Варшаве, Заместитель Председателя Международного Славянского Комитета со штаб-квартирой в Москве

В Конгресс США

Польский Славянский Комитет – представляющий национальные круги поляков, ведущих деятельность ради союза Славянских народов и государств, обращается к Конгрессу США с предложением рассмотреть целесообразность ротационного и постоянного присутствия американских войск в Польше.

При рассмотрении этой проблемы следует оценить, чьим интересам отвечает ротационное или постоянное присутствие войск США в Польше.

Для нас очевидно, что любое присутствие войск США в Польше не отвечает интересам Польского народа и государства. Польша с Войском Польским не нуждается в дополнительной иностранной армии для своей защиты, ибо она не испытывает военных угроз. Ссылка на военную угрозу со стороны России – это ложь. Россия – ответственная демократическая мировая держава, действующая в рамках ООН, создающая концепцию многополярного мира суверенных национальных государств, способных к самостоятельному мирному сотрудничеству. Власти США прекрасно знают, что Россия не угрожает Польше с военной или любой другой точки зрения. Пропагандистский миф об угрозе Польше со стороны России является недобросовестным методом убеждения поляков в якобы необходимом присутствии войск США в Польше для ее безопасности и обороны.

Несмотря на мощную пропаганду русской угрозы, присутствие войск США на Польской Земле воспринимается поляками не как защита Польши, а как зависимость и угроза Польше, как ограничение суверенитета Польши, как изоляция Польши от Славянских государств, как противопоставление Польши России и невозможность заключить выгодный польско-российский союз, как навязывание Польше невыгодной концепции готовности к польско-американской вооруженной акции против России.

Присутствие войск США на Польской Земле:

– ухудшает имидж Польши в мире как несuverенного государства-сателлита, подчиненного США, что затрудняет сотрудничество Польши со многими государствами,

– ухудшает российско-американские отношения, которые из добровольных и безопасными превращаются в принудительные и враждебные,

– ухудшается отношение Поляков к США, которые воспринимают Польшу не как достойное уважения суверенное государство, а как подчиненный инструмент американской военной политики.

Для нас также совершенно очевидно, что любое присутствие войск США в Польше не отвечает также и интересам США.

Увеличение и без того значительного в мире количества американских военных баз на очередную базу в Польше вредит имиджу США, которые воспринимаются как государство, стремящееся к военному мировому господству, угрожающему мирному существованию.

Присутствие американских войск в Польше у российской границы угрожает России и усиливает конфликт США с Россией. Затрудняет и ухудшает российско-американские отношения, имеющие существенное влияние на международную ситуацию. США ради собственных интересов и с чувством общей ответственности за судьбы Мира должны отказаться от военного присутствия в Польше и стремиться к как можно лучшим отношениям с Россией, определяющим мировую безопасность.

Конгресс США, рассматривая целесообразность присутствия войск США в Польше, следует учитывать тот очевидный факт, что польская власть, недостойно добиваясь этого вредного американского военного присутствия в Польше, втягивает США в неблагоприятный для всего мира конфликт с Россией.

Конгресс США в рассмотрении этой важной проблемы должен учитывать огромный патриотизм и честь поляков, которые никогда не примут в Польше иностранную армию, посягающую на свободу и суверенитет Родины.

Во имя интересов Польши и США, во имя интересов Европы и Мира, во имя мирного международного сотрудничества мы призываем Конгресс США отказаться от ротационного и постоянного присутствия американских войск и других войск НАТО в Польше!

Варшава, 28 сентября 2018 года

Мир без границ

Берега Республики Беларусь

Светлана Быкова

Быкова Светлана Анатольевна. Родилась в 1962 году и проживает в городе Заславле Минской области. Имеет высшее экономическое образование. Писать стала в зрелом возрасте, пишет на русском и белорусском языках. Автор тринадцати авторских изданий, в том числе девяти поэтических сборников и четырёх книжек стихов и сказок для детей и взрослых. Соавтор 15-ти коллективных литературных сборников.

Член Союза писателей Беларуси, в настоящее время – председатель Минского областного отделения ОО «Союз писателей Беларуси».

Лауреат Республиканского литературного конкурса «Лучшее произведение 2013 года» (2014 год) и литературной премии Минского облисполкома в номинации «Поэзия» (2015 год). В 2016 году награждена медалью ОО «Союз писателей Беларуси» («За вялікі ўклад у літаратуру») («За большой вклад в литературу»).

ПРЕДНАЧЕРТАНИЕ

Поэта душу кто постиг?
В ней столько горя, столько боли!
С вопросом горестным «Доколе?!»
Поэт срывается на крик.
Молчать не может он – не вправе.
И, коль поэт он настоящий,
Ни пуля и ни меч разящий
Молчать поэта не заставят.
Мир нетерпим, жесток к поэту...
Но щит поэта – это Лира,
А Слово острое – рапира,
И строчки меткие – дуплеты.
Поэта путь: босым – по углям,
Где каждый шаг – в страданиях, с болью.
Предначертанье горней Воли –
Тяжёлый крест, стихов хоругви.

РОЖДЕНИЕ СЛОВА

Мысль родилась и взмыла, как стрела,
Взлетела ввысь – свободно Мыслей племя!
К мирам далёким унеслась стремглав,
Опережая скорость света, время.
По коридору Млечного Пути
Она летела, набирая силу.
Кричали звёзды ей вослед: «Свети!»

И Мысль во тьме, как и они, светилась.
Познав ментальный, утончённый мир,
Она постичь решила форм основы:
Покинув тонкий радужный эфир,
В стихах Поэта превратилась в Слово.

РОЖДЕНИЕ ПОЭТА

На перекрёстке сумрачных миров,
Где даже камни гласу Истин внемлют,
Из звёздной пыли и обрывков снов
Поэт родился, чтоб прийти на Землю.

Пройдя через горнило чёрных дыр
И плазменный огонь звезды сверхновой,
Он устремился в самый плотный мир,
Неся в себе Божественное Слово.

...Земля. Ночного города квартал.
Метнулся с неба яркий лучик света
И у забора на асфальт упал...
Но только ветер в нём признал Поэта.

Из места, где упал он, исходил
Мерцавший свет Возвышенного Слова,
Но город-Молох жадно поглотил
И Слово, и поэта неземного...

ОБРЕТЕНИЕ СВОБОДЫ

Нежнее шёлка лёгкий бриз
Души коснулся, и, взлетая,
Неуловимых мыслей стая
В пространстве начала круиз.

Вдруг все и сразу – до одной,
Исчезли прутья клетки душной,
И, ощутив поток воздушный,
Раскрылись крылья за спиной.

Вдох – и наполнил сердце, грудь
Пьянящий аромат свободы,
И естество моей природы
Мне приказало: «Просто Будь!»

Благословенная минута –
Свободу крылья обрели.
...Вдали, на краешке Земли,
Моих цепей ржавеет гряда.

КЛЕТКА

Решётка клетки... А за ней,
В плену однообразных дней
Создатель клетки. Он – больной,
Продрогший, сломленный судьбой.
Темнеет. Двери – на замке,
Ключ от замка – в его руке.
Причина цепи неудач –
Затворник с детства глух, незряч.
Он сам себе и царь и раб.
Чтоб быть царём – он слеп и слаб,
Мир клетки же – привычен, мил,
И быть рабом хватает сил.
Страдальцу вовсе невдомёк,
Что нужно вставить ключ в замок,
Решить: рабом быть или не быть –
В себе себя освободить.

МЕДИТАЦИЯ

Я позволяю быть себе немного странной,
Забыть о том, что был вчерашний день:
Сердечные залечиваю раны,
Уйдя в себя – в живительную сень
Тончайших чувств. Они, как паутинки,
Сплелись в ажурный, радужный узор.
Обидных слов там исчезают льдинки,
И улетает вздорных мыслей сор.
Там только лёгкость, чистота и счастье,
Гармония и внутренний покой,
И кони серебристо-белой масти
Несут меня над жизненной рекой...

ПРИТЯЖЕНИЕ

Облаков собралась стая
Там, откуда встаёт рассвет.
Неба синь в темноте тает,
Обнажив россыпь звезд-монет.
Жадно ночь горизонт лижет –
Исчезает заката нимб.
Небеса всё темней, ближе...
Или я приближаюсь к ним?
Притягательна их сила –
Нет меня – я уже не здесь:
В полумраке ночном взмыла
В небо радужных капель взвесь...

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ОЗЕРЕ

Яркой плотью покрылся земли остов,
В небесах – разноцветье из радуг-дужек,
А под сенью деревьев, травы, кустов
Славит жизнь птичий хор и оркестр лягушек.
Тихо плещет волна и шумит камыш –
Нет причин, чтоб сегодня родился Каин.
Ты с распахнутой настезь душой стоишь...
В этом мире ты гость. Кто сказал: хозяин?

КРИК МУРАВЬЯ

В минуты раздумий, в часы размышлений
Иду на природу и жду озарений.
Шуршит под ногами сухая трава,
Без суетных мыслей легка голова.
Ступаю чуть слышно... и слышу вдруг я
Крик боли раздавленного муравья.
Не прост человеческий жизненный путь:
Других не обидев, попробуй шагнуть...

РИСУЕТ ОСЕНЬ...

Рисует осень яркой акварелью,
В мазках умелых – краски октября.
Набухло небо дождевой пастелью,
Деревьев кроны пламенем горят.
То солнце заблестит в разрыве тучи,
Рубины разбросает и янтарь,
То дождь затаяет свой псалом тягучий,
Закрыв на время праздничный тропарь.
Неповторимы осени картины,
В них чувствуется Мастера рука.
В них нет деталей лишних, нет рутины –
Проявлен Высший Гений на века.

Мир без границ

Берега Республики Беларусь

Мария Розумко

Родилась в 1958 году в Беларуси. Образование получила технологическое. Литературой и живописью увлекалась с детства. Поэзией начала заниматься в зрелом возрасте, хотя пробы пера были в ранней юности. Публикации в периодических изданиях, альманахах, журналах.

БЕГ ВРЕМЕНИ

Течёт в ручьях хрустальная водица,
И время невозвратно так течёт.
И снова перевёрнута страница –
Уходит в вечность нашей жизни ход.
А мы живём, не думая об этом,
Нам кажется, что мы всегда в пути.
И, если не сложилось быть поэтом,
Спешу в дороги новые уйти.
Нам не хватает денег, славы, мира –
Спешим мы вслед за призрачной мечтой.
Не сотвори в душе себе кумира,
И оставайся ты всегда собой.
И мы бежим вот в этой круговерти,
И забываем истину одну:
Что каждый человек на свете смертен –
Не изменить ту данность никому.
Давайте же любить Земли вращенье –
Её Господь для всех нас сотворил –
Ценить и мир, и каждое мгновенье,
Что нам судьбой Всевышний отпустил.

БЕССОННИЦА

Бессонница в окно моё стучится
Крылатой птицею из вещей снов,
Мечтает в изголовье примоститься,
Предчувствуя фантазии улов.
И мысли пронесутся чередою
По лабиринтам памяти моей,
Из терпкого полынного настоя,
И множества извилистых путей.
Как невидимка, ночью управляет,
Вздремнёшь – тихонько тронет за рукав,
И надо мною вновь она летает,
Лишь нарушая тишину октав.
Но вот уже тихонечко светает,
И растворяется она в ночи,
И снова птицей в небо улетает,
Оставив бодрости с утра ключи.

ВЕКОВЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Вековые деревья на крутом берегу,
Их остались следы на вчерашнем снегу.
Сколько вёсен и зим повидали они,
Подарили им мудрость ушедшие дни.
Как же много событий оставило след
На шершавой коре, в кольцах прожитых лет,
И зигзагом судьбы на стволе под корой
Путь отмечен деревьев с судьбой непростой.
Обнимали их вьюги, метели, жара,
Сотрясали их грозы, шальные ветра.
И трепали их ветви, срывали листья,
Но в тумане цветные им виделись сны.
В тихом шелесте листьев, в ночном ветерке
И летящей сквозь время далёкой звезде...
Отражаются кроны в зеркальной воде,
Машут ветви текущей навстречу реке.
Вековые деревья как символ Земли –
К солнцу, свету тянулись, мужали, росли...

ОДУВАНЧИКИ

Как ясен майский день в лазурной синеве,
Маленькие солнышки светятся в траве,
Вместе с яркой зеленью нежного ковра
Шляпки одуванчиков радуют с утра.
Сколько солнца, свежести дарят они нам,
Словно улыбаются миру и цветам.
Ночью звёздной, ясно спрячутся они,
Их украсят серые лёгкие шары.
Сменяют одуванчики жёлтый свой наряд,
С солнышком играючи, в небо улетят.
Зёрнышки воздушные ветер унесёт –
Вдалеке от дома он пристань им найдёт.
И весной чудесною, майскою порой,
Вновь украсят солнышки берег за рекой.

ТЫ СЕБЕ ПРИДУМАЛА ЛЮБОВЬ

Ты себе придумала любовь
Ты её себе нарисовала –
Из воздушных необычных снов
В сердце нежный ты узор соткала.
Ты вдохнула радуги цвета
И сиянье томного заката.
И цветёт в твоей душе весна –
Возрождением, теплотой объята.
Ты придумала весь этот мир,
Из фантазий, грёз своих и мыслей.
Словно где-то сказочный факир,
Ты зажгла огонь из мелкой искры.
Ты себе придумала любовь
И в неё вдохнула пламя страсти,
Чтобы заблуждаться вновь и вновь,
Оказавшись снова в чьей-то власти.
И пускай живёт в тебе мечта,
А душа стремится вслед за светом.
А любовь? – Жива в тебе, чиста! –
Твоё сердце говорит об этом.

ТАНЕЦ

Старинный зал сиянием струится,
И в танце мы вдвоём с тобой скользим,
Рука в руке, и рядом наши лица,
И музыки мотив неповторим.
Ох, так волнуется сердце,

И кружим в вальсе мы, словно парим.
Забыв на время обо всём на свете,
На крыльях мы своей любви летим.
Глаза в глаза, и лёгкая улыбка,
И шёлк струится мягкий по рукам,
И музыки чарующая скрипка
Играет, проникая в сердце нам.

ФОНТАН

Фонтана брызги мелкие летят,
Нас крошкой прохладной обсыпают,
А за фонтаном оперный театр
На новую премьеру приглашает.
Стремятся струи вверх под облака,
Всё выше, выше, к солнцу улетаю,
Волшебника незримая рука
Поток воды в пространство направляет.
Но снова ниспадают они вниз,
И замирают на одно мгновение,
И дарят неожиданный сюрприз,
Вновь улетаю, вызвав восхищенье.
Летят, клубятся в солнечных лучах,
Молочной белизною отражаясь,
Достигнув высоты своей в верхах,
Воздушной пеной в землю уплывают.
Шумит фонтан мелодией дождя,
Аккордами высокими пленяя,
Прохладу в знойный день для всех даря,
Фонтан окрестность эту украшает.

Критика

Григорий Блехман

Григорий Блехман – поэт, прозаик, публицист, литературовед, лауреат международной и всероссийских литературных премий, секретарь Союза писателей России. Родился 11 августа 1945 года на Кубани в казачьей станице Бесскорбная. Доктор биологических наук, профессор.

Автор пяти сборников – стихотворений, прозы и очерков, вышедших в издательстве «Российский писатель». Лауреат Всероссийской литературной премии им. Н.Гумилёва и премии МГО СПР «Лучшая книга 2012–2014» в номинации «эссе» за книгу «Когда строку диктует чувство»

«У нас у каждого свой крест». О поэзии Валентины Ерофеевой-Тверской

Порой, обращаешь внимание на то, что, казалось бы, простая, много раз слышанная фраза, может стать для поэта тем «центром кристаллизации», вокруг которого родится стихотворение.

Так случилось и у Валентины Ерофеевой-Тверской с фразой, которой озаглавил этот очерк:

Мятежны мысли и мечты –	Я если улыбнусь спросонок,
Пугают душу и тревожат.	То – веря в благодать небес.
И если день неверно прожит,	Всему земной отмерен срок.
То сердце начинает стыть.	Я чутким сердцем понимаю,
У нас у каждого свой крест,	Живу, пишу и точно знаю:
И колокол церковный звонок.	Есть Божьи знаки в силе строк.

Вот так просто получилось у поэта сказать и о том, что «*В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог*», и о том, о чём у знаменитого поэта:

...Если он недаром прожит,
Тыловой ли, фронтовой –
День мой вечности дороже,
Бесконечности любой...

И, конечно, о том, что, если не лукавишь, не имитируешь, а пишешь искренне, «как дышишь...», не стараясь угодить», непременно напишешь что-то важное людям, но присущее лишь стилю твоего письма.

К этому, незаметно для нас самих, ведёт и твоя биография, которая формирует в тебе личность, а значит, и внутренний способ жить:

Росла не баловнем судьбы –	Не выгод и путей прямых,
Почти из нищих.	А просто – дела.
Я не из тех, кому везёт, –	Мне в жизни важно, чтоб душа
Из тех, кто ищет	Не зачерствела.

И в этих «не смятых в строке» словах, есть та ёмкая простота, которая, по определению выдающегося поэта Серебряного века, названа «высшей степенью словотворчества».

А если ты из тех, кому «в жизни важно, чтоб душа не зачерствела», непременно ощутишь то, что всегда желанно каждому из нас, и о чём так нетривиально, образно и верно сказала Валентина Ерофеева-Тверская:

Как часто счастье окликает нас?	Оно везде: в мечте и лопухах,
Оно неуловимо, словно выдох.	Младенца плаче и уюте комнат,
Кому – молитвы, а кому – Парнас,	В сиюминутных мыслях и делах,
Кому-то счастьем день обычный виден.	И там, где сон непоправимо скомкан.

Оно приходит тихо, не спеша,
Без суеты и спешки ощущая,

Чья на призыв откликнется душа, –
И ничего притом не обещаая...

Конечно, такое можно написать, если у поэта не только серьёзный жизненный опыт и многие раздумья, но и дар ощутить насколько *«оно неуловимо, словно выдох»* и насколько многогранно, как неосязаемая субстанция.

Давно обратил внимание, что для поэзии Валентины Ерофеевой-Тверской характерно то вслушивание, вглядывание, саморастворение в потоке людских забот, который, на первый взгляд, выглядит неким «броуновским движением», однако имеет определённое упорядоченное направление. Но его суть, видимо, ощутима лишь Художником:

Скупая заповедь вокзалов:
Прощанья, встречи, поезда...
Чужие лица в скучных залах.
Здесь ждут отъезда – кто куда.
А для меня вокзал – как праздник
И обещанье новых встреч,

Как жажда впечатлений разных,
Что на «потом» могу сберечь.
Возврата тяга в город милый –
Он ждёт меня на Иртыше.
Вновь стук колёс неутомимый –
Вокзал...

... И я в пути уже.

Это *«обещанье новых встреч»* влечёт поэта не только как путешествие в пространстве внешнем, но и в духовном, которое нередко ведёт к новым открытиям, когда меняешь средства выражения того, что накапливается в душе:

Поменяла перо на кисти.
Как волхвуется над холстом!
Вперемежку реальность с мистикой...
Я сейчас позабыла о том,
Что пора приготовить ужин,
Что уют навести пора...
Вдохновения свет разбужен.
Вдруг от кисти, как от пера,

Вырастают густые травы,
Отражает вода закат,
Лодка дремлет у переправы,
Тихой песней журчит река.
Растворителем пахнет, краской,
И устало дрожит рука.
Вдохновение, ты – прекрасно...
... с чем рифмуются облака?

Вот это действие *«волхвовать»* – чародействовать, воспарив, над холстом, когда женщина забывает о том *«что пора приготовить ужин, что уют навести пора»*, потому что в это время приходит к ней *«вперемежку реальность с мистикой»*, видимо, является потребностью поэта Валентины Ерофеевой-Тверской, чтобы вновь вернуться к слову, освежив своё мировосприятие. Может быть, освежив до той степени, какая всегда бывает в самую счастливую пору большинства из нас – в детстве:

Незабвенное детство –
Мир желаний и грёз.
Мне достались в наследство
Стылость русских берёз,
Гонор зимнего ветра,
Шаловливость проказ,
Косы русого цвета,
Серость дедовых глаз.

Пусть лукавинка дремлет
В уголках моих губ.
Я пророчеством древним
Согреться могу –
В нём я черпаю силы
Для любви и добра...
Из загадок России
И меня не убрать.

О загадочной русской душе говорят и пишут столетиями лучшие умы – философы профессиональные и непрофессиональные – прозаики, поэты, драматурги... Но какие бы умозаключения они ни делали, загадка и по сей день не разгадана. Может, она тоже является одним из чудес света. И её можно лишь чувствовать в себе и в другом, но понять природу невозможно. И когда поэт говорит просто: *«Из загадок России / И меня не убрать»*, в этой простоте звучит мудрость.

А загадочность русской души состоит ещё и в её способности не сгибаться, как бы ни было трудно и как бы со стороны ни казалось, что всё потеряно. Ведь в истории Руси так казалось нередко, но всякий раз наступало возрождение. Может, и оттого, о чём у поэта сказано в знаковом стихотворении «Родина»:

Есть в слабости твоей
двойная сила.
Ты и сейчас себе
врачуешь раны.

Но верим мы,
что поздно или рано
Во всей красе
расправится Россия.

Я не одна
у Господа просила
Не золота
не почести и славы,
А чтобы все
преодолели слабость,
Не рвали бы
на лоскуты Россию.

Зарубкой в памяти
год девяносто третий,
Вчера – Чечня,
позавчера – Афган...
И страшно, что
в излечиваньи ран
Сильней России
нет на белом свете.

Ну и, конечно, такого поэта, как Валентина Ерофеева-Тверская, невозможно себе представить без мотива о том, что всегда было, есть и будет на земле, и что является главным, чем живёт человек, – стихов о любви.

Вот и в одной из книг Валентины «*Душа исповедальная*» есть целый прекрасный цикл под названием: «Мелодия сердца»:

Наши чувства сродни
пробужденым весенним –
Мы их поровну делим
с тобою вдвоём.
Воедино сливаются
грусть и веселье.
Я во всём ощущаю
дыханье твоё.
Ввысь глаза поднимаю –
и радуюсь небу.
Что роднит и роднило
тебя и меня.

С перелётными птицами
быть наравне бы,
Чтоб легко мы могли
расстоянье менять!
Чтоб руками коснуться
лица дорогого...
Нужно многое выстрадать,
много понять,
Не занять и не выкупить
счастья чужого –
Нужно данное Богом
с любовью принять.

Думаю, каждому из нас, кому выпало то, о чём с определённого возраста мечтают все – полюбить и быть любимым, очень знакомы эти «*чувства сродни пробужденым весенним*», и как «*воедино сливаются грусть и веселье*», и конечно, главное: «*нужно данное Богом с любовью принять*».

А уж если это данное Богом находит продолженье тебя в другом, да ещё через поколение, степень восторга, благодарности, вопросов, вполне естественной тревоги в современном мире и конечно, надежд на лучшее, очень высока.

Всё это отразилось и в стихотворении, посвящённом внуку Ванечке Ерофееву:

Уютно обвивают руки
Сопящий кокон дорогой.
Легко младенца убаюкать
Ещё легко!
Но, Боже мой,
Всё впереди ещё туманно...
Душа моя вперёд спешит:
Какие страсти ждут Ивана,

Каким и где он будет жить?
С кем и какие отраженья
Он будет в зеркалах ловить,
Какие принимать решения,
Как ненавидеть, как любить?
Какие дали помаячат,
Какие кликнут города...
Всё впереди, уснувший мальчик –
Моя сверхновая звезда.

Такое стихотворение вряд ли требует комментариев.

Поэтому в завершение разговора могу лишь добавить: когда читаю стихи Валентины Ерофеевой-Тверской, вначале появляется ощущение, что всё ясно. Но через какое-то время чувствую, что тянет перечитать то одно, то другое стихотворение. И перечитывая, обращаю внимание, что открываю новые грани, какие не сумел ощутить при первом чтении.

В этом, видимо, и есть та магия поэзии, о тайне восприятия которой и тяги к ней Давид Самойлов сказал: «*Люблю обычные слова, /Как неизведанные страны...*».

Наверное, поэтому *обычные слова*, расположенные Валентиной Ерофеевой-Тверской в какой-то – лишь ей одной присущей последовательности, вызывают потребность не только читать, но и перечитывать полюбившиеся строки из философской и гражданской лирики, из лирики природы и любви...

И этот дарованный ей природой поэтический «*крест*» несёт прекрасный русский поэт достойно, с любовью к читателю и «*веря в благодать небес*».

Критика

Людмила Яцкевич

Яцкевич (Калачёва) Людмила Григорьевна – доктор филологических наук, профессор. Родилась в Череповце в 1944 году. Училась в Череповецком педагогическом институте, аспирантуре и докторантуре Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена. Работала в Гомельском университете в Белоруссии, затем в Вологодском педагогическом университете. Автор 160 публикаций по языкознанию и вологодскому краеведению, в том числе девяти книг («Структура поэтического текста», «Поэтическое слово Николая Клюева», «На золотом пороге немеркнущих времён: Имена собственные в поэзии Н.А. Клюева», «Слово о родной деревне» и другие). Подготовила словарь «Народное слово в произведениях В.И. Белова» (2004). Участвовала также в составлении «Словаря вологодских говоров», школьных словарей «Вологодское словечко» и «Золотые россыпи», «Поэтического словаря Николая Клюева». Её книга «Очерки

морфологии вологодских говоров» (2013 год) на областном конкурсе «Книга года» признана лучшим научным изданием. Автор сборника рассказов «Вологодская нива», на которую В.И. Белов откликнулся рецензией «Книга с вологодским характером» (Газета «Красный север» 2005, сентябрь)

Образы и символы соборности в творчестве вологодских писателей

ЧАСТЬ 2.

Начало. Продолжение в следующем номере

Настоящее искусство является той силой, которая восстанавливает утраченное родство между людьми. Соборность как идея духовного родства нашла своё выражение во многих художественных символах. О некоторых из них мы рассказали, рассматривая произведения вологодских писателей и поэтов (см. «Берега» № 4 -2018). Продолжим этот рассказ далее.

Дерево

Дерево с древних времен символизирует соборные основы мироздания, живое единство мира. Именно в этом смысле употребляют выражение **древо жизни**, известное в различных религиях, а в христианской культуре имеющее библейскую традицию.

Этот символ широко использовался Н.А. Клюевым в нескольких смысловых вариантах. В широком значении слово **дерево** как ось мироздания, связующая всё земное и небесное, он употребляет в произведениях мистического содержания. В них поэт раскрывает мистический смысл соборности – живого единства в Боге мёртвых и живых. Это соответствует и православному пониманию жизни и смерти: «У Бога все живы». В данном символическом значении слово дерево встречается в следующих произведениях:

(1) в «Белой повести», посвящённой умершей матери поэта [4: 148]:

*В избу Бледный Конь прискакал,
И свежестью горной вершины
Пахнуло от гривы на печь, –
И печка в чертог обратилась:
Печурки – пролёты столпов,
А устье – врата огневые,
Конь лавку копытом задел,*

*И дерево стало дорогой,
Путём меж алмазных полей,
Трубящих и теплящих очи,
И каждое око – есть мир,
Сплав жизней и душ отошедших.
«Изыди», – воззвали Миры,
И вышло Оно на дорогу...*

*В миры меня кличет Оно
Нагорным пустынным сияньем,
Свежительной гривой дожди*

*С сыновних ресниц отряхает.
И слёзные ливни, как сеть,
Я в памяти глубь погружаю. < ... >*

(2) в стихотворении «Небесный вратарь», написанном Н.А. Клюевым во время Первой мировой войны [4: 220]:

*Откуль-неоткуль добрый конь бежит,
На коне-седле удалец сидит,
На нём жар-булат, шапка-золото,
С уст текут мёды – речи братские:
«Ты признай меня, молодой солдат,
Я дозор несу у небесных врат,
Меня ангелы славят Митрием,
Преподобный лик – Свет-Солунским.
Объезжаю я Матерь-Руссию,*

*Как цветы вяжу души воинов...
Уж ты стань, солдат, быстрой векшею,
Лазь на тучу-ель к солнцу красному.
А оттуль тебе мостовичина
Ко маврийскому дубу-дереву,-
Там столы стоят неугодные,
Толокно в меду, блинник масляный;
Стежки торные поразмётены,
Сукна красные поразостланы». < ... >*

В «Избяных песнях», посвящённых недавно умершей матери поэта, **дерево жизни** символизирует земной крестьянский мир, и этот образ противопоставлен **смерти**, как разрушительному началу [4: 221]:

*«Умерла мама» – два шелестных слова.
Умер подошник с чумазым горшком,
Плачется кот и понура корова,
Смерть постигая звериным умом.*

*Знает лишь маковка ветхой церквушки, –
В ней поселилась хозяйки душа...
Данью поминною – рябка в клетушке
Прочит яичко, соломой шуриша.*

*Кто она? Колокол в сумерках пегих,
Дух живодёрни, ведун-коновал,
Иль на грохочущих пенных телегах
К берегу жизни примчавшийся шквал?*

*В пёстрой укладке повойник и бусы
Свадьбою грезят: «Годов пятьдесят
Бог насчитал, как жених черноусый
Выменял нас – молодухе в наряд».*

***Время, как шашель, в углу и за печкой,
Дерево жизни буравит, сосёт...***

Однако поэт духом преодолевает трагедию утраты и в конце стихотворения говорит снова о живом единстве мира [4: 221]:

*В звёзды конёк и в потёмки крылечко
Смотрят и шепчут: «Вернётся... придёт...»
Плачет каплями вечер соловый;
Крот в подземелье и дятел в дупле...
С рябкиной дрёмаю, ангел пуховый*

*Сядет за прялку в кауровой мгле.
«Мама в раю, – запоёт веретёнце, –
Нянюшкой светлой младенцу Христу...»
Как бы в стихи, золотые, как солнце,
Впрямь волхвованье и песенку ту?*

Таким образом, в этом стихотворении поэт воспевает православную соборность крестьянской семьи.

В послереволюционную эпоху в стихотворении Н.А. Клюева «Мы – ржаные, толоконные ...» символ **дерево жизни** указывает на живое соборное единство крестьянского мира и природы. Ему поэт противопоставляет мёртвую техническую цивилизацию, которая разрушает этот живой мир [4: 178]:

*Мы – ржаные, толоконные,
Пестрядинные, запечные,
Вы – чугунные, бетонные,
Электрические, млечные.*

*Ваши песни – стоны молота,
В них созвучья – шлак и олово;
Жизни дерево надколото,
Не плоды на нём, а головы.*

*Мы – огонь, вода и пажити,
Озимь, солнца пеклеванные,
Вы же таин не расскажете
Про сады благоуханные.*

*У подножья кости бранные,
Череп с кромешным хохотом;
Где же крылья ураганные,
Поединок с мечным грохотом?*

Образ дерева в поэзии многозначен. Кроме рассмотренных выше символических значений, укажем ещё на одну поэтическую функцию этого образа. Издавна **дерево** символически представляло кровную общность народа, его родовое единство. Всем известно выражение **родовое древо**. В данном контексте символизируются и названия частей дерева: **ветви, ствол, листья, крона** и др. В вологодской поэзии **дерево** как символ кровного родства всегда включает в своё содержание и значение духовного единства, которое в поэтическом тексте становится смысловой доминантой, как, например, в стихотворении Сергея Васильевича Викулова [2]:

<i>Оглядываюсь с гордостью назад: Прекрасно родовое древо наше! Кто прадед мой? – Солдат и землепашец. Кто дед мой? – Землепашец и солдат. Солдат и землепашец мой отец. И сам я был солдатом, наконец.</i>	<i><...> Ничем себя возвысить не хочу. Я только ветвь на дереве можем. Шумит оно, когда клубятся тучи, - И я шумлю... Молчит – и я молчу.</i>
--	--

В этом же смысловом ключе используются слова **ствол** и **ветки** (мать и дети) у Ольги Александровны Фокиной [10]:

<i>Ну, вот и все повыращены дети, Все пять сынов – при деле. Дожила. У всех пяти в военном документе «Мать» – вычеркнуто. Вписано – «жена». Освободили, значит, ствол от веток. Теперь, не приведи Бог, воевать, То защищать сынам – жену и деток, Жену и деток, значит, – а не мать. А на кого ж сыны её покинут? Тридцатый год в земле её солдат ...</i>	<i>Да за неё все пять по сердцу вынут, Не спрашивая почестей-наград. И что, ну что им эти циркуляры, О коих и не ведаёт она? Одной семьёй сидят за самоваром, Чайк, налитый ею, пьют до дна. И нет конца сердечным разговорам, Одна на всех, печётся о любом... Она для них – бессменная опора, Пример добра, невыстуженный дом. <...></i>
---	---

В стихотворении Юрия Максина «Еленин клён» дерево, посаженное в честь рождения дочери, символизирует всеобщее единство людей и природы [6]:

<i>Я посадил Еленин клён в честь дочери моей. Не распадётся связь племён – Дереьев и детей. Часть моего тепла вошла в земной круговорот. И песню, что светлым-светла, душа моя поёт.</i>	<i>Идёт земная черед Рождений и смертей ... Ко мне нагрянула беда в один из светлых дней. Вернувшись с дальних похорон, на дочь свою гляжу. Там, где растёт Еленин клён, калину присажу.</i>
---	--

Таким образом, символ дерева выражает самые разные стороны и уровни содержания соборности как национальной идеи русского народа.

Дорога

Поэтический символ **дорога** многозначен в славянской культуре [11: 102–126; 3: 2]. Значение этого слова обладает пространственно-временным синкретизмом [3: 3]. Однако семантический синкретизм этого слова имеет более широкое смысловое поле: в него включаются и люди, поколения людей, проложивших дорогу, путешествующих по ней и даже живущих около неё. Эта сторона содержания данного слова удивительно ярко показана в рассказе В.И. Белова «За тремя волоками»: «Никогда не забыть эту **дорогу** тому, кто узнал её не понаслышке. Она так далека, что, если не знаешь песен, лучше не ходи, не ездь по ней, не поливай потом эти шестьдесят километров. Она и так до подошвы пропиталась, пропиталась задолго до нас потом, и слезами, и мочой лошадей, баб, мужиков и подростков, веками страдавших в этих лесах. Люди сделали её как могли, пробиваясь к чему-то лучшему. **Вся жизнь и вся смерть у этого топкого бесконечного просёлка, названного большой дорогой. К большой дороге от века жмутся и льнут крохотные бесчисленные деревеньки, к ней терпеливо тянутся одноколейные просёлочки и узкие тропки. О большой дороге**

сложены частушки и пословицы. Всё в ней и всё с ней. Никто не помнит, когда она началась: может быть, ещё тогда, когда крестьяне-черносошники рубили и жгли подсеки, отбиваясь от комаров и медведей, обживая синие таёжные дали» [1: 10–11]. Перед нами писатель развернул художественный образ дороги как символа соборности.

Дорога объединяет людей. Она подобна нашей жизни: как и наш земной путь, дорога пролегает среди родных просторов и проходит сквозь историческое время нашего Отечества, объединяя с другими поколениями – предыдущими и последующими. Это пронзительное объединяющее чувство общей дороги лирически выразил в своём стихотворении «Старая дорога» Н.М. Рубцов [8: 120–121]:

*Как царь любил богатые чертоги,
Так полюбил я древние дороги
И голубые
вечности глаза!
<...>
Здесь каждый славен –
мёртвый и живой!
И оттого, в любви своей не каюсь,*

*Душа, как лист, звенит, перекликаясь
Со всей звенящей солнечной листвой,
Перекликаясь с теми, кто прошёл,
Перекликаясь с теми, кто проходит ...
Здесь русский дух в веках произошёл,
И ничего на ней не происходит.
Но этот дух пройдёт через века!
<...>*

Как и любой другой символ, *дорога* может выражать противоположные смыслы: в поэтическом тексте она может символизировать как чужое пространство и одиночество, так и своё, родное пространство и соборность. В творчестве Н.М. Рубцова слово «дорога» в разных стихотворениях имеет эти противоположные значения в соответствии с различным лирическим сюжетом.

Мистический смысл дороги, как символа соборного начала и общей судьбы крестьянского мира, появляется в поэме Н.А. Клюева «Белая Индия» [4: 311]

*На дне всех миров, океанов и гор
Цветёт, как душа, адамантовый бор, –
Дорога к нему с Соловков на Тибет,
Чрез сердце избы, где кончается свет,
Где бабкина пряжа – пришельцу веха:
Нырни в веретенце, и нитка-леха
Тебя поведёт в Золотую Орду,
Где Ангелы варят из радуг еду, –
То вещей раздумий и слов пастухи,
Они за таганом слагают стихи,*

*И путнику в уши, как в овчий загон,
Сгоняют отары – волхвующий звон.
Но мимо тропы, до кудельной спицы,
Где в край «Невозвратное» скачут гонцы,
Чтоб юность догнать, душегубную бровь...
Нам к бору незримому посох – любовь,
Да смертная свечка, что пахарь в перстах
Держал пред кончиной, – в ней сладостный страх
Низринуться в смоль, в адамантовый гул... <...>*

Белая Индия 1916

В войну дорога становится местом общих народных бедствий и символом единства соотечественников в горе. Во время Первой мировой войны Н.А. Клюев написал стихотворение «Слёзный плат», поэтически очень близкое к фольклорному жанру плача. Центральными образами этого произведения являются *слёзный плат солдатской матери* – символ народного горя – и *дорога*, на которой беда одного человека становится общей бедой, и её никому нельзя «почесть за прибыль» [4: 293]:

*Не пава перо обронила,
Обронила мать солдатская платочек,
При дороженьке слёзный утеряла.
А и дождиком плата не мочит,
Подкопытным песком не заносит...
Шёл дорогой удалый разбойник,*

*На платок, как на золото, польстился –
За корысть головой заплатился.
Проезжал посиделец гостинный,
Потеряшку почёл за прибыль –
Получил перекупный убыток... <>*

Во второй части этого стихотворения образ дороги становится символом единства народа в своей духовной судьбе:

*Пробирался в пустыню калика,
С неугасною свеченькой в шуйце,
На устах с тропарём переходим;
На платок он умильно воззрился,
Величал его честной слезницей:*

*«Ай же плат, много в устье морское
Льётся речек, да счет их известен,
На тебе ж, словно рос на покосе,
Не исчислить болезных слезинок!
Я возьму тебя в красную келью*

*Пеленою под Гуриев образ,
Буду Гурию-Свету молиться
О солдате в побоище смертном,
Чтобы вражья поганая сабля
При замашке закал потеряла,*

*Пушки-вороны песенной думы
Не вспугнули бы граем железным,
Чтоб полесная яблоня-песня,
Чьи цветы плащаницы духмяней,
На Руси, как вежа, зеленела
И казала бы к раю дорогу!»*

Интересно отметить, что известное стихотворение Константина Симонова «*Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины ...*», написанное в 1941 году, перекликается со словами Н.А. Клюева «*Припомните дороги русские, / Малиновок на погосте родительском...*» из другого его стихотворения, написанного в Гражданскую войну. Всё содержание стихотворения К. Симонова проникнуто высоким и трагическим чувством духовного единства русского народа, живых и мёртвых, в грозную годину [9]:

*<...>
Слезами измеренный чаще, чем вёрстами,
Шёл тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,
Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,*

*Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в Бога не верящих внуков своих.
Ты знаешь, наверное, всё-таки Родина –
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти просёлки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.*

Единство живых и мёртвых

У Бога все живы, поэтому соборное сознание народа предполагает духовное единство живых и мёртвых. Эта мысль, поэтически выраженная в стихотворении К. Симонова «*Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины ...*», постоянно присутствует и в произведениях многих вологодских поэтов и писателей.

Издrevле у нас существовала традиция помнить о тех, кто жил до нас. Символом единства живых и мёртвых издавна было **кладбище**, а с принятием Православия – **соборная молитва о упокоении** во всех храмах России. Об этом писал А.А. Романов в стихотворении в прозе «Обретение себя». В стихотворении Н.М. Рубцова «Над вечным покоем» понимание духовного единения поколений проникнуто сильным чувством, на которое не каждый из нас способен [8: 77]:

*И как в тумане омутной воды
Стояло тихо кладбище глухое,
Таким всё было смертным и святым,
Что до конца не будет мне покоя.*

*И эту грусть, и святость прежних лет
Я так любил во мгле родного края,
Что я хотел упасть и умереть
И обнимать ромашки, умирая ...*

Поэт глубоко чувствовал духовный смысл соборности, поэтому и смог написать эти строки [8: 76]:

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

В.В. Коротаяев посвятил теме единства мёртвых и живых соотечественников стихотворение, в котором глубоко раскрыл смысл этого единства [5: 280]:

*Единство
Есть оно, такое убежденье, –
Не какой-нибудь
Похмельный стих:
Нас и впредь
Спасёт от поражения*

*Единенье мёртвых и живых.
Ведь всегда оправдывал надежды
Пушкин,
Что бывал родней отца:
Ты его прикроешь от невежды, –
Он тебя спасёт*

*От подлеца.
И не раз,
Врагам на страх и зависть,
В драку и атаку,
Как бойцы,
Наравне с живыми
Поднимались
Наши дорогие мертвецы,
В одиночку сладить нам – едва ли.
И не спас бы призрачный кумир.
Нас они
Вели и вдохновляли.
Мы же отвоёвывали мир.
И за день весенний*

*И осенний
Нынче и вовек
В конце концов
Вновь пойдёт
Загубленный Есенин,
Ринется
Задушенный Рубцов.
Так и будем жить,
Смыкая силы,
Презирая трусов и деляг;
А умрём –
Сумеет из могилы
За друзей своих
Поднять кулак!*

В духовном единстве живых и мёртвых заключается сила, всегда спасающая Россию. В роковой 1917 год Николай Клюев пишет «Застольный сказ», где есть такие пронзительные строки [4: 339]:

*Русь нетленна, и погостские кресты –
Только вехи на дороге красоты!
Сердце, сердце, русской удали жильё,
На тебя ли ворог точит лезвие,
Цепь кандадную на кречета куёт,
Чтоб не пело ты, как воды в ледоход,*

*Чтобы верба за иконой не цвела,
Не гудели на Руси колокола,
И под благовест медовый в вешний день
Не приснилось тебе озеро Ильмень,
Не вздыхало б ты от жаркой глубины:
Где вы, **вещие Бояновы сыны?***

Вологодские писатели, о творчестве которых шла речь, и есть те *вещие Бояновы сыны*, несущие своим православным словом благую весть о том, что сила народа заключается в его соборном единстве. Следуя этому правилу, русское искусство созидает нетленную Россию. Об этом А.А. Романов написал такие пророческие слова [7: 81]:

*...Летят всё круче годы,
Туманами струясь.
Куда же Русь уходит?
А Русь уходит в нас!*

*Сквозь бури революций,
Сквозь оттепель и стынь
Уходит, чтоб вернуться
На свежие холсты. ...*

Литература

1. Белов В.И. Иду домой. – Вологда: Северо-западное книжное издательство. 1973. – 192 с.
2. Викулов С.В. Выходы. – М.: «Советский писатель», 1982. – 272 с.
3. Головкина С.Х. Образ дороги в произведениях В. И. Белова // Беловский сборник. Вып. 3. – Вологда: ВолНЦ РАН, 2017. – С. 189–195.
4. Клюев Н.А. Стихотворения и поэмы. – Л.: «Советский писатель», 1977.
5. Кортаев В.В. «Прекрасно однажды в России родиться...». – Вологда: Русский культурный центр, 2009. – 303 с.
6. Максин Ю. Плавающий берег. Стихотворения и поэмы. – Вологда: Литературный фонд России, Вологод. отделение, 2013. – 168 с.
7. Романов А.А. Последнее счастье. Поэзия. Проза. Думы. – Вологда, 2003. – 263 с.
8. Рубцов Н.М. Стихотворения. – М., 1978. – 299 с.
9. Симонов К. М. Собр. соч. в 10 т. Т. 1. Стихи и поэмы. – М.: «Художественная литература», 1979. – 670 с.
10. Фокина О.А. В наше честь. Избранная лирика. – М.: РИЦ «Классика», 2017. – 288 с.
11. Щепанская Т.Е. Культура дороги на Русском Севере. Странник. // Русский север. СПб., 1992. – с. 192–126.

Критика

Светлана Демченко

Демченко Светлана Андреевна – автор девяти художественных, литературоведческих печатных и электронных книг; сетевых журналов «Топос», «Новлит», «Великороссь», «Камертон», «Клаузура», «Бельские просторы», «Преображение», альманаха «Литературная губерния», газет «Российский писатель», «Новости Армении», «Русская народная линия»; член СПР, НСЖУ, Клуба мастеров современной прозы при ж. «Клаузура»; кандидат философских наук, доцент

Ностальгия по прошлому или поэма о будущем?

Читая «Плач о потерянной Родине. Жестокий час» Сэды Вермишевой

«Труд духа потаён. Работа души не публична. И плоды писательства – настоящие плоды настоящего писательства – не крикливы, не эпатажны, не рыночны, не политичны. «Настоящие» – это вдохновенные».

Василий Дворцов [1]

В этих заметках речь как раз и пойдёт о произведении, которое рождено тем самым потаённым духом. Создала его известная русско-армянская поэтесса Сэда Константиновна Вермишева.[2]

По Н.А.Бердяеву, как известно, бытие есть жизнь и дух. Дух – огонь, вечно разгорающееся и движущееся пламя жизни. Он не определяется внешними факторами, а идет из глубины особого, читай: неземного мироощущения.[3]

Сэда Константиновна, несомненно, является его носителем. Поэтому неудивительно, что из-под её «пера» появляются такие вдохновенные труды. Именно труды, подобные новой поэме «Плач о потерянной Родине. Жестокий час». Она недавно опубликована и довольно глубоко обсуждена читателями на сайте «Российский писатель».[4]

Все сошлись на том, что это знаковое для современной русской поэзии произведение. Казалось бы, всё сказано, но остались мировоззренческие нюансы, которые во время обсуждения, если и были замечены, то обозначены лишь пунктирно, в то время, как они заслуживают большего внимания.

* * *

При первом же прочтении поэмы была поражена каким-то «вселенским» смысловым кругом, внутри которого активно заявляла о себе целая система внутренних для автора художественно-исторических ценностей и воззрений. Их широта рождала не только положительные эмоции: и потому, что сквозь название и понятие «плача» просачивались пессимистические нотки, и потому, что они усиливались остротой авторского восприятия трагизма и «невозврата» потерянной страны.

Помогла мне разобраться в этом сама Сэда Константиновна:

«Наше с Вами понимание ситуации, людей русской культуры, отрезанных от неё физически и духовно, острее, чем у остальных. Сложившаяся ситуация проходит по нашим судьбам подобно гусеницам танков».

Это на самом деле так: тут завоюешь от того, что с нами происходит. Себя имею в виду прежде всего: живём в страхе, пребывая под «колпаком»; слово «Россия» без негатива нельзя произнести; Центр русской культуры ликвидирован; журнал «Русская культура Западных областей Украины» много лет, как не выходит; Русское общество имени А.С.Пушкина по понятным причинам не функционирует; из нескольких десятков русских школ остались единицы; радио-, телевидение на русском языке сокращено до минимума; русская православная церковь Московского патриархата пере-

живает гонения... Одним словом, всё русское, как, якобы, «враждебное, угрожающее национальной безопасности», вымывается из сознания людей целенаправленными антироссийскими действиями современной украинской власти.

Вот так мы теряли и теряем братские связи.

Но, справедливости ради, надо сказать, что и Россия допустила потерю Украины. Хотя... было по-разному.

Что бы там ни говорили о Ю.М.Лужкове, к примеру, но в его бытность мэром столицы администрация поначалу помогала нам, пыталась сохранять связующие нити, активно содействовала этому.

Затем новые чиновники постепенно их рвали из Москвы одну за другой. Тот же МСРС (Международный Совет Российских Соотечественников) то и дело сворачивал действующие почти во всех регионах Украины русские общественные структуры.

На нашем примере скажу, что в последние годы перед майданом российское спонсорское финансирование вдруг оказывалось в руках одиозных фигур или лукавых идейных манипуляторов и прохиндеев, а консульская работа в этих регионах вместо серьёзной деятельности по умолчанию считалась «ссылкой» для провинившихся на других дипломатических участках сотрудников.

За последние десятилетия с развалом СССР недостатков и негатива накопилось столько, что кто только не пишет о них. Они, подобно бусинам на разорванной нитке, враз рассыпались в раскат, забываясь во все видимые и невидимые щели нового общественного обустройства.

Порой эти трагические разломы, включая и экономику, и общественное сознание, трудно постижимы, недоступны для понимания, цинично обнажены злом и предательством, пошлостью и нигилизмом.

Всем держать отныне
 Ответ
 Пред Родиной,
 В жестокой правды
 Час.

* * *

Но, тем не менее, оправдано ли только скорбеть по этому поводу, плакать в прямом и переносном смысле этого слова? Сегодня нет в наших странах людей (если только, конечно, Бог их не обделил разумом и сердцем), не сожалеющих о коварном преступном развале Советского Союза.

Есть такие слова в поэме:

А я стою,
 Я здесь у края, стыну...

Они для меня едва ли не самые важные.

В жизни так много пессимизма, отчаянья. Люди ожесточаются, впадают в крайности, не видят выхода из создавшегося тупика. Но всё равно это ещё не пропасть. Да и «стынуть на краю» гораздо труднее, чем скатиться в эту самую пропасть, или исчезнуть навек из этого мира.

Смелость жить и вопреки всему побеждать – невиданная людская дерзость, особая непреходящая ценность характера мужественного человека.

Иногда кажется, что это конец, – всё, крах, бездна. Но эта кажущаяся безысходность не только провоцирует негодование, злость, но... и закаляет характер, укрепляет веру.

В периоды смут, изломов, трансформаций, упадка и расцвета именно эти смыслы, связанные с волей, терпением, мужеством, как раз и востребованы. Потому так близко нам перекликающееся с ними вермишевское мироощущение.

Мне представляется, как это ни странно может показаться, что новая поэма Сэды Вермишевой не столько говорит об авторской ностальгии по прошлому, сколько это произведение о будущем, таком его часе, который не будет поражён пережитыми трагедиями; извлечёт исторические уроки и создаст возможности для достижения новых высот.

Душа поэта разрывается от мысли, что вдруг и новое время будет подавлено бессмыслицей и злом мировой жизни, повторением «жесточкого часа».

Видимо, не случайно пал авторский выбор на такое название поэмы, которое поначалу вызвало у меня некоторую настороженность, де-мол, опять «плач», а где же радость жизни?

С одной стороны, тут же забрезжила ассоциация с известным «Плачем Ярославны из «Слова о Полку Игореве».[5]

Однако, если в нём соединились две традиции – народное причитание и заклинательные формулы, то у Сэды Вермишевой нет ни того, ни другого.

Хотя не факт, что она творчески не использовала художественных средств народной поэзии в своей поэме, хотя бы тот же образ «плача» или обращение к Создателю мира.

Скорей всего, звучание «плача» было продиктовано желанием подчеркнуть остроту потери Родины, усилить эпичность поэмы, а не раствориться в пессимизме, роптании, тем более, безысходности.

И углублённое проникновение в содержание поэмы подтвердило это, что не может не радовать.

* * *

Без прикосновения к мировоззрению С. Вермишевой не понять таинственной переключки смыслов семи частей поэмы, закольцованных «прологом» и «эпилогом», создающей богатую художественную ткань и особую ритмику произведения. Кондовые стихи, ничего не скажешь. В них всё по-настоящему: и чувства, и мысли, эмоции, переживания, пропитанные любовью всей авторской жизни.

И эта любовь далеко не беззаботное счастье, а, не удивляйтесь, бережно носимое бремя. Вермишевская любовь всеохватная, она отражает эпоху, её «интеллектуальный консенсус», который несёт в себе сердце, бьющееся прошлым, настоящим и будущим, тем всечеловеческим, что непримиримо с суррогатами вечно-сущного миропонимания.

Понятие «мировоззрение», как известно, – философский феномен.

Он, в первую очередь, есть квинтэссенция отношения человека к Миру как целому. Изменение мироотношения корректирует наше мировоззрение.

Древнегреческий мудрец Пифагор говорил о том, что «отдельные индивидуумы, занятые в сфере духовного производства, не удовлетворяющиеся образом жизни и мыслей большинства соотечественников, погрязших в рутине частных интересов, добывательства и потребительства, гедонизма (от греческого *hedone* – наслаждение) или безделья, стремились жить более совершенной – в пределе *мудрой* – жизнью. Мудрость же есть открытая трансцендирующая целостность личностного мира, основанная на началах Истины, Добра, Красоты и Святости (в широком, а не узко-религиозном смысле). Тот, кто живет в мудрости (*sophia*) есть *мудрец* (*sophos*, шэн жэнь)». «Мудрец живет с неугасаемым самоотчетом, он подвергает суду своей рефлексии свой образ жизни и мысли, а также образ жизни и мысли других людей и извлекает из этого мировоззренческие и мироотношенческие уроки, стремясь вспомоществовать другим в самосовершенствовании».[6]

В этой связи анализ мировоззренческого контекста поэмы, безусловно, является одним из наиболее перспективных методологических направлений её литературоведческого исследования. Ведь речь идёт о мироощущении не просто поэтессы, а мудрого мыслителя современности.

Взгляды Сэды Вермишевой, о чём бы она ни писала, в том числе и в поэме, закономерно отходят от всего сокровенно-личного, присущего живому человеку (а его немало в поэме), от односторонности, политической злобы дня в сторону универсального мировоззрения, основанного, говоря словами М.Мамардашвили, на «музыке мироздания»[7] его всеобщности.

При этом, как это и свойственно поэту-мыслителю, она оперирует не конкретикой, а, исходя из неё, создаёт художественную канву общих идей, проблем, философских символов и смыслов: «эпоха уходит на дно», «закрывает в пространство окно», «начало её и конец», «иных устоев стены», «день всем судный», «сходство с законом Солнца и других светил», «начало летящего круга земли», и т.п.

Философия в поэме выступает как акт творческой мысли. И мировоззренческая рефлексия представлена как *философское осмысление* человека в мире и мира в человеке.

Русской литературе издавна была свойственна насыщенность философским содержанием, при котором искусство берёт на себя решение не только художественных задач, но глубоких вопросов бытия: от показа духовного мира отдельной личности до постановки и решения проблем исторического развития общества.

Конечно, рассматриваемая поэма – не философский трактат, но многие её строки насыщены размышлениями над подлинно философскими проблемами.

Это не умозрительная философия. Она очень внутренняя, примечательна вермишевской неповторимостью её поэтической индивидуальности.

Об этом трудно говорить, –
 Пустое дело...
 Старались жить.
 Старались быть.
 И вдруг – всё отлетело.
 Исчезло...
 Хоть и не сполна, –
 Оставило приметы...
 Но смело здесь взошли
 Дома,
 Иных устоев стены...
 А я, увы,
 Схожу с ума
 В стране сплошной измены...

Известно, что времена не выбирают: в них живут и умирают. В этом смысле правомерны и личное восприятие, и оценка эпохи, в которой прошла жизнь поэтессы. Не просто прошла, а пролетела, наполненная противоречиями, раздираемая страстями, случайностями и закономерностями развития; окрашенная и благородными целями, завоеваниями и потерями, жестокостью по отношению к человеку. Она вправе говорить и о сломе эпох, и о том, что нас ожидает в будущем.

Следует отметить высокую степень погружённости автора в историко-культурный контекст и мира и России, которая диктует смыслы и значения событий и действий, воплощения философом в плоть художественного материала, формирования его философско-мировоззренческого стержня.

В поэме живёт самостоятельная философская мысль, отражающая социальные противоречия и трагизм народов бывшего СССР. Дана нелицеприятная для власти философско-мировоззренческая оценка действительности, когда «державы праведная твердь свернула себя в рог улиткой» и когда «не наступают над страной рассветы».

В жестокий век
 Мне Бог ссудил родиться,-
 Мне негде жить,
 Мне негде приютиться...
 Хожу по городу
 С протянутой рукой.
 Гляжу на лик,
 На шик его лоскутный,
 (Где столько дыр, -
 Да некому латать...)
 И каждый чин
 На диво пёс паскудный...
 И на кого нам,
 Боже,
 Уповать?

Характерным признаком философичности поэмы является антиномизм (метод философского познания, основанный на широком использовании противоречий между одинаково доказуемыми суждениями) и полифонизм (многозвучность, многоголосие) мышления Сэды Вермишевой. Её вполне положительные взгляды и оценки почти всегда отталкиваются то ли от отрицания негатива, то ли от попытки всестороннего взгляда на явление.

Для этого она сопоставляет различные концептуальные идеи, понятия, символы и на этом фоне формулирует своё мировоззренческое кредо: не доверяя жестокому времени, «одарить доверием иную жизнь», в которой, возможно, ей «уже не жить».

Вот это тонкое сквозное сожаление выступает ещё и свидетельством не подчинённости автора господствующим догматам. Её мировоззрение – не какая-то отдельная избирательная конструкция, существующая вне общего духовного мира страны. Её «я» – это органическая часть собирательного «мы».

То, что нежданно с нами
Случилось,
Верно и Господу Богу
Не снилось...
Может негодие мы,
Иль не те.
Может, живём мы
В дурной простоте? –
Дом на обочине наш,
В пустоте?
Но по-иному
Мне всё это видится
Может,
Слепа я,
А может –
Провидица...

Скорее, – провидица.

Как известно, истинный талант поэта проявляется не только и не столько в художественном изображении действительности, сколько в умении дать ответ на труднейшие вопросы бытия, показать индивиду и обществу выход из исторического тупика, подсказать метод решения возникших проблем.

Есть ли этот ответ в поэме? По-моему, да. Хотя он не явный, не конкретен, больше метафоричен, мировоззренчески просторен и глубок. Ибо каждое скупое слово не отличается лёгкостью, оно перегружено смыслом; возле фраз лежит его гораздо больше, чем в прямом значении и понимании. И даже кажется, что здесь о главном речи не идёт. А это не так. Ибо оно «несказанное».

Усталость снять.
Приникнуть
К жизни слухом,
И снова сеять.
Снова жать.

* * *

Не будет преувеличением сказать, что в этих строках, как и в других частях поэмы, её философских умозаключениях о будущем сверкает искра гения. Она позволяет нам утвердиться в закономерности развития, в неизбежности замены уходящего во времени новым, более прогрессивным, или наоборот.

В этой связи приходит на ум афористическое высказывание А.Шопенгауэра о том, что талант и гений в искусстве подобны лучникам: если талант своей меткостью превосходит соперников, то гений попадает в цель, которую его современники вообще не видят.[8]

Так и вермишевский гений говорит о неотвратимости созидательного будущего, в котором не должно быть пагубных явлений и процессов, ложных методов и способов достижения цели. Изобличая пороки и зло, он тем самым утверждает добро.

Воистину, поэту приоткрывается тайная логика истории: мистическое и рационалистическое движение объединяются в деле понимания общественного устройства мира. Это происходит особенно тогда, когда С.Вермишева почти в отчаянье обращается к Творцу, как бы выводя его из небытия и наделяя одухотворяющей силой, способной вести с ней диалог. Этому посвящена пятая часть поэмы.

И на кого нам,
Боже,
Уповать?
Ты обещал когда-то
День всем судный –
Не миловать, -
Пришла пора карать
Рукою праведной...

Вообще для всей поэмы характерны сквозные «филогемы», обобщающие образы и символы, темы личной и общественной жизни и культуры, то есть, переплетение философского и художественного начал.

Становится очевидным, что рассматриваемая поэма – пример той поэзии, в которой живет и преобразуется интеллектуальное достояние русских поэтов и литераторов А.Блока, В.Маяковского, М.Горького. И для С.Вермишевой обозначение «мыслитель» – это далеко не метафора, а точное указание на философичный характер её творчества.

* * *

Своеобразие Сэды Вермишевой как мыслителя заключается не в том, что в поэме создана атмосфера не только реальных процессов, но и тех эпохальных разломов, свидетелем и участником которых она сама является.

Повествование многопланово и насыщено множеством мировоззренческих доктрин. Одна из них горьковская: «Есть только две формы жизни: гниение и горение. Трусливые и жадные изберут первую, мужественные и щедрые – вторую».[9]

Мужеству и гражданской ответственности С.Вермишевой можно только позавидовать.

Повторюсь: ошибочно однозначно и прямолинейно воспринимать «Плач...» Сэды Константиновны как ностальгию по прошлому. Эта метафора лишена физики, наполнена духом любви. Она биполярна (двухполюсная): зовёт остановиться-оглянуться на пройденный путь и одновременно влечёт заглянуть в завтрашний день.

Поэма концептуальна. В ней всё – от детали до обобщения, от конкретного до общего,- та же «русская берёза», тот же «обломок скалы»,- дышит авторской концепцией патриотизма. Он у неё не этничен, не несёт на себе географических, национальных признаков, не созерцаем, ибо представлен таким свёрнутым свитком мысли творца. Но смысл её один – любовь и боль за судьбу Родины, которой в понимании автора уже нет, но которая живёт в ней и поэтому желанна в будущем. Это, казалось бы, противоречие, оплодотворено, модифицировано личностным осмыслением прошлого, настоящего и будущего.

* * *

Сегодня мир опасно балансирует на грани, можно сказать, жизни и смерти. В нём происходят глобальные катаклизмы, удушающие прогресс, лишаящие человека радости жизни. По Ф.Достоевскому «слишком осознавая это», поэтесса, однако, не уповает на мщение, возмездие (хотя эти нотки и присутствуют напоминанием о «судном дне»); ей ближе ясность в понимании корней своего мироощущения.

Человек всегда стремится к счастью, но реальная жизнь – это чередование трудной действительности с представлениями о счастье, достижению которого всегда мешает некий фатум. Это надо иметь в виду всякий раз, когда мы говорим о христианской истине. Да, она открывается в творческом процессе. Но, как говорил Н.А.Бердяев, «этот процесс не закончен ещё в мире и не может быть закончен до конца мира».[10]

Но не могу,
Я не хочу поверить,
Что музыка распалась
Наших сфер,
Что не с кем мне
Часы и время сверить,
На людной площади,
Под небом смены
Эр....

Придёт новое время, а поэзия Сэды Вермишевой не перестанет быть высокой, духовной, той, которая будет вечно служить нескончаемой христианской истине.

Литература

1. Дворцов В.В. Современного читателя лишают общения с настоящей книгой. Интервью./Родная Кубань.- 5.04.2018 / Электронный ресурс – Режим доступа: <https://www.rodnyakuban.com/> – Дата обращения: 18.04.2018.
2. Вермишева, Сэда Константиновна. Википедия./ Электронный ресурс- Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> – Дата обращения 16.04.2018; Международный объединённый биографический центр / Электронный ресурс – Режим доступа: <http://www.biograph.ru/index.php/whoiswho/17-society/1325-vermishevask> – Дата обращения: 20.04.2018.
3. Бердяев Н.А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности. Глава П. Признаки духа/ Электронный ресурс – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Berd/_Duh_Real02.php – Дата обращения: 16.04.2018.
4. Вермишева С.К.. Плач о потерянной Родине. Жестокий час. – Российский писатель/ Электронный ресурс – Режим доступа: <http://www.rospisatel.ru/vermisheva-plach.htm> – Дата обращения: 15.04.2018.
5. Плач Ярославны. – Слово о Полку Игореве/ Электронный ресурс – Режим доступа: <http://slovoopolku.ru/prokofiev/> – Дата обращения: 15.04.2018.
6. Философия в духовном развитии человека. Алматы: Институт философии и политологии МОН РК, 2003. – 184с.
7. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1990.
8. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т.2 / М., «Наука», 1993.
9. Горький М. Часы. Рассказ. / Электронный ресурс – Режим доступа: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/proza/rasskaz/chasy.htm> – Дата обращения: 18.04.2018.
10. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. Глава III / Электронный ресурс – Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyayev/fsduha/03.html> – Дата обращения: 23.04.2018.

Критика

Наталья Советная

Наталья Викторовна Советная – член Союза писателей России, СП Беларуси, СП Союзного государства. Председатель оргкомитета Международного конкурса лирико-патриотической поэзии им. поэта и воина Игоря Григорьевича (1923–1996). Прозаик, поэт, публицист. Автор публикаций в журналах и многочисленных альманахах: «Наши современники», «Нёман», «Новая Немига литературная», «Польмя», «Белая вежа», «Родная Ладога», «Берега» и др. Автор книг поэзии и прозы, в т.ч. «В поиске сокровища», «За краем света», «Тайна русского Царя», «Два поклона», «Увидеть ветер», «Венчики золотые», «На земном подсвечнике», «Пучок травы». Награждена орденом «За веру и верность» (Москва, 2016), медалями: «Святой Благоверный Великий князь Александр Невский» (2006), «Василий Шукшин» (2014), «Поэт и воин Игорь Николаевич Григорьев (1923–1996)» (2015), «За вялікі ўклад у літаратуру» (Минск, 2016) и др. Лауреат литературных конкурсов Белорусского Экзархата РПЦ и газеты «Воскресение» (2008, 2014). Победитель конкурса Фестиваля исторической поэзии «Словенское поле-2015» (Псков), Всероссийской литературной премии им. А.К. Толстого (2016)

Тайны дома на набережной

(Ю.Серб. Площадь безумия. Роман. Изд. «Росток», СПб.2016)

Идея о бессмертии – это сама жизнь, живая жизнь, её окончательная формула – главный источник истины и правильного сознания для человечества.

Ф. М. Достоевский

Роман Юрия Серба «Площадь Безумия» я читала, не будучи обременённой мнениями коллег о произведении, поэтому собственные впечатления оказались незамутнёнными сторонними похвалами либо разочарованиями. Сразу появилось желание написать о книге, а когда на глаза попала статья «Писатель и сопротивление читателя» Людмилы Бубновой в январском номере «Литературного Санкт-Петербурга» (2017), решение стало окончательным. Но взяться за перо незамедлительно не получилось, может быть, это и к лучшему: по прошествии времени чётко фиксируется главное, то, что до сих пор осталось в душе от романа.

Осталось же очень светлое чувство, несмотря на то, что герои произведения переживали тяжелейшее время для страны – Советского Союза: кровавые, разрушительные, словно военные, последние годы восьмидесятых – начала девяностых XX века. Однако человеку свойственно, вспоминая прошлое, придавать ему юмористический оттенок, подтрунивать над собой, над своими страхами, переживаниями, проблемами. Так и автор книги, который воспроизводит время по дневнику «многолетнего приятеля» Геннадия Серафимовича Салабина, не смог отказать себе в удовольствии время от времени подшутить над героями романа, представить их в некоторой степени гротесково. Данная манера вообще свойственна Юрию Сербу, что делает его хорошо узнаваемым в литературе и, несомненно, является его плюсом.

Гротеск, позволяющий приблизить далёкое, переплести настоящее с прошлым или будущим, реальное с нереальным, говорить смешно о серьёзном (вспомним Мольера, Гоголя, Грибоедова) делает произведение доступным для понимания всеми. В том числе, что весьма важно, молодёжью, ради которой, признаемся, писатель и пишет. Ведь мы, пережившие те времена, свидетели всех неприятных событий, не сегодня завтра уйдём, а нашим потомкам надо продолжить жизнь, учитывая все ошибки родительско-дедовских поколений. Автор романа восклицает: «Вот была эпоха! Вот были времена!» [название главы. – Н. С.] <...> Одни говорят о Российской империи, другие – о советской псевдоимперии, но обе эти стороны представлены обычно старшими поколениями – теми, кто помнит, и теми,

кто знает, теми, кто читает и хочет знать больше. А наш молодой читатель – буде таковой окажется – может ничего не знать о двух последних столетиях, особенно тот, кто доверился урокам истории, преподанным через телефильмы».

И напрасно некоторые, в т. ч. автор статьи «Писатель и сопротивление читателя» считают, что хорошо известное нам, так же хорошо знакомо и нашим детям. Отнюдь! Большинство из них с трудом представляют образ жизни советского человека, далеки от морально-нравственных установок того времени, не понимают, что такое реальный Союз Советских Социалистических республик, т. е. дружба народов («...правительством ещё признавалась у граждан национальность, то есть принадлежность роду и языку, но что самое удивительное, любой гражданин, перемещаясь в места проживания другого советского народа, вёл себя там, как правило, соответственно местным обычаям и общему законодательству»). Наши потомки даже вообразить себе не могут, с чем их прародители столкнулись в годы разделения страны: внезапно возникшие границы между родными и близкими людьми, потеря жизненных ориентиров, идеалов, безработица, нищета, пустота прилавков, продуктовые карточки, бандиты, наглый передел истории, развенчание героев, вдруг появившееся презренное отношение к человеку труда, вдруг потерявшая значение, теперь уже ничего не стоящая человеческая жизнь...

Думаю, что молодые люди не смогут почувствовать того, что чувствовали мы, пока, например, не прочтут об этом в хорошем литературно-художественном произведении, примеряя на себя жизнь его героев. Правдоподобность событий и времени, запечатлённая на страницах романа «Площадь Безумия» вовсе не иллюзорная, она абсолютно реалистична. Мало того, писатель заявляет, что его герой прочно усвоил один из принципов познания: «...чтобы правильно оценивать смысл истории, надо правильно понять, в чём ценность человеческой жизни. Этот вывод не так прост, как может показаться, потому что не совпадает ни с общечеловеческими ценностями космополитов, ни с идеалами национального сепаратизма – выращенными, чего уж скрывать, в одной и той же лаборатории...». Вот почему, несмотря на внешнюю лёгкость восприятия, читать книгу «Площадь Безумия» следует очень внимательно и значение её непозволительно преуменьшать.

День за днём со многими новостными, в т. ч. судьбоносными для страны событиями, являют читателю страницы дневника Салабина наше прошлое. «Больше социализма, больше демократии!» – сказал генсек. – «Что не запрещено – то разрешено!» – изрёк он в другое утро. И настал вечер. «Обеспечить примат международного права над внутренним» – потребовал он же. Салабин сначала похолодел, потом ответил генсеку чисто филологически: «Сам ты примат!», а у страны поднялась температура...»

Геннадий Серафимович – человек, хорошо образованный (английское отделение филологического факультета Ленинградского университета), прилично трудоустроенный (директор Интерклуба), но, как и все вокруг, застигнут врасплох непредвиденной «перестройкой» во главе с Генеральным секретарём Коммунистической партии Советского Союза Михаилом Горбачёвым. И всё же Салабин упорно пытается разобраться в происходящем, ищет себя, надеясь обрести надёжную жизненную опору в судьбе, мечтает о реализации Богом данных талантов, наивно жаждет быть нужным, полезным обществу. Однако в хаосе обрушившихся устоев он тоже впадает в растерянность. Ему только и остаётся – защищаться от собственной беспомощности постоянной иронией, безжалостным подтруниванием над своими живучими желаниями и неукротимой реальностью. «Сквозь кровавые слёзы двадцатого века Салабин смеётся над Лениным и Горбачёвым, которые оба ему «как одно лицо» <...> он разглядел борьбу не классов, а могущественных кланов, бездушных финансистов...<...> кто такие Парвус, Ганецкий, а впоследствии Джон Рид? <...> Тогда неизбежен вывод, что Ленин лгал тому пролетариату, который он вознамерился возглавить и повести. А классовая борьба была придумана людьми, просто пьянящими от человеческой крови, – и так называемая «мировая революция» означала просто передел мира. <...> Но ошибается ли Горбачёв, не понимает или врёт – уже не имеет практического значения, поскольку страна не воспитала маршалов, способных арестовать генсека».

Будучи наблюдательным, анализируя происходящее в стране и в родной организации, Салабин отлично понимает, ЧТО должен сделать для того, чтобы в новых условиях преуспеть, однако как раз те пресловутые советские морально-нравственные принципы и не позволили ему переступить через роковую черту, после которой Совесть перестаёт быть...

«Наталья вздумала учить Геннадия жизни: видишь, как люди действуют? Подбирают. Что плохо лежит! А ты живёшь как лопух, ни от директорства твоего толку никакого, ни от образованности, ни от чего!.. – Ты хочешь, чтобы я воровал? – спросил он жену тяжёлым голосом. – Я

лучше умру. Но этого не будет!» А ведь многие переступили ту черту. «К событиям, беспокоившим (здесь надо сделать сноску: «Как ни парадоксально, но непривычная современному человеку приставка «без» вместо «бес» воспринимается вполне спокойно и даже с благодарностью к писателю, отважившемуся восстановить, вопреки утверждённым правилам, разумное звучание русских слов: кому приятно частое упоминание в речи «рогатого» – беса? Не слишком ли много бесовщины в жизни, чтобы она еще и в языке барствовала?) Геннадия в ту минуту, относились: решение Венгрии открыть границу с Австрией, чтобы тысячи немцев из ГДР могли попасть в ФРГ, образование в Польше некоммунистического правительства (Салабина, бывшего коммуниста лишь формально, это всерьёз беспокоило); загадочное падение члена Верховного совета СССР Ельцина с моста в Подмоскowie... Наконец, ещё и набеги эстонских шофёров-дальнобойщиков на склады ленинградских заводов. Но не только заводов. В прошлую ночь у Салабина ночевал родственник – «Рейн из Эст-убниш», как он представился сквозь входную дверь. Прежде, чем заночевать, они с напарником увязались за Натальей в детский сад, там Рейн поговорил с заведующей и натырил из подвалов детсада пару электромоторов и пакет алюминиевых уголков. Трубки из меди, как помним, ушли раньше». Герой же Юрия Серба доверчиво ждёт: должно же что-то измениться! Надеется, верит (и пострашнее было – пережили!), верит, в том числе, и в промысел Божий.

Был ли у него, у Салабина, другой путь? – вопрошает автор статьи «Писатель и сопротивление читателя» и буквально требует, чтобы Юрий Серб и другие современные писатели предоставили читателю даже не два-три, четыре-пять путей, а ещё больше, чтобы непременно показали выход из тупика, освятили его полыхающим данковским сердцем. Виделся ли такой выход в те злосчастные годы хоть кому-либо из вытолканных на задворки инженеров, учителей, учёных, офицеров, врачей, писателей, заслуженных строителей, колхозников, горняков, моряков и даже высоких руководителей? Или они – наш народ – в растерянности проживали дни и месяцы, совершенно не представляя, что ждёт их завтра, не имея возможности что-либо просчитать или хотя бы повлиять на результаты очередных выборов во власть. Потому что с ними – с нами, лично с нами – такого ещё не было никогда – рулевое управление отказало! «Летописи сообщают, что первый сеанс экстрасенсорной телеобработки населения произошёл 9 октября 1989 года, ввиду предстоявшего демонтажа той политической системы, которая была построена в послевоенной Европе. <...> Салабин участвовал всего в одном сеансе чёрного мага и пришёл в состояние дурноты, то есть тошноты и разбитости суставов. Жена его, Наталья, стала ходить по комнате, заламывая руки, одновременно рыдая и хохоча. Поячкин признался, что после сеанса мага ему три дня был свет не мил. <...> Как бы то ни было, мало кто обратил внимание на то, что в те же дни Венгрия сменила своё официальное название, а власти ГДР сняли пограничный контроль у Берлинской стены. Ещё через неделю пражские студенты стали забрасывать полицию камнями и бутылками. А первого декабря «советский лидер» лобызал папу римского в Ватикане, прежде, чем отправиться на Мальту и вместе с президентом США объявить о «конце холодной войны». Вопрос о победителе был обоюдно замолчан». Нами жонглировал Некто, влиятельный и злобный, хитрый и ловкий, мрачный и безжалостный...

Каждый человек живёт в своей системе координат, имея представления о том, «что такое хорошо и что такое плохо», формирующихся, зачастую случайно, под воздействием ближайшего окружения и (не будем забывать!) под влиянием того, какие книги он читает. Соответственно им оцениваются те или иные события, явления.

И автор, и его герой Салабин критику показали людьми непонятными: «Я читаю не роман, я Автора читаю: нюансы его души и зигзаги мышления. <...> Ни ругается, ни рыдает, ни смеётся – он мыслит в общепринятом русле без всякого напряжения...» Вот тут-то вспоминается мне замечательный наш классик М. Ю. Лермонтов и его небезызвестный герой – Печорин. И оказывается вдруг, что между Салабиным и Печориным есть некое сходство – ни в положительности-отрицательности, ни в созидательности-разрушительности, ни в состоянии нравственности, а в общности результата: и тот и другой есть собирательный образ человека своего времени. Прошу прощения у просвещённого читателя за напоминание вступительного слова к «Герою нашего времени» и длинную цитату из него, но снова ознакомившись с ней, вы согласитесь, что лучше Михаила Юрьевича сказать было нельзя: «Иные ужасно обиделись, и не шутя, что им ставят в пример такого безнравственного человека, как Герой Нашего Времени; другие же очень тонко замечали, что сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых... Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь так уж сотворена, что все в ней обновляется, кроме подобных нелепостей. Самая волшебная из волшебных сказок у

нас едва ли избегнет упрека в покушении на оскорбление личности! Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно, портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии. Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурен, а я вам скажу, что ежели вы верили возможности существования всех трагических и романтических злодеев, отчего же вы не веруете в действительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали?..»

Так мог ли писатель показать нам в романе «Площадь Безумия» пути исцеления героя и общества в целом? Ответ читаю опять же в «Герое нашего времени»: «Ему [автору. – Н. С.] просто было весело рисовать современного человека, каким он его понимает, и к его и вашему несчастью, слишком часто встречал. Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить – это уж бог знает!»

Бог знает... Не потому ли Юрий Серб снова и снова отправляет своего героя на поиски Истины или, как упрекнула критик писателя, к библейским проповедям, которые якобы всем известны (!) и созданы для «послушания людей, чтобы они особо не растекались в собственных мыслях, а то!» Удивительно, как прочно закрепились в памяти и сознании некоторых наших соотечественников советские лекции по материализму и атеизму. А «сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения, ни под какие атеизмы не подходит; тут что-то не то, и вечно будет не то; тут что-то такое, обо что вечно будут скользить атеизмы и вечно будут не про то говорить» (Достоевский Ф.М. Идиот // Полн. собр. соч. Т.8.А., 1973. С.184).

К счастью, автор романа человек зрелый, с давно сформированным мировоззрением. Его религиозные послы не дань моде, а глубокая личная вера, потому читатель искренний, ищущий свет, воспринимает их с пониманием и сочувствием. Ведь каждый рано или поздно сталкивается в жизни с чем-то, что кардинально меняет нас, озаряет мгновенно, как вспышка, или зреет медленно, но в итоге мы обнаруживаем Его. Божья любовь и верность не гарантирует нам безошибочную жизнь, но в дарованной нам свободе мы обретаем мощную надёжную опору. Герой романа Салабин пытается отыскать выход с той «площади безумия», на которой оказался не по своей воле, – и писатель направляет его к библейской правде. Вовсе не затем, чтобы он больше и больше смирялся, хотя и в смирении промыслу Божию заключается величайшая человеческая сила – сила духа, но прежде всего потому, что «нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, – как утверждал досточтимый Ф. М. Достоевский, – и не только нет, но и <...> не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше бы хотелось оставаться со Христом, нежели с истиной» (Достоевский Ф.М. Письмо Н.Д. Фонвизиной (1854г.) // Там же. Т.28, ч.1. Л., 1985. С. 176).

Очередной роман Юрия Серба читается легко, но не потому, что читатель узнаёт в повествовании пережитое и себя, а потому, что, будучи в ладах с Истиной, писатель делится выстраданной мудростью жизни, жизни реальной (до которой Литературе всегда было дело!) и без которой настоящей литературы просто не существует. И делает он это мастерски, великолепно владея художественным словом, умудряясь погрузить читателя как в давнее прошлое, размышляя и о Царской России, и об истоках революционных движений, выдавая на гора факты малоизвестные («...А Ленский расстрел? <...> Рабочих на Ленских приисках – расстреляли! – Любая власть, в любую эпоху, подавила бы бунт уголовных заключённых. Авторы учебников умалчивают о том, что это были не просто рабочие. Это были каторжники – насильники, убийцы, воры...»), так и во времена недалёкие («Время шло дальше, хотя мы не знали – куда оно и как...»).

В последней главе романа «Дурдин» Салабин мистическим образом беседует с Иваном Ивановичем, бывшим хозяином – основателем старинного особняка, в котором размещается Интерклуб. О смысле жизни, смерти, Боге... «Твоя миссия, как и у всякого на Земле, выкреститься из человечества в Жизнь Вечную...» – получает он короткий ответ, который мне хотелось бы продолжить словами всё того же величайшего из писателей: «...высшая идея на земле лишь одна и именно – идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные «высшие» идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из одной её вытекают» (Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1876 // Там же. Т.24. Л., 1982. С.48).

А пока суровый критик будет ждать, когда же появится современный писатель, который «скажет что-нибудь новое», мы поздравим автора романа «Площадь Безумия» Юрия Серба с рождением его замечательной книги, повторяя следом за Люком де Клапье Вовенаргом: «Самая новая и самая самобытная книга та, которая заставляет любить старые истины».

Бережок

Галина Чепикова

Чепикова Галина Фёдоровна родилась в Калининградской области в 1948 году. Окончила Советское культпросветучилище по специальности «Режиссер самодеятельного театрального коллектива», много ездила по области в составе агитбригады. Очень любит Янтарный край.

Стихи из цикла «Про девчонок и мальчишек»

* * *

Взрослый мир вокруг меня,
Как не растеряться?
Я же толком не могу
Даже обуваться.

– Левый, правый, – говорят, -
У тебя сандалики.

Лучше бы носил, как дед,
Целый год я валенки!

Надеваю правильно
Свитер и штанишки.
– Задом наперёд надел! -

Говорит братишка.

То изнанка, то лицо,
Не ученье – мука.
Самого себя одеть
Целая наука.

Посижу, подумаю,
Стоит ли стараться.
Может, лучше маленьким
На всю жизнь остаться?

* * *

По морям и океанам,
На огромном корабле
Дед Мороз везёт подарки
Всем ребятам на земле.

Путешествует по свету
На оленях, лошадях,
И собаки ездовые
Возят дедушку в санях.

Он спешит, не опоздает,
В каждый дом Мороз придёт
Потому, что без подарков
Не наступит Новый год!
Из цикла «Жизнь игрушек»

– Если бы не рельсы, -
Думал паровоз, -
Не было бы стука
У моих колёс.
По асфальту мягко
Я бы прошуршал.

Глупый паровозик,
Ты б машиной стал!

* * *

Из тетрадного листочка
Сделал мальчик самолёт.
И бумажная машина
Отправляется в полёт.

Над лесами, над полями
Пролетит, махнув крылом,
Из одной страны в другую –
Ей границы нипочём.

И суровый пограничник
Улыбнётся, помолчит...
– Ну и пусть, что нарушитель,
Детство по небу летит!

ПРО ГНОМА

Заглянул в колодец Гном
И увидел небо в нём.
Зачерпнул звезду с луной,
Вытащил ведро с водой.

* * *

Пригласил Улитку Гном
Прокатиться с ветерком.
У вокзала Гном стоял,
Под зонтом Улитку ждал.

А Улитка так спешила,
Где-то домик свой забыла.
Приползает на вокзал –
Гном её и не узнал!

* * *

Жаловался Гном Улитке:
– Хорошо тебе без ног,
Покупать совсем не нужно
Ни ботинок, ни сапог!

ЧЕМОДАН (БАСНЯ)

Шёл по лесу Чемодан.
В чемодане был обман.
Тот, кто видел сей предмет,
Думал: важен, спору нет.
Как идёт, какая стать!
До него нам не достать!
Что-то ценное несёт,
Раз он так себя ведёт.

Чемодан вдруг оступился,
За корягу зацепился,
Вдруг раскрылся сам собой,
Оказалось – он пустой!
Так и в жизни: прёт иной,

Бережок

Иван Привалов

Иван Привалов награжден орденом Мужества, медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и 2 степени и другими. Лауреат патриотического конкурса Ассоциации ветеранов боевых действий Калининградской области «Спасибо тебе солдат», фотоконкурса МВД России «Открытый взгляд», победитель конкурса «Патриот Земли Российской» имени Великого князя Александра Невского. Автор повести «Следы на песке», рассказов и сказок, публиковался в журнале «Берега» и других изданиях

Шарик

Однажды Вике подарили шарик. Красенький такой, красивый, праздничный. Нарядный и круглый. Вика гордо шла с ним по городу, и все смотрели и улыбались ей. Они радовались её радости. Её празднику.

А шарик было грустно. Ему, конечно, нравилось с девочкой гулять по улице. Но он прыгал и пытался вырваться. Ему хотелось летать. Когда набегал ветер, шарик пытался побежать с ним наперегонки. Но Вика крепко держала веревочку в руке. Он рвался, вытягивал струной веревочку, тянулся за ветром, но ничего не мог сделать. И потому, немного подумав, он сказал:

– Вика! Давай мы с тобой погуляем немножко, а потом ты отпустишь меня. Я очень хочу посмотреть на тебя с высоты. Подняться высоко-высоко и смотреть. Когда я посмотрю, я прилечу к тебе обратно.

Вика посмотрела на шарик:

– Ты уже не вернешься! Ты улетишь!

Шарик стало стыдно за то, что он хотел обмануть Вику. И если бы он был белым, то, наверное, покраснел бы:

– Я, конечно, обещать не могу. Видишь, я такой ветреный, я такой лёгкий. И, конечно, я могу не вернуться. Но я хочу, чтобы ты знала: даже когда я улечу, я всегда буду о тебе помнить. А ты будешь смотреть на меня снизу, особенно вечером. А я полечу, полечу, полечу и превращусь в маленькую звездочку. И буду смотреть оттуда сверху на тебя.

– Интересно! А как же я узнаю тебя?! Звездочек ведь так много!

– А ты посмотри вверх и подумай обо мне. И когда ты подумаешь обо мне, я загорюсь, сильно. Тогда ты поймешь, что это я.

Вика ещё целый день гуляла, гуляла с шариком. А он больше и не просил её ни о чем. Он прыгал и скакал вместе с нею, нетерпеливо пробуя веревочку на прочность, дёргая за руку. И уже когда настал вечер, Вика подтянула шарик к себе. Посмотрела на него, вздохнула и сказала:

– Лети! Что с тобой поделаешь! Не могу я тебя удержать. Мне, конечно, хочется, чтобы ты еще побыл со мной... – вытерла выступившую слезу и отпустила веревочку из рук.

Шарик рванулся резко вверх от неожиданности, что его отпустили. А потом захотел остановиться, вернуться к Вике, помахать ей своим хвостиком, улыбнуться, но не тут-то было. Набежал сильный ветер. Подкинул, подтолкнул шарик вверх и зашумел:

– Давай играть! Давай играть! Полетели вверх!

И вдвоем они помчались высоко-высоко. К самым облакам.

А Вика стояла и смотрела, как шарик играл в догонялки с ветром и как они резвились среди облачков. Шарик летел и становился все меньше и меньше. Он ещё иногда махал ей своим хвостиком, но всё реже и реже. Вика становилась все меньше, меньше. Пока он совсем не потерял её из виду. А сверху он увидел красивый, красивый город, море, корабли, подарки, парки, дороги, дома. И он всё летел и летел, поднимался всё выше, выше. И поднявшись, он увидел, что земля такая же, как он, круглая, только голубая. Он поднялся так высоко, что стал маленькой звёздочкой. И его стало не видно среди других звезд.

А Вика ночью выглянула в окошко и прошептала:

– Шарик! Ты где!?

И неожиданно в небе она увидела, как вспыхнула яркая красная звездочка и послала Вике маленький ночной лучик. И тогда она поняла, что это её улетевший шарик. Она помахала ему ручкой, и звёздочка загорелась ещё ярче. От смущения.

О нас думают, нас читают

Отзывы об авторах и их произведениях в журнале «Берега», № 4 (28)-2018

Народный артист СССР ИГОРЬ КИРИЛЛОВ о романе княгини ВЕРЫ ЛОБАНОВОЙ-РОСТОВСКОЙ «О ТРАГЕДИИ РОССИИ. ДО И ПОСЛЕ 1917 г.»:

«В молодости мало обращаешь внимания на исторические свидетельства. С годами же понимаешь, какая это важная часть нашего сознания и нашей зрелости. Когда перелистываешь страницы романа, думается, что сама История перелистывается перед нами. Роман насыщенный и значимый для российского читателя. В детстве у меня собралась большая коллекция открыток, представляющих собой репродукции Третьяковской галереи и Музея изобразительных искусств имени Пушкина. Когда стал абитуриентом – оказалось, что изображения не только сформировали мой вкус, но и дали большую информа-

цию по истории искусства. Вот так и эти удивительные лица, которые мы теперь имеем возможность видеть в публикации, красноречиво говорят нам о прошлом Отечества, о том, как важно для нашей теперешней жизни понимать его во всей его сложности».

Народный артист России ЕВГЕНИЙ КИНДИНОВ и заслуженная артистка России ГАЛИНА КИНДИНОВЫ о романе княгини ВЕРЫ ЛОБАНОВОЙ-РОСТОВСКОЙ «О ТРАГЕДИИ РОССИИ. ДО И ПОСЛЕ 1917 г.» :

«В этом романе потрясает сила духа, поиск веры, честь, достоинство героини и автора. Нас всегда поражает это в людях – несмотря на то, что их растаптывают, унижают – остается вера в промысел Божий. Нас поражает присутствие высокого духа в прозе Веры Дмитриевны. Она не уронила своего человеческого достоинства в испытаниях. Как это возможно? Невероятно. Этот роман не просто нужен. Он необходим. Это то, без чего вообще не может существовать российская государственность. Это тот корабль, на котором все держатся. Без той культуры, которая была присуща княгине – не удержится Россия. Нам

всем, по крайней мере, необходимо знать то, что утеряно. Что такое патриотизм? Это понятие потерялось в «анналах памяти». А тут конкретный патриотизм, который жил в этих людях, героев романа – хотя их убивали».

Княгиня Лариса Щербатова: Прочитала с большим интересом, нашла для себя много нового. Какая прелесть – В.Лобанова-Ростовская! В этот характер легко влюбиться, и не хочется расставаться, напротив, возникает непреодолимое желание – продолжить чтение... Хорошо, что есть в планах книга.

Сергей Пылёв, член Союза писателей России, член редакционного совета журнала «Берега»: Новый номер – замечателен! Глубок. Повесть о комсомоле, Сэда Веримшева и Ваши глубинные вопросы, княгиня Вера Дмитриевна Лобанова-Ростовская и так далее – чтение изысканное, мудрое, совестливое. Каждый материал – достойное открытие. Какая нужная книга может сложиться по теме Лобановых-Ростовских. Я говорю это не с учётом запросов книжного псевдорынка, а по душевному позыву. Тема падения русской монархии, гибели великой России – Царственная тема журнала! Она, как всегда, есть предмет особого духовного напряжения читателя, есть возможность ему увидеть то время и НЫНЕШНЕЕ, без идеологической пудры или шарлатанского кровопускания. Такие материалы, в которые столь естественно и оправданно вписывается и Ваш волнующий тай-

нами великого мастерства художнического очерк о музее личных коллекций живописи, помогают ощутить в единстве прошлое, настоящее и будущее. И то, что случившееся в годы срежессированной гибели великой царской России, не ПРОШЛОЕ, что оно поныне работает, что механизм убийства России ещё упёрто тикает, отсчитав годы революции, сражения с Германией, крушение СССР – всё это звенья одного плана...

Игорь Ерофеев, член Союза писателей России, член редакционного совета журнала «Берега»: «Нашёл время почитать «Берега». Сразу скажу, номер состоялся, он мне оказался по духу очень близок, начиная с интервью с душевным человеком Сэдой Вермишевой, заканчивая Латгальскими берегами. А ещё тронула повесть Андрея Новгородова и поэзия Нестругина и особенно Витакова,

Занимательны воспоминания и рассуждения Сергея Кириллова.

Оригинальную литературную форму подачи отмечаю в прозе Владимира Нечаева. Просто и умно. И, традиционно, узнаю для себя что-то новое в познавательных материалах о том же режиссере Панине или Василии Белове.

Очень качественная критика Людмилы Яцкевич. В целом, все достойно и заслуженно.

Александр Новосельцев, член Союза писателей России, член редакционного совета журнала «Берега»: «Дочитываю с удовольствием очередной номер «Берегов». Дорогая Лида! Великое ты дело вершишь. Быть добру!»

Сергей Кириллов, поэт, прозаик, публицист, член редакционного совета журнала «Берега»: «Спасибо автору Геннадию Сазонову за ИНТЕРЕСНЕЙШИЙ материал! За интервью с Ольгой Беловой.

О книге В.Д. Лобановой-Ростовской: Как приятно читать текст, написанный грамотной рукой русского автора, по-русски же и написанный! Прелесть просто!!! Его-то бы да в учебники истории России, чтобы все желающие познать историю родного Отечества отроки могли видеть, ЧТО именно случилось на просторах Руси сто лет назад, а не впитывать жалкие лживые «высоки» из партийного пальца, имеющие одну-единственную цель: запудрить мозги согражданам и создать некий ореол святости и непогрешимости новой власти!

О Болеславе Тейковском: – Очень важная и нужная статья! Хвала и честь автору, не забывшему об основах межгосударственных отношений, напомнившему об исторической правде последнего столетия и ратующего за добрососедские отношения народов России и Польши в частности. Жаль, что «ящик», желая того или не желая, каждодневно демонстрирует нам на всякого рода публичных дискуссиях совершенно противоположные факты. Демонстрирует и невольно зарождает в людском сознании, как минимум, неприязнь к соседям. Неприязнь, если не сказать больше. Может, хотя бы этот материал встряхнёт сознание людей? Хотя бы малую их часть – читателей журнала «Берега»?

Об Ольге Орс: Очень хорошо! Красиво, трогательно и по-человечески мудро!

Об Ираиде Кальмелене: Прелесть! Какая прелесть!!! Почти вся подборка высшего качества!

О материале Людмилы Яцкевич и стихе Романова: Ох! Ох!! Ох!!!Ох!!!! Ох!!!!!! Ай да автор! Это уже сродни гражданину Минину и князю Пожарскому! Такие-то бы строфы да пошире бы в народ! Глядишь, и очистились бы души-то людские от мути-то, спеленавшей Россию сто лет назад!

Григорий Блехман, секретарь Союза писателей России: И этот номер традиционно получился ёмким, насыщенным и хорошего литературного качества. Поэтому и читать – большое удовольствие и немалая польза. В каждом из разделов есть свои изюминки.

Здесь важнее то, что журнал находится изначально на высоком литературном уровне, и это подтверждает каждая публикация в любом из литературных жанров.

Среди авторов много добрых знакомых – моих товарищей: Алексей Новгородов, Валерий Латынин..., и конечно, Сэда Константиновна, которых поздравлю отдельно.

Беседа же между Вами и Сэдой Константиновной, на мой взгляд, является украшением номера по своей глубине и охвату проблем.

Умеете Вы задать такую интонацию, которая позволяет раскрыть собеседника, потому что умение задать нужные вопросы в нужной последовательности – отдельное искусство, которое мало кому по силам.

Вы им владеете отменно. В очередной раз имею удовольствие поздравить Вас с рождением номера высокого качества.

Александр Лайков, член Союза писателей России: Вам спасибо и всего доброго! Надеюсь, что мои стихи ещё появятся в Вашем журнале «Берега». По-честному, он мне очень дорог и близок духовно. Творческих дерзаний и успехов!

Владимир Вахрамеев, член Международной Ассоциации писателей и публицистов: Мои поздравления! Очередной номер журнала получился прекрасно оформленным и литературно богатым по тематике, жанрам и писателям, публицистам и поэтам!

Анатолий Байборodin, член Союза писателей России, главный редактор журнала «Сибирь»: Лидия, дорогая, прекрасный номер.

Сэда Вермишева, член Союза писателей России: Дорогая Лидия Владимировна! Огромное спасибо за журнал, – расширяется кругозор, корректируются оценки. Интересно. Полезно. Поучительно. Особое спасибо за интервью, за вопросы. Согласна с Г. Блехманом. Никогда не думала – но это действительно особая способность – построить вопросы так, чтобы охватить не только и не столько личное, сколько на фоне личного суметь дать широкую картину большого исторического времени, всколыхнуть космос 20 века российской истории... Спасибо Вам и тем, кто прочёл нашу беседу.

Из жанров выделила бы поэзию. Все авторы хороши. Такая современная в лучшем смысле этого слова поэзия. И так ярко, но, главное, не натужно, выражена в ней национальная сущность России. Сейчас читаю материал В. Краснова... Никогда не думала, что в такие лета буду переосмысливать и переоценивать ход русской истории. Ещё раз спасибо Вам за журнал, нашу беседу, спасибо всем, кто на неё откликнулся. Я послала электронную версию «Берегов» своим внученькам в США, где они сейчас волею горестных обстоятельств пребывают, и старшая, которой 17 лет, выделила не детские эпизоды в нашей беседе, а определение, что есть поэзия.

Значит, не все пропало. Обнимаю Вас, дальнейших Вам успехов и всегда готова и рада нашему сотрудничеству.

Андрей Новиков, Александр Пономарёв, члены Союза писателей России: Дорогая Лидия Владимировна! Огромное спасибо, что Ваш замечательный журнал уделит место нашему автопробегу по огромным просторам России. Благодарим Вас за тонко продуманное представление нового для «Берегов» формата – литературного автопутешествия, продолжающего великую литературную традицию со времен Гоголя, Чехова, Толстого, Гумилева, за гармоничное художественное оформление статьи, за бережное сохранение авторского текста. Рады, что читатели журнала смогут познакомиться с писательской, творческой жизнью в регионах нашей страны, которые мы посетили в ходе своей литературной миссии, направленной на сближение писательских организаций. Теперь на страницах издания нашлось достойное место и Липецким берегам, а мы, липецкие писатели и читатели, знакомимся с Вашими неординарными авторами, с мыслителями и философами, с поэтами и публицистами. Главное, что показывает и доказывает журнал, – русская литература жива, она растёт «снизу», опираясь на русские литературные и культурные традиции. В непростых экономических условиях, в которых сегодня оказались без исключения все литературные издания, журнал остается верен высоким принципам, защищающим талант. Слава Богу, что есть у нас журнал, помогающий сохранению и возрождению русской словесности. Благодаря тонкой редакторской политике, чувству времени, поиску интересных авторов, «Берега» сильно выделяются среди толстых литературных журналов.

Людмила Яцкевич, член Союза писателей России, доктор филологических наук, профессор: Большое спасибо за труд. Я горжусь, что моя публикация в таком содержательном и интересном журнале.

Сейчас «Берега» читают моя старшая дочь и зять.

Людмила Воробьёва, критик, Минск: Спасибо, дорогая Лидия Владимировна, за Ваш духовный отклик и такой чуткий нравственный труд! Тронута Вашим особым вниманием и благодарна.

Александр Нестругин, член Союза писателей России, Воронеж: Главный для меня материал – Ваша беседа с Сэдой Константиновной Вермишевой. В поэтическом разделе тронула подборка Георгия Кольцова – поэта искреннего, светлого, с естественной интонацией, очень близкого мне.

Эяна Суодене, доктор гуманитарных наук, автор проекта «Фестиваль православной поэзии Покрова», Каунас: Уважаемая, дорогая, драгоценная госпожа Лидия!

Пожалуйста, примите слова моей искренней благодарности. Для меня это счастье. Все материалы серьёзны и глубинны.

Владимир Подлuzский, член Союза писателей России:

Только утром получил электронную версию четвёртого номера. Естественно, прочитать весь сразу невозможно. Начал с «Жаркого месяца августа» Сергея Кириллова. Теперь понимаю, почему он член редакционного Совета «Берегов». Вещь захватила с первых же строк. Сначала подумалось, что передо мной роман. Настолько экспрессивно и высокохудожественно произведение. Потом понял, опубликовано документально-философское эссе о службе в Советской Армии. И где! В западной Украине. В 1968 году, который вполне мог бы стать, судя по приведённой фактуре, атомным. До сих пор мы все знали только о вводе войск Варшавского Договора в Чехословакию. А тут, кажется, впервые рассказывается о приведении в тот жаркий август ядерных ракет в полную боевую готовность. Эссе славно и своими героями. Колоритно и убедительно выписаны образы командиров дивизии, полка и дивизиона. Таких офицеров я тоже встречал тремя годами позже уже в Восточной Украине, в Запорожье. Впечатлил полковник, ставший перед строем без фуражки. Как будто на молитву вышел перед возможной ядерной атакой. А какие меткие и точные характеристики даны солдатам разных национальностей, являющихся полноценными членами одной боевой семьи -ракетного дивизиона. Детали отлично запоминаются и, по сути, являются документами эпохи.

Уверен, что таким же мудрым и обстоятельным является весь четвёртый номер. С нетерпением хочется углубиться в чтение.

С уважением, Владимир Подлuzский.

Елена Канеева, поэт, прозаик, художник, Калининград: Очень рада, что книга «Трагедия России» Веры Дмитриевны Лобановой-Ростовской будет издана. Мощно воздействующая на читателя, важная для понимания настоящих причин нынешнего положения России, искренняя, эмоционально окрашенная переживаниями интеллигентной, умной женщины, успевающей не только вести свою большую семью, но и ежедневно записывать в дневник и осмысливать всё происходящее. Многоплановый эпический роман, квалифицированно, профессионально представленный в сокращённом изложении, великолепно проиллюстрированный фотографиями, с подробными сносками-пояснениями. Низкий поклон Никите Дмитриевичу Лобанову-Ростовскому, предоставившему людям возможность узнать книгу, преодолевшую сложности по публикации. Спасибо Вам, Лидия Владимировна, давшей дорогу роману. Спасибо Екатерине Фёдоровой за её интереснейшие статьи и работу с книгой.

Юрий Серб, член Союза писателей России: Дорогая Лидия! Благодарю за присланный 4-й номер «Берегов», читал его до утра. Замечательно открывается номер беседой с Сэдой Константиновной Вермишевой, прекрасным поэтом и примером суверенной мысли на страницах «Российского

писателя». Поздравляю «Берега» с прозой Валерия Латынина. Рассказы Владимира Нечаева понравились стилем и содержанием. Был рад прочесть в «отзывах» строки добрейшего Григория Блехмана, с которым мы практически всегда единомысленны. Журнал «Берега» под Вашим руководством остается верен высоким идеалам отечественной литературы.

Александр Мамнев, прозаик, художник: Имею честь и удовольствие наблюдать «Берега» с первых номеров. Удивительно точная стратегия строительства журнала и высокопрофессиональная тактика сделали «Берега» известными и узнаваемыми далеко за границами Калининградской области. Орденская планка «Берегов» вызывает заслуженное уважение. Сегодня «Берега» уверенно можно сравнивать с лучшими советскими литературными журналами – «Новым миром», «Юношью», «Иностранкой». Причем, уже сложно сказать, в чей адрес комплимент. Говорят – авторам. Конечно. Но симфонический оркестр без дирижера – собрание отдельных музыкантов со своими инструментами, зазвучит он, когда взмахнут палочки. Главная заслуга главного редактора Лидии Владимировны и всей редакционной команды. Поздравляю всех: редакцию, авторов и читателей с выходом очередного номера. Горжусь, что у нас есть такой журнал и своей малой сопричастностью. Ваш А.М.

Ираида Кельмелене, поэт, член Пушкинского общества Латвии: Это Очередной номер журнала читаю с таким же интересом, как и предыдущие. Особенно: воспоминания Княгини Лобановой-Ростовской, повесть Александра Чумикова. Очень понравилась проза Валерия Латынина и Сергея Кириллова. В разделе «Критика» меня привлекла статья Людмилы Воробьевой о поэзии Татьяны Жилинской. В поэтическом блоке душу затронули стихи Георгия Кольцова и Василия Попова. Замечательные разделы «Берега наследия» и «Берега истории», читаются на одном дыхании. Журнал настолько интересен и познавателен, что перечисляя, понимаешь – нравится абсолютно ВСЁ!!! Давно у нас не было журнала, выхода которого, ждешь с нетерпением. Огромное спасибо за Вашу литературную, издательскую деятельность и душевную отзывчивость. Я прочитала Вашу статью о посещении музея Владимира Рыбакова в Юрмале. Восхищаюсь замечательной коллекцией картин и собранием икон. Благодарю Вас за возможность мысленно пройтись по замечательному музею. Вы написали так, что человек, который ни разу в музее не был, захочет его посетить. Благо дарю Вам!

Виктор Коноплев, главный редактор сетевого издания «Наша Среда online»: Дорогая Сэда Константиновна, спасибо Вам от души за Ваше доброе сердце и внимание. Я очень ценю и дорожу нашей дружбой. Ваше интервью уже на сайте: <http://nashasreda.ru/poeticheskoe-vyshe-knyazheskogo/>

Наши друзья

Советуем почитать:

- Журнальный мир:** <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/vse-zhurnaly>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
День литературы: <http://denlit.ru/>
Сайт Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры: <http://slav-academ.ru/regions.html>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru Почтовый адрес: 690003, Владивосток, ул. Авраменко, д.17, кв. 65
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Журнал «Великоросс»: <http://www.velykoross.ru/>
Журнал «Экоград» Москва: <http://ekogradmoscow.ru/novosti/novosti-press-sluzhb/zhurnal-berega-pobedil-v-konkurse-zhurnalistskogo-masterstva-slava-rossii>
Виртуальный салон искусств «Преголя-арт»: <http://pregolia-art.com>
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Русский народный дом: <http://rusnardom.ru/russkaya-literatura/poeziya/intervyu-yunnyi-morits/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Журнал «Новая Немига литературная»: <https://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya>
Портал Переправа: <http://pereprava.org/>
Московский журнал <http://www.mosjour.ru>
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне www.raga.org
Русская народная линия <http://www.ruskline.ru>
Журнал «Подъем»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура в Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Журнал «Сибирь», гл. ред. Анатолий Байборodin, Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург – <http://rodnayaladoga.ru/index.php/onas?id=59>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «Врата Сибири», гл.ред. Л.К. Иванов, Тюмень
Журнал «Белая вежа», гл.ред. Наталья Костюченко, Минск
Альманах «На нёманскай хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Корни», редактор Ольга Соколова, Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл.ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Пражский Парнас», гл. ред. Ольга Белова, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздняя, Вильнюс
Поэтический альманах «Письмена», редактор Юрий Касянич, Рига
Альманах «Резекне» – Almanah-rezekne.lv, редактор Ольга Орс, Латгалия
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл.ред. Альберт Снегирёв, Каунас

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья!

Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка Маэстро на счет: **63900220 9003003076.**

Стоимость одного журнала — 400 руб. Подписка на год — 2400 рублей.
Свой почтовый адрес после оплаты выслать Лидии Владимировне Довыденко:
dovidenko_L@mail.ru